

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2020 Том 11 № 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Болдырев Николай Николаевич, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Карасик Владимир Ильич, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost, DOAJ.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика (Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика)* издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

**Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 04.08.2020. Выход в свет 28.08.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 15,275. Тираж 500 экз. Заказ № 631. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2020 VOLUME 11 No. 3

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denisenko
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia Novospasskaya
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludlia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Vladimir I. Karasik, Volgograd State Social Pedagogical University (Volgograd, Russian Federation)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, EBSCOhost, DOAJ, Russian Index of Science Citation

Aims and Scope

"RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics" elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal **"RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics"** was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semiotij@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semiotij@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

- Бирих А.К. (Трир, Германия), Ломакина О.В. (Москва, Российская Федерация), Николаева Е.К. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Селиверстова Е.И. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Степанова Л.И. (Оломоуц, Чешская Республика).** Контрапункты современной фразеологии. К юбилею проф. В.М. Мокиенко 425

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ

- Korolkova A.V. (Smolensk, Russian Federation) (Королькова А.В. (Смоленск, Российская Федерация)).** *Language as a Concept of Russian Aphoristics* (Концепт язык в русской афористике) 434
- Ко Чун Ин (Тайбэй, Китайская Республика).** Фрактально-семиотическое моделирование концепта ЧАША в религиозных текстах 448
- Зыкова Е.И. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Специфика функционирования крылатых выражений в поэзии Дмитрия Быкова 463
- Dugalich N.M. (Moscow, Russian Federation) (Дугалич Н.М. (Москва, Российская Федерация)).** *Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages* (Универсальные и культурно-специфические черты и языковые особенности политической карикатуры на арабском и французском языках) 479
- Гананольская Е.В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Фразеологический минимум русского языка: реальность и перспективы 496
- Калугина Ю.Е. (Москва, Российская Федерация).** Анализ национально-маркированных терминологических единиц экономики на материале английского языка 517
- Alontseva N.V., Ermoshin Y.A. (Moscow, Russian Federation) (Алонцева Н.В., Еромошин Ю.А. (Москва, Российская Федерация)).** *Language Norms of International Treaties* (Языковые нормы международных договоров) 532
- Savchenko A.V., Khmelevskii M.S. (Saint-Petersburg, Russian Federation) (Савченко А.В., Хмелевский М.С. (Санкт-Петербург, Российская Федерация)).** *Bosnia and Herzegovina as a Historical Balkan Bridge Between Cultures, Religions and Nations* 545
- Ван На, Кобылко Я. (Москва, Российская Федерация, Варшава, Республика Польша).** Метод текстового семантического поля как возможность системного подхода к изучению художественного текста: на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» 560

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

Матыцина И.В. (Москва, Российская Федерация). Типичные грамматические особенности официально-деловых текстов в русском и шведском языках 572

Хоссейни А.А., Табассом Хакрах Кахнамуи (Тегеран, Иран). Инфинитивные вопросительные предложения в русском и персидском языках: модальные значения потенциальности и оперативности 585

РЕЦЕНЗИИ

Красина Е.А. (Москва, Российская Федерация). Рецензия на книгу: Крюкова О.П. Речемыслительная деятельность в лингвистической теории и образовательной практике (экспериментальное исследование когнитивной организации лингвистических знаний на материале английского и русского языков) 596

CONTENTS

MODERN PHRASEOLOGY

- Bierich A.K. (Trier, Germany), Lomakina O.V. (Moscow, Russian Federation), Nikolaeva E.K. (Saint-Petersburg, Russian Federation), Seliverstova E.I. (Saint-Petersburg, Russian Federation), Stepanova L.I. (Olomouc, Czech Republic).** Counterpoints of Modern Phraseology. To the Anniversary of Prof. V.M. Mokienko 425

COGNITIVE STUDIES IN LANGUAGE

- Korolkova A.V. (Smolensk, Russian Federation).** Language as a Concept of Russian Aphoristics 434
- Ko Chiung-ying (Taipei, Republic of China (Taiwan)).** Fractal Semiotics Modeling of Concept Cup in Religious Texts 448
- Zykova E.I. (Saint-Petersburg, Russian Federation).** The specificity of functioning of winged expressions in the poetry of Dmitry Bykov 463
- Dugalich N.M. (Moscow, Russian Federation).** Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages 479
- Ganapolskaya E.V. (Saint-Petersburg, Russian Federation).** Russian Phraseological Minimum: Reality and Prospects 496
- Kalugina, Ju.E. (Moscow, Russian Federation).** Analysis of Country Specific Terminological Units in Economics from English Sources 517
- Alontseva N.V., Ermoshin Y.A. (Moscow, Russian Federation).** Language Norms of International Treaties 532
- Savchenko A.V., Khmelevskii M.S. (Saint-Petersburg, Russian Federation).** Bosnia and Herzegovina as a Historical Balkan Bridge between Cultures, Religions and Nations 545
- Van Na, Jaroslaw Kobytko (Moscow, Russian Federation, Warsaw, Republic of Poland).** Text Semantic Field Method as a Possibility of Systemic Approach to the Study of Literary Text: on the Material of the Novel "HOME OF THE GENTRY" by I.S. Turgenev 560

FUNCTIONAL GRAMMAR

- Matytsina I.V. (Moscow, Russian Federation).** Typical Grammatical Peculiarities of Formal and Business Writing in the Russian and Swedish Languages 572

Hosseini A.A., Tabassom Khakrah Kahnamouei (Tehran, Iran). Infinitive Interrogative Sentences in Russian and Persian: Modal Meanings of Potentiality and Efficiency	585
--	-----

REVIEWS

Krasina E.A. (Moscow, Russian Federation). Review on the Book: Kryukova O.P. Verbal-intellectual Activity in linguistic theory and teaching practice (Experimental study of cognitive structures of language acquisition in English and Russian)	596
---	-----

Современная фразеология Modern Phraseology

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-425-433
УДК: 81'373

Информационная статья / Informative article

Контрапункты современной фразеологии. К юбилею проф. В.М. Мокиенко

А.К. Бирих¹, О.В. Ломакина^{2,3}, Е.К. Николаева⁴,
Е.И. Селиверстова⁵, Л.И. Степанова⁶

¹Университет Трира
Университетсринг, 15, г. Трир, Германия, 54296
bierich@uni-trier.de

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198

³Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, д. 23Б, г. Москва, Российская Федерация, 115184
rusoturisto07@mail.ru

⁴Российский государственный гидрометеорологический университет
ул. Воронежская, д. 79, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 192007
elena_kairovna@mail.ru

⁵ Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034
selena754@inbox.ru

⁶ Университет им. Палацкого в Оломоуце
ул. Кржижковского, 10, г. Оломоуц, Чешская Республика, 771 80, ЧР
Ludmila.Stepanova@seznam.cz

Статья приурочена к 80-летию со дня рождения Валерия Михайловича Мокиенко, доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, почетного председателя фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. В статье дан обзор основных направлений научного творчества ученого, описаны его научные интересы, главным из которых является фразеология и фразеография. В.М. Мокиенко предложил выявлять динамическое взаимодействие противоречивых свойств фразеологической системы, раскрывать механизм фразеологического образования с привлечением широких генетических и типологических параллелей для определение природы фразеологической единицы. Метод структурно-семантического моделирования, основанный на детализированном сопоставлении диалектной, славянской и неславянской евро-

© Бирих А.К., Ломакина О.В., Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., Степанова Л.И., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

пейской идиоматики, лежит в основе современных теоретических и практических работ последователей ученого. Трилогия словарей под редакцией В.М. Мокиенко отличается точная паспортизация единиц, отсылки к синонимическим оборотам, что облегчает читателю ориентацию в огромном материале источника, очерчивает параметры фразеологического пространства, близкого к паспортизируемому выражению, и позволяет показать богатство образов народной речи, передающих одну и ту же семантику.

Ключевые слова: В.М. Мокиенко, фразеология, паремиология, крылатика

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта No 20-012-00305.

История статьи:

Дата поступления: 30.05.2020

Дата приема в печать: 10.06.2020

Для цитирования:

Бирих А.К., Ломакина О.В., Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., Степанова Л.И. Контрапункты современной фразеологии. К юбилею проф. В.М. Мокиенко // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2020. Т. 11. no 3. С. 425—433. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-425-433

UDK: 81'373

Counterpoints of Modern Phraseology. To the Anniversary of Prof. V.M. Mokienko

**Alexander Bierich¹, Olga V. Lomakina^{2,3}, Elena K. Nikolaeva⁴,
Elena I. Seliverstova⁵, Ludmila I. Stepanova⁶**

¹Trier University

15, Universitätsring, Trier, Germany, 54296

bierich@uni-trier.de

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

6, Miklukho Maclay Str., Moscow, Russian Federation, 117198

³St. Tikhon's Orthodox University

23B, Novokuznetskaya Str., Moscow, Russian Federation, 109451

rusoturisto07@mail.ru

⁴Russian State Hydrometeorological University

79, Voronezhskaya ul., St. Petersburg, Russian Federation, 192007

elena_kairovna@mail.ru

⁵Saint Petersburg State University

7/9, University Embank., St. Petersburg, Russian Federation, 199034

selena754@inbox.ru

⁶Palacký University Olomouc

10, ul. Krzhizhkovskogo, Olomouc, Czech Republic, 77180

ludmila.stepanova@upol.cz

Abstract. The paper is timed to coincide with the 80th anniversary of the birth of Valery M. Mokienko, Doctor of Letters, Professor of Slavic Philology, Philology Department, St Petersburg State University, Honorary Chairman of the Phraseological Commission of the International Committee of Slavists. The paper reviews focal areas of the scholar's research, lists his academic interests, the main of

those being phraseology and phraseography. V.M. Mokienko proposed to detect dynamic interactions of contradictory properties of the phraseological system, to reveal the mechanism of phrase formation involving broad genetic and typological parallels to determine the nature of a phraseological unit. The method of structural and semantic modeling based on a detailed comparison of dialectal, Slavic and non-Slavic European idiomacy is the basis of modern theoretical and practical studies of the scientist's followers. The trilogy of dictionaries edited by V.M. Mokienko distinguishes precise certification of units, references to synonymous turns, which makes it easier for the reader to navigate in the huge source material, outlines the parameters of the phraseological space close to the certified expression, and makes it possible to show the wealth of images of folk speech conveying the same semantics.

Key words: V.M. Mokienko, phraseology, paremiology, krylatika

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR according to the research project No 20-012-00305.

Article history:

Received: 20.05.2020

Accepted: 31.05.2020

For citation:

Bierich, A.K., Lomakina, O.V., Nikolaeva, E.K., Seliverstova, E.I. & Stepanova L.I. (2020). Counterpoints of Modern Phraseology. To the Anniversary of Prof. V.M. Mokienko. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 425—433. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-425-433

2020-й год отмечен рядом дат. Так, фразеологи, паремиологи, крылатологи, диалектологи, лексикографы, этнолингвисты и многие другие представители филологической общественности поздравляют с 80-летием Валерия Михайловича Мокиенко, доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, почетного профессора Оломоуцкого университета, почетного председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, чья жизнь уже более 50 лет неразрывно связана с фразеологией и с Санкт-Петербургским университетом.

В стенах этого университета (в то время — Ленинградского госуниверситета им. А.А. Жданова) он впервые оказался в 1959 г., поступив на I курс славянского отделения филологического факультета. Ему довелось стать последним учеником (дипломантом) замечательного ученого, академика Б.А. Ларина. Именно Б.А. Ларин привил ему горячий интерес к народной речи. В 1964 г. В.М. Мокиенко с отличием окончил славянское отделение, а в 1969 г. стал кандидатом наук. Его кандидатская диссертация была посвящена географическим названиям в народных говорах Псковщины. В те же годы возникла творческая и человеческая дружба с Никитой Ильичом Толстым, оказавшая огромное влияние на формирование молодого ученого, на расширение сферы его научных интересов.

Интересы В.М. Мокиенко чрезвычайно разносторонни, и его вклад в развитие современной лингвистики весьма значителен. Кроме фразеологии, доминантами его научно-исследовательской деятельности являются также славистика, сопоставительная лексикология славянских и неславянских язы-

ков, этнолингвистика, паремиология, общая и славянская лексикография, крылатика. Этим научным проблемам посвящено более 1200 его работ — монографий, словарей, статей и других публикаций.

Но именно фразеология — это та область лингвистики, которой Валерий Михайлович Мокиенко самозабвенно занимается много лет, избирая и осваивая различные ее направления и заражая других своим научным азартом.

Фразеологии посвящены основные труды В.М. Мокиенко. Его докторская диссертация «Противоречия фразеологии и ее динамика» (1976) внесла значительный вклад в разработку теории фразеологии как научной дисциплины. В основе его подхода — выявление динамического взаимодействия противоречивых свойств фразеологической системы, раскрытие механизма фразеобразования с привлечением широких генетических и типологических параллелей. Именно в осознании и четкой формулировке противоречий фразеологии, пожалуй, заключается основная заслуга В.М. Мокиенко как теоретика фразеологии. Позже эти идеи были отражены и развиты в книге «Славянская фразеология» (1980). Раскрыть механизмы динамики славянских фразеологических систем позволил В.М. Мокиенко метод структурно-семантического моделирования, основанный на детализированном сопоставлении диалектной, славянской и неславянской европейской идиоматики. Сейчас этой методикой пользуются многие фразеологи [1; 2; 3; 4; 5]. Например, в работах по русинской фразеологии, являющихся пионерскими из-за неизученности этого микроязыка, доказано, что «русинская паремиология и фразеология дают немало материала для наблюдений о межславянском языковом взаимодействии. Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством» [6. С. 126].

Метод языкового сопоставления привел В.М. Мокиенко к славянской исторической фразеологии, где им сделано особенно много. На основе размышлений о происхождении поговорок возникли его книги «Вглубь поговорок» (1 изд. — 1975), «Образы русской речи» (1 изд. — 1986), «Загадки русской фразеологии» (1990), «От Авося до Ятя» (1 изд. — 1998). Этимологические комментарии содержат и «Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь» (1990; соавт. В.Ф. Фелицына), и словарь «Фразеологизмы в русской речи» (1997; соавт. А.М. Мелерович).

Скрупулезное изучение истории устойчивых оборотов позволило ученому выработать пять важных принципов этимологического анализа фразеологии: 1) тщательная фиксация всех вариантов фразеологизма и их лингвогеографическое описание в пределах одного языка (с обязательным привлечением диалектного материала); 2) сопоставление собранного материала с языковыми фактами родственных и неродственных языков; 3) хронологическая характеристика конкретных фразеологизмов в различных языках и выявление наиболее древней фиксации; 4) привлечение культурных, этнографических, мифологических и других фактов для расшифровки фра-

зоологического этимона; 5) выявление на основе собранного материала исходного образа, лежащего в основе фразеологизма. Такое всестороннее рассмотрение устойчивых словосочетаний в их исторических и межъязыковых связях дало ему возможность опровергнуть многие существовавшие версии об исконности оборота, традиционно связывавшегося с русскими реалиями, или, наоборот, продемонстрировать национальную специфику калькированного выражения. Результатом историко-этимологических изысканий В.М. Мокиенко стал «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1 изд. — 1998), содержащий этимологические версии около 6000 фразеологизмов, над которым он вместе Л.И. Степановой и А.К. Бирихом работал много лет. Таким образом, «историко-этимологический анализ, обоснованный в работах В.М. Мокиенко и представителей его школы, ставит целью поиск универсального и национально-специфического» [7. С. 269]. А при анализе <...> паремиологического материала «позволяет показать национальную специфику рассматриваемой паремии и дать информацию об исконности паремии в родном для нее языке» [7. С. 269].

Нелегкий, но увлекательный труд составления словарей привлекал В.М. Мокиенко еще со студенческой скамьи, и сейчас мы видим впечатляющий результат его лексикографических трудов. С присущей ему энергией и размахом он организовал расписывание древнейших и современных источников русской фразеологии и паремиологии. По праву Т.Г. Никитина называет лексикографию той звездной сферой, «где результаты, достигнутые Валерием Михайловичем, сопоставимы с рекордами Книги Гиннеса. 90 словарей, составленных Мокиенко-автором и соавтором на материале фразеологизмов, паремий, крылатых слов, жаргонизмов, историзмов, представляют 30 типов лексикографических источников» [8. С. 144].

В лексикографической деятельности Валерий Михайлович Мокиенко, с одной стороны, руководствуется принципом предельно полного охвата единиц, подпадающих под критерии отнесения их к тому или иному разряду фразеологизмов — пословиц, устойчивых сравнений, крылатых выражений и авторских цитат и т.д.; единиц жаргонного, диалектного и литературного происхождения, а с другой стороны, — последовательно освещает разные по типу устойчивые словосочетания русского языка, или же русского — в сопоставлении с лингвистическими единицами иных языков.

Под руководством В.М. Мокиенко разные по составу авторские коллективы создали целую коллекцию словарей: словарь «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов» (СПбГУ; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. — 926 с.); «Школьный словарь живых русских пословиц» (СПб.: «Издательский дом “Нева”»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. — 352 с.); в соавторстве с А.М. Мелерович — словарь «Фразеологизмы в русской речи» (М.: Русские словари, 1997. — 864 с.), отражающий специфику авторского употребления известных устойчивых выражений; в соавторстве с Т.Г. Никитиной — «Большой словарь русского

жаргона. 25 000 слов и 7 000 устойчивых сочетаний». (СПб.: Норинт, 2000. — 720 с.); в соавторстве с В.П. Берковым и С.Г. Шулежковой «Большой словарь крылатых слов русского языка» (М.: Русские словари; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. — 624 с.); в соавторстве с Г.А. Лилич и О.И. Трофимкиной — «Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц» (М.: АСТ : Астрель, 2010. — 639 с.); в соавторстве с Харри Вальтером разработана серия лексикографических изданий — от словаря шутливо-игровых употреблений паремий «Антипословицы русского народа» (СПб.: Издательский дом «Нева», 2005. — 576 с.) до словаря иноязычных соответствий русским пословичным выражениям среди оборотов немецкого и польского языков («Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями)» (H. Walter, V. Mokienko, E. Komorowska, K. Kusal. — Greifswald–Szczecin, 2014); в соавторстве с К.П. Сидоренко — серия словарей писательской крылатики: «Словарь крылатых выражений А.С. Пушкина» (СПб.: Изд. СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. — 752 с.), «Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь» (СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. — 796 с.) и многие другие.

По инициативе и при непосредственном участии в качестве соавтора и соредатора В.М. Мокиенко была создана целая серия двуязычных и многоязычных фразеологических словарей: русско-немецкие словари пословиц, библеизмов и фразеологизмов, русско-испанско-немецкий словарь библеизмов, русско-польский словарь крылатых слов и т.п. К сожалению, рамки данной статьи не допускают детального показа всей серии выпущенных лексикографических источников.

Сам ученый перечисляет разработанные Б.А. Лариным и нашедшие в трудах его школы такие принципы лексикографирования, как «принцип полноты словника, принцип точной паспортизации материала, принцип временной и пространственной характеристики описываемых единиц, принцип ретроспективной лингвокультурологической характеристики, принцип комплексного описания вокабул» [9. С. 72]. Обозначенные принципы легли в основу при создании трилогии словарей, за которые В.М. Мокиенко в 2019 г. была присуждена Золотая медаль РАН им. В.И. Даля.

Данная трилогия, созданная по инициативе, под руководством и при активном участии проф. Мокиенко, состоит из: «Большого словаря русских поговорок» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Москва: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2008), «Большого словаря русских народных сравнений» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Москва: Олма, 2008), «Большого словаря русских пословиц» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К., Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010). Эта трилогия стала самым заметным явлением современной фразеологии. В словарях представлен небывалый уникальный по охвату языкового материала массив русских устойчивых единиц:

- свыше 40000 поговорок (максимально полный свод русской национальной идиоматики во всех ее функционально-стилистических сферах);

- 45000 устойчивых сравнений, включающих, помимо закрепленного в языковом узусе, весьма репрезентативный диалектный материал, в котором представлены архангельские, вологодские, псковские, смоленские, ярославские и др. говоры, а также выражения, характерные для социалектов и, в частности, молодежного жаргона;

- более 70 000 пословиц, последовательно представленных в единой детализированной композиции — с указанием стилистической характеристики, степени употребительности и социально-территориальной сферы употребления, точным и полным толкованием значения, историко-этимологическим комментарием, объяснением диалектных, иноязычных или жаргонных слов, входящих в паремию. Точная паспортизация источников с учетом хронологической характеристики «позволяет узнать, когда пословица была впервые зафиксирована в лексикографических источниках» [10. С. 108].

Несомненным достоинством словарей трилогии являются сопровождающие большинство словарных статей отсылки к синонимическим оборотам, что облегчает читателю ориентацию в огромном материале источника, очерчивает параметры фразеологического пространства, близкого к паспортизируемому выражению, и позволяет показать богатство образов народной речи, передающих одну и ту же семантику.

Как и большинство университетских профессоров, научную деятельность Валерий Михайлович тесно связывает с педагогической. Его лекции и семинары не только дают актуальную и полезную информацию, но и увлекают студентов перспективой научной работы. Он читал лекции в университетах Австрии, Германии, Италии, Испании, США, Чехии, Польши. Фразеологический семинар при Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина, основанный В.М. Мокиенко в 1979 г., активно работает и сейчас, став международным центром по исследованию славянской фразеологии и паремиологии.

С 1978 г. Валерий Михайлович — член фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, а с 2018 г. — ее почетный председатель. За эти годы под эгидой комиссии было проведено около 100 международных фразеологических конференций и симпозиумов, на которых сложилось редкое научное и человеческое единение фразеологов из разных стран Европы, укреплены связи фразеологов-славистов с Европейским обществом фразеологов (ЕВРОФРАЗ), издано несколько сотен книг по фразеологии. В каждой области знаний встречаются ученые, которые своим обликом — и научным, и человеческим — непосредственно воздействуют на окружающее их интеллектуальное пространство и во многом определяют царящий в нем климат. Безусловно, в области фразеологии таким человеком является В.М. Мокиенко. Направления его исследований во многом определяют развитие современной фразеологии в целом, находят отражение не только в трудах его учеников и последователей (на сегодняшний день под руководством профессора защищено более 100 кандидатских и 20 докторских диссертаций), но и ученых всего мира.

Верность своим принципам и преданность науке — эти два качества, вероятно, особенно характеризуют В.М. Мокиенко. Поэтому нет сомнения, что Валерий Михайлович и дальше будет трудиться с присущей ему энергией и увлеченностью на научной ниве, реализуя свои идеи и проекты, которых у него хватит на долгие годы. Остается только пожелать уважаемому Ученому долгих здоровых лет, сил и энергии, чтобы он мог исполнить все задуманное!

Библиографический список

1. Бредис М.А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019.
2. Іваноў Я.Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў // *Studia slawistyczne*. 2003. no. 4. С. 49—55.
3. Іваноў Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // *Славянская фразеология в синхронии и диахронии*. 2016. no. 3. С. 46—49.
4. Николаева Е.К., Селиверстова Е.И. Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2016. no 61 (2). С. 325—343. doi: 10.1556/060.2016.61.2.6.
5. Николаева Е., Николаев С. «Андроны едут»: (историко-этимологический этюд) // *Slavia Orientalis*. 1996. no 45 (4). С. 503—508.
6. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне украинского и русского языков // *Русин*. 2016. no 3 (45). С. 119—128. DOI: 10.17223/18572685/45/9.
7. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. no 11 (2). С. 265—284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284.
8. Никитина Т.Г. Профессор Валерий Михайлович Мокиенко: «Много дел у меня, но лишь одна Полярная звезда» (к юбилею ученого) // *Русистика*. 2020. no 18 (2). С. 141—151. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-2-141-151>.
9. Мокиенко В.М. Принципы ларинской лексикографии в трехтомном большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка // *Вопросы лексикографии*. 2012. no 1. С. 70—84.
10. Ломакина О.В. О современном лексикографическом описании русских пословиц // *Русский язык в школе*. 2011. no 5. С. 107—110.

References

1. Bredis, M.A. (2019). *Man and money: Essays on Russian proverbs and more*. St Petersburg. (In Russ.).
2. Ivanov, E.E. (2003). Principles of comparative description of aphoristic paremiology of the Belarusian and Russian languages. *Studia slawistyczne*, 4, 49—55. (In Belarus).
3. Ivanov, E.E. (2016). Universal and national in phraseological and paremiological funds of the Belarusian Language in the European language context (research relevance, methodology, research prospects). *Slavic phraseology in synchrony and diachrony*, 3, 46—49. (In Belarus).
4. Nikolaeva, E.K. & Seliverstova, E.I. (2016). The idea of good sleep in Slavic languages (on the basis of stable comparisons) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 61 (2), 325—343. doi: 10.1556 / 060.2016.61.2.6
5. Nikolaeva, E. & Nikolaev, S. (1996). “Androns ride”: (historical and etymological study). *Slavia Orientalis*, 45 (4), 503—508.

6. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian language. *Rusin*, 3 (45), 119—128. doi: 10.17223/18572685/45/9.
7. Bredis, M.A., Dimoglo M.S. & Lomakina, O.V. (2020). Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (2), 265—284. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284. (In Russ.).
8. Nikitina, T.G. (2020). Professor Valery Mokienko: “I have a lot of things to do, but only one Pole Star” (dedicated to the anniversary of the scientist). *Russian Language Studies*, 18 (2), 141—151. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-2-141-151>.
9. Mokienko, V.M. (2012). Principles of Larins lexicography in the three-volume Big Dictionary of Proverbs, Sayings and Similes of the Russian language. *Voprosi leksikografii*, 1, 70—84.
10. Lomakina, O.V. (2011). About modern lexicographical description of Russian Proverbs. *Russian language at school*, 5, 107—110. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Бирих Александр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славянской филологии (языкознание), директор института славистики Трирского университета, Германия; *e-mail*: bierich@uni-trier.de

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и славистики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: rusoturisto07@mail.ru.

Николаева Елена Каировна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и предвузовской подготовки Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *e-mail*: elena_kairovna@mail.ru.

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация; *e-mail*: selena754@inbox.ru.

Степанова Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, профессор кафедры славистики философского ф-та Университета им. Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика; *e-mail*: ludmila.stepanova@upol.cz.

Information about the authors:

Alexander Bierich, Univ.-Prof. Dr. habil, Head of the Department of Slavonic Studies, Trier University, Germany; *e-mail*: bierich@uni-trier.de.

Olga V. Lomakina, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics and Slavic Studies, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University (Russia); Professor, Department of Foreign Languages at the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN); *e-mail*: rusoturisto07@mail.ru.

Elena I. Seliverstova, Doctor of Philology, Professor, Professor and acting head of Russian Language Department for Humanitarian and Natural Faculties; St. Petersburg State University; Russia; *e-mail*: selena754@inbox.ru.

Elena K. Nikolaeva, PhD, Associate professor, Head of Russian Language Department, Russian State Hydrometeorological University (RSHU), St. Petersburg, Russia; *e-mail*: elena_kairovna@mail.ru.

Ludmila I. Stepanova, Professor, CSc., Department of Slavonic Studies, Faculty of Arts, Palacky University Olomouc; *e-mail*: ludmila.stepanova@upol.cz.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ Cognitive Studies in Language

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-434-447
UDK: 811.161.1'373:398.9

Research article / Научная статья

Language as a Concept of Russian Aphoristics

Anzhelika V. Korolkova

Smolensk State University
4, Przhhevsky str., Smolensk, Russian Federation, 214000
lika.korolkova@bk.ru

Abstract. The article describes aphoristics as an integral part of the language and culture studies reflecting the value system of the people's mentality diachronically and synchronically. Russian aphoristics has been preserving national identity, morale and values throughout centuries, for generations transferring cultural and historic memory of the people. However, aphoristics reflects not only unique, specific features of Russian culture and mentality but also demonstrates unanimity of the culture codes and the universal character of human values. The study specially focuses on the Russian aphoristics' sphere of concepts whereas, possible to outline and depict dozens of concepts specified on the level of culture as well. The concept LANGUAGE represents one of the key concepts of the human cognitive system, hence it is widely and diversely exposed in the corpus of the Russian aphoristics of the 18th—21st centuries. In aphoristics, LANGUAGE emerges in different ways. In Russian aphoristics, the specification of the concept LANGUAGE has got an ambivalent nature. Here LANGUAGE is realized in the homonymic phraseo-semantic field being verbalized by means of the most frequent components of the core and periphery of the phraseo-semantic field: LANGUAGE (Russian language, native tongue), foreign LANGUAGE, word, parole, syllable, etc.

Key words: aphorism, aphoristics, concept *LANGUAGE*, linguoculturology, linguistic worldview

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 30.04.2020

For citation:

Korolkova, A.V. (2020). *Language as a Concept of Russian Aphoristics*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 434–447. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-434-447

© Королькова А.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК: 811.161.1'373:398.9

Концепт *язык* в русской афористике

А.В. Королькова

Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, д. 4, Смоленск, Россия, 214000
lika.korolkova@bk.ru

В статье говорится о том, что афористика является неотъемлемой частью языка и культуры, отражает ценностную парадигму ментальности народа в синхронии и диахронии. Русская афористика сохраняет на протяжении столетий национальное самосознание, морально-нравственные ценности народа, обладает свойством передавать из поколения в поколение культурно-историческую память. Однако афористика отражает не только уникальность, своеобразие русской культуры и ментальности, но и показывает общность культурных кодов и универсальность общечеловеческих ценностей. Особое внимание в статье уделяется концептосфере русской афористики, в которой можно выделить и описать десятки концептов, реализующихся и на уровне культуры. Концепт *язык* является одним из основополагающих в системе знаний человека о мире, поэтому он широко и разнообразно представлен в корпусе русской афористики XVIII—XXI вв. Концепт *язык* актуализируется в афористике различными способами. Реализация концепта *язык* в русской афористике показывает его амбивалентность. Концепт *язык* в русской афористике реализуется в одноименном фразеосемантическом поле и вербализуется через самые частотные компоненты ядра и периферии: *язык (русский язык, родной язык), иностранный язык, слово, речь, слог* и пр.

Ключевые слова: афоризм, афористика, концепт *язык*, лингвокультурология, языковая картина мира

История статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 30.04.2020

Для цитирования:

Korolkova A.V. *Language as a Concept of Russian Aphoristics* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 434—447. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-434-447

Introduction

Modern linguocultural studies pay special attention to the issue of interrelation between language and culture. The topic of their interaction and interdependence is a key one. Language determines the means to study and learn, to cognize the world by various nations, predesignates their thought and mentality, and simultaneously makes up an integral constituent of the culture, rather its product. In the study “Russian phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects”, Prof. V.N. Telia rightly remarked that “culture and language maintain the dialogue”, while “culture is a kind of unique memory of the nation. And fulfilling its cumulative distribution function, language provides for the intergeneration dialogue going not only from the past to the present, but also from the present to the future” [1. P. 226].

Being an integral part of language and culture, aphoristics reflects the value paradigm of nation's mentality — both synchronically and diachronically. During centuries, the Russian aphoristics conserves national self-consciousness, moral and ethical values, and possesses the ability to transfer cultural and historic memory from generation to generation. The Russian aphoristics (as well as any other one) retains and reflects national cultural picturesqueness. Still, aphoristics concerns both — the unique identity of the Russian culture and mentality, and demonstrated the affinity of cultural codes and human value universality as of the examples of Russian sayings fixed in notions of *love*, *Motherland*, *happiness*, *generosity*, *friendship*, *time* and so on.

Methodology of the Study

The carried out analysis based on the descriptive and analytical method to characterize the concept *LANGUAGE* in Russian aphoristics. The main methodical principle used the continuous sampling of aphorisms having a keyword (concept) *LANGUAGE* from the nuclear and periphery zones of “The Dictionary of Aphorisms of Russian Writers”. Over 170 aphorisms were studied.

Discussion

Within the frames of various linguocultural studies, the issue of concepts is crucial, and concepts are treated as the basic cultural units, *sui generis* ‘clots of culture’ (according to Prof. Yu. S. Stepanov's terminology).

Until present, the origin of a concept causes discussion, and the definitions of the term remain variable. However, the majority of scholars agree that concept manifest itself as the main means of cultural translation of the value paradigm. In our study systematizing aphoristic matter, we reclined on the theory of Acad. D.S. Likhachev.

While approving the importance to study national conceptual sphere, Acad. D.S. Likhachev acknowledged the linguistic conceptual sphere, created by writers and the folklore, is extremely abundant. But a national language being ‘an exclusively cultural and mental phenomenon, representing spiritual, animated hypostasis’ used to be the background of creativity of each and every writer [2. P. 281].

Besides, Acad. D.S. Likhachev states the concept to be the result of collision between a dictionary entry meaning and individual (national) human experience. “Considering a word perception, its meaning and concept, we don't have to exclude a man (...), the perception of concept is the more broader and ampler, the more broader and abundant is man's cultural experience”, writes D.S. Likhachev [2. P. 282]. He specifies that concepts exist in ‘ideosphere’ of a man, depend on his experience and background knowledge. Concepts possess a certain potential of semantic substitution of a word which could be revealed in a certain context. These postulates of Acad. D.S. Likhachev pertain the studies of Russian

aphoristics conceptual sphere to full extent. Aphorisms of independent writers, poets, scholars reflect the richest cultural experience of the nation and the greatest personal cultural potential. Aphoristics render the linguistic worldview of the most learned and educated people of the time, and simultaneously, it partially reflects the ‘naïve’ worldview of the whole nation.

Nowadays studies of concepts’ content are numerous and multidimensional; see the significant works by Yu.Eu. Prokhorov [3], Yu.S. Spepanov [4], V.A. Maslova [5], G.V. Tokarev [6], Z.D. Popova and J.A. Sternin [7], N.F. Aliferenko [8], E.S. Kubryakova [9] and others.

As is generally recognized, concept actualization takes place through its verbalization. In course of the concepts’ analysis verbalized in the Russian aphoristics, in the structure of a saying, we determined the keyword and analyzed its lexico-semantic combinability.

Having accomplished the semantic analysis of the Russian aphoristics, and revealing the body of their keywords, it became possible to state that the Russian aphoristics key words being the semantic background of a saying, coincide with the basic verbalized concepts of the Russian culture, while the Russian cultural conceptual sphere practically coincide with the semantic blocks and phrase-semantic fields of the Russian aphoristics. However, we have to mention that the conceptual sphere and semantic space of the Russian aphoristics should be reasonably discriminated.

While representing the literary intention of an author the conceptual sphere of the Russian aphoristics still retains the basic generalized invariant to realize the definite concept. In addition, it’s necessary to mention, that the concepts of the Russian aphoristics make up an integral part of the so-called literary worldview. We’d also mark, that the verbalized Russian aphoristics concepts depict and demonstrate both — national aesthetic traditions and their individual independent authors’ perception.

The Russian aphoristics conceptual sphere lets us allocate and describe a few dozens of concepts which are realized at the level of culture.

The concept LANGUAGE is one of the fundamental concepts of human knowledge of the world which makes it to be broadly and variously represented in diverse linguocultures. As to the Russian linguoculture, the concept LANGUAGE is diversely foregrounded, and in aphoristics as well. In Russian aphoristics, the realization of the concept LANGUAGE demonstrates its ambivalence.

We’d like to say that the study is based on the aphoristic units registered and displayed in the “Dictionary of aphorisms of the Russian writers” (18th—20th centuries) [10].

We have to add that the aphorisms’ nature and their origin have been under studies for quite a long time, and no well-established approach exists. The issues of aphoristic studies were discussed in the works by E.E. Ivanov [11], N.T. Fedorenko and L.I. Sokol’skaya [12], K.M. Tangir [13], A.V. Korol’kova [14], Yu.Eu. Prokhorov [15; 16], Eu.M. Vereschyagin and V.G. Kostomarov [17],

N.O. Guchinskaya [18], O.A. Dmitriyeva [19], I.P. Sharapov [20], S.A. Shatalova [21] and others.

In the Russian aphoristics, concept LANGUAGE is revealed in the cognominal phraseo-semantic field and is verbalized through the most frequency components: *язык (русский язык, родной язык), слово, речь, слог* (literally: ‘language (Russian language, native language), word, speech syllable’), etc. The issue is discussed in detail by Prof. Yu.S. Stepanov [22].

The concept under study is to full extent revealed in the vast phraseo-semantic field ‘LANGUGE’ both in the nucleus (*язык, русский язык, родной язык*; lit.: ‘Russian language, native language’) and the periphery (*слово, речь, слог*; lit.: word, speech, syllable’). Russian aphorisms verbalize the concept LANGUAGE directly using the name of the concept and its synonyms belonging either to the nucleus or periphery spheres.

The diachrony of the Russian aphoristics demonstrates the semantic changes in the meaningful capacity of the concept LANGUAGE.

The Russian aphoristics of any epoch or time span helps find the sayings about *language*. Most frequently aphorisms about *language* are labeled with positive connotation. All aphorisms telling about the Russian language virtually render the meaning of pride, admiration, national identity, beauty, flexibility, euphony and eloquence. The Russian speech and language are the property of the nation, they are evolving together with the nation which is why language should be conserved and protected from any vulgar over-simplification.

Let’s make an example:

*Во век отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чужого, ничего;
Но собственной своей красою украшайся* (A.P. Sumarokov)¹.

* * *

Phraseo-semantic field LANGUAGE is one of the most significant and notional in the Russian conceptual sphere as the speech in the Russian culture and mentality was understood as the God’s gift. Such tradition in interpreting language dates back to ancient Russian literature. This phrase-semantic field of the Russian aphoristics is one of the vastest as to the number of sayings, the depth of apprehension of the issue. During many centuries one may observe the evolution and amplification of the content plane of the concept LANGUAGE.

In the 18th century aphoristics, one can’t possibly find a single saying about the Russian language, speech or word per se having a negative connotation. Word

¹ Having no translation of the verse by A.P. Sumarokov — one of the father-founders of the literary Russian language, we’d just render the content literally: ‘*In centuries respect your native language, don’t introduce anything alien into it, but be proud if its own beauty*’. The same notes will be done further.

and speech are understood as a specific background, as the basis of the Russian culture. No one creating aphorisms on language and speech has ever noted a destructive prime of the Russian word.

In the 19th century, the phraseo-semantic field under the study has been actively appending and developing within the structure of the Russian aphoristics on the whole, thus implementing the dynamics of the concept LANGUAGE in the Russian linguoculture.

At the turn of the 18th—19th centuries, the aphoristics of G.R. Derzhavin and N.M. Karamzin elaborated similar ideas about the language, and expressed unlimited, endless appraisal of the Russian word, and stated that the Russian language was not just equal to any European language, but in many respects surpassed them:

‘In love with the native *word*, I wish I shown its wealth, flexibility, facility and general capability to express the most tender feelings which I believe are scarce in other languages’, wrote G.R. Derzhavin.

‘Long live the tribute and glory of our *language* in its native and original treasure almost without any foreign touch, and let it flow as a proud magnificent river which roars and rumbles, and suddenly if necessary, softens and babbles as a tender rivulet and sweetly pours into the soul forming all the measures which reflect only downturns and upturns of the human voice!’, as wrote N.M. Karamzin.

In the 19th century, many aphorisms about language make us pay attention to the historic value in developing the native word to resound the national history.

P.A. Vyazemsky wrote on the issue the following:

*Язык есть исповедь народа;
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.*²

It was in the first quarter of the 19th century when among the Russian writers, men of letters and critics the discussion broke out tackling the purity of the Russian language becoming especially crucial when the ideological, worldview assumptions of Slavophiles and Occidentalists were set up. The Russian aphoristics was involved in the discussion whereas the concept LANGUAGE (WORD) has acquired new shades of meaning. At this, one has to mention that both in the 17th and 18th centuries that the aphorisms about language impurity, clogging it with foreign words were widespread in the sayings of A. Kantemir and V.K. Trediakovsky. In the 19th century, such aphorisms became even more frequent due to “linguistic” discussions of Slavophiles and Occidentalists. Thus in

² To formulate the meaning in English: *Language is the confession of a nation; the people’s nature, soul and life are sound in language.*

the 19th century there appear aphorisms which state that natural borrowings could be favourable for the Russian language (A.S. Pushkin artfully wrote about it).

In the 20th century, the concept LANGUAGE becomes even more frequent than earlier. Nearly every writer and poet lay open aphorisms (that is sayings included in large and various texts) as the discourse on language and speech, on style and functional features of language/ At the same time the authors of aphorisms might have abided rather opposite views on the political processes developing in the country, e.g.:

Русский язык
красив
и ядрен... (V. Mayakovsky).³

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — *речь* (I.A. Bunin).⁴

Furthermore, language becomes a tool of the revolutionary fighting that once and again is declared in many aphorisms of D. Bedny, V. Mayakovsky, E. Bagritsky.

As is known, any concept in course of implementation in language and speech reflects the aspects of the national conceptual worldview. The concept LANGUAGE makes no exception. Since ancient times, in the Russian national conceptual worldview the concept of LANGUAGE (WORD) was always thought as something sacral. In every century — 18th, 19th and 20th, there come into being a number of aphorisms comprehended philosophically within the ontological paradigm. See examples:

Language is a tool of *thinking*... To treat language carelessly means to think carelessly: inaccurately, approximately, incorrectly (A.N. Tolstoy).⁵

In the 18th—21st centuries, as a leading principle, the great number of sayings attributed the power or might of LANGUAGE (WORD). Word determined the worldview and ideology of a man, his beliefs and opinions, models his behavior.

A great many aphorisms tells us about strong connection between the language and the soul of a nation. One can insist that in the Russian aphoristics in course of applying the concept LANGUAGE, we can observe the reflection of individual linguistic worldviews making up as a whole the national worldview which possesses specific ontology.

³ Literally: *Russian language is beautiful and invigorating* (V. Mayakovsky).

⁴ Literally: *We haven't got any other treasure! Be able to take care, at least to the extent that one is able, in days of animosity and misery our immortal gift — our speech* (I.A. Bunin).

⁵ Word-by-word translation is given.

As to the Russian aphoristics recorded as the entries of “The Dictionary of Aphorisms of Russian Writers” it’s represented in blocks of aphorisms about language by independent authors. Thus, several dozens of such aphorisms belong to V.G. Belinsky, A.I. Herzen, V.I. Dahl, M. Gorky, L.N. Tolstoy, A.S. Pushkin, K.G. Paustovsky. These aphorisms tackle the issues of the Russian language history, its treasures, beauty and value, and linguistic issues as well.

For example, V. I. Dahl said that language determines the soul of people and belonging to a certain nation:

‘Neither vocation, nor confession and the very blood of ancestors don’t determine a man to belong to a certain nation. *Spirit*, soul of a man — therein one has to look for his belonging to this or that *nation*. How is it possible to determine the belonging of Spirit? By all means, the Spirit revelation is a thought. The language a man is thinking on, determines the nation he belongs to’.

Using and creating aphorisms about language every writer and poet focuses attention on its diverse aspects. Thus, A.I. Herzen considers the beauty and legerity of the native language to be the most important features; F.M. Dostoyevsky thinks that ‘language and the people are synonyms’; N.M. Karamzin emphasizes ‘the self-treasure of the native language’; V.K. Küchelbecker adorns ‘resonant, rich and powerful language; K.P. Batyushkov writes about ‘the language of the enlightened nation’.

A.S. Pushkin created a great number of sayings concerning the Russian language and praising its beauty, freedom, imagery, brightness, ‘sonority and expressiveness’. In somer sayings the poet says that ‘colloquial speech of the simple folk (...) also deserves deep studies’, that the language should be given maximal freedom, etc.

The written *language* revives every single minute with expressions born in the conversation, but it shouldn’t renounce the acquisition which came into being in course of centuries. To use exclusively the colloquial speech means no language acquisition.

The legacy of K.G. Paustovsky is rather aphoristic: the aphorisms introduced penetrate both his creative literary works and publicistic texts. The works by K.G. Paustovsky use a greeat many aphorisms realizing the concept LANGUAGE. The write states that ‘one can make wonders with the Russian language’, that the Russian people is great and happy, because it created such a beautiful language.

The aphoristic corpus of sayings about language contains those which emphasize the creative potential of a word. Many authors (starting from the 19th century) demonstrate the necessity to study the native language, its importance for the national education. Similar aphorisms could be found in the works by M.V. Lomonosov, P.A. Vyazemsky, A.I. Herzen, A.I. Kuprin, M. Gorky and others, e.g.:

Native language should make our main background and our general education as wel as the education of every one of us (P.A. Vyazemsky).

Several aphorisms of the Russian classical literature are devoted to the issues of individual authors style (eloquence, language) of an author. To every poet, writer, playwright and literary critic language is the fundamental base of the creative work, a specific means, so the purity of style. Stylistic specifics are reflected in a great many of aphorisms in the works of A.S. Pushkin, N.V. Gogol, L.N. Tolstoy, I.A. Bunin, V.V. Veresayev, M.Gorky, K.G. Paustovsky.

‘*Language* shouldn’t be just understandable and simple, but it should be good. The beauty or rather the generosity of language might be treated in two respects: in respects of words used themselves and in respect of their combinations’ (L.N. Tolstoy).

At the turn of the 20th—21st centuries in the Russian aphoristics there come in a large number of sayings on the issues of the Russian language, on the strong necessity to save and conserve it. In this aspect, aphoristics reflects the “naïve” worldview, as social issues of the perestroika period were embodied in the sayings of the kind. The sense volume of the concept LANGUAGE is widening, there are observed semantic changes of its content plane.

The anti-aphorisms (the term coined by V.M. Mokienko and H. Walter) and aphorisms of the start of the 20th century reveal the pejoratively labeled concept LANGUAGE which wasn’t observed during many centuries in the Russian aphoristics. There existed sayings criticizing the state of the Russian language, but neither mischief nor negative connotation was observed. The conceptual sphere of modern worldview demonstrates the ambivalence towards language. See the following example:

Длинный язык до фингала доведет [23. P. 572]: here the Russian expression ‘*длинный язык*’ metaphorically means ‘big mouth’ or ‘chatterbox’. And the Russian word ‘*фингал*’ is actually ‘black eye’, but metaphorically means ‘trouble’.

Nowadays even the language of the arts becomes obscene and thus unquotable [23. P. 572].

‘Learn English, my dear friend, I beg you! In our Motherland, as to *the Russian language* the writer can anyhow do without, but as to the English language — never! One can gain international recognition just cursing ‘filthy Russia’ in perfect English, preferably stammering in the Oxford manner’, according to Yuri Polyakov, modern Russian writer [24].

Moreover, in the so-called facetious “folk” aphoristics there exists the trend not simply to desacralize language, but to vulgarize it.

The Russian aphoristics realizes the concept LANGUAGE verbalizing the components of the notion — *speech* and *word*, which make the key words of many aphorisms. For example:

Народ — зодчий речи.
Речь — зодчий народа. (A. Voznesensky)⁶

Another example:

Правилу следуй упорно:
Чтобы *словам* было тесно,
Мыслям — просторно. (N.A. Nekrasov)⁷

In the Russian aphoristics the concept LANGUAGE reveals the vast background knowledge of the authors of the sayings. Many aphorisms of the kind are marked with both the discourse on language and individual style of literature classics — A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, A.P. Chekhov, L.N. Tolstoy, N.A. Ostrovsky and others, — and their sayings about the history and grammar of the Russian language, as well.

It's useful to mention that on the whole the acquisition of aphorisms shows a certain level of man's education concerning his speech and the meta-text, and it deepens the essential understanding of any issue. In course of realization of the concept LANGUAGE of the Russian aphoristics there takes place not only the representation of the individual author's worldview, but their sayings are being included in the broad context of the Russian culture. A great many of the aphorisms make up the so-called *winged words*, incoming to the modern linguistic space. We know the monograph titled "Winged words: Their sources and expression" written by Prof. S.G. Shulezhkova [25].

Winged words become an integral part of the modern rapidly developing language games discourse, which is fixed in corresponding dictionaries, e.g., "The Great Dictionary of Winged Words" [26].

Thus the well-known winged words belong to the aphorisms created by I.S. Turgenev 'about the wonderful, great and magnificent Russian language', those created by A.S. Pushkin that 'Slavonic and Russian language has got unsurpassed advantages'. The aphoristic joke by A.S. Pushkin «...Без грамматической ошибки // я русской речи не люблю»⁸ has actually lost the author's attribution and became a winged expression. Bearers of the modern Russian don't know the author of the aphorism «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок»⁹ (though it belongs to N.V. Gogol). In the famous comedy by A.S. Griboyedov "Wit works vow" a few aphorisms on the concept LANGUAGE have transformed into the winged expressions

⁶ Literally: *The nation is the architect of speech, and the speech is the architect of the nation*, where the Russian word 'зодчий' is archaic word to denote of an architect.

⁷ Literally: *Follow the rule thoroughly — so as words be closely set, and thoughts be ample.*

⁸ Literally: *I don't like the Russian speech lacking a grammar mistake.*

⁹ Literally: *You're stunned by the treasures of our language: a single sound makes a great surprise.*

frequently use in modern Russian, e.g., ‘mixture of languages — French and Nizhny Novgorod tongues’ (literally), etc.

Modern journalism widely uses the winged expressions with the key word *language* as well.

In the Russian aphoristics on the whole, the concept LANGUAGE persists in the dialectic ties with all its aspects, and reflects the interaction of the universal properties with those of national and historical ones revealing the national specifics of the cultural life.

On the one hand, In Russian linguoculture and Russian aphoristics as well, the concept LANGUAGE is considered to be unique in its content, as it is most frequently verbalized by means used to combine both The Russian language and a native language. All the languages of the world do possess the concept LANGUAGE which is characterized by its own independent national and cultural specifics. On the other hand, the concept LANGUAGE one can consider to be the universal as in various and diverse languages it is based on the perception of the ontological origins of language, describes its functional features that was reflected by the Russian aphoristics as well. Several aphorisms containing the concept of LANGUAGE have got the same meaningful volume as in the sayings of Classical Antiquity authors. For example, the power and magnificence of words were mentioned in the works by Demokritos, Publius Syrus, and Menander; as well as modern authors V.V. Mayakovsky, V.G. Kovalenko and V.G. Belinsky:

Нет ничего сильнее слова. (Menander) (lit.: ‘*There’s nothing stronger than a word*’)

Слово — полководец человеческой силы (V.V. Mayakovsky) (lit.: ‘*Word is a chieftain of human power*’).

During a few centuries in diachrony one could clearly see semantic changes in verbalizing the concept LANGUAGE — in the direction of absolutely majorative meaning towards partially pejorative one. In synchrony, within some historic epochs, as in the 19th century, the concept LANGUAGE reveals semantic simplicity which wouldn’t exempt individual independent author’s interpretation of aphorisms.

Conclusion

Russian aphorisms verbalizing the key word and concept LANGUAGE make an integral part of the belles-lettres worldview of a number of writers. Despite the fact, such aphoristic sayings foreground the national and cultural specifics of the concept reflect several basic national moral and ethical prescriptions being connected with the sacralization of Word as a God’s blessing.

The concept LANGUAGE persisting in the Russian aphoristics is multidimensional and manifold one as it reveals a number of cognitive aspects.

In the nucleus zone of the concept LANGUAGE within the Russian aphoristics has got the sayings speaking about language ontological origins about

its wealth, beauty, significance and history of the Russian language, and the necessity of its conservation.

In the periphery zone of the concept LANGUAGE being realized in the sayings with the key words *speech, word, style*, the semantic volume of the concept enlarges insignificantly, and the potency of Russian language, Russian word and speech are also emphasized which speaks in favour of the wide range of linguistic capability to express the slightest hues of feelings in the native language.

We'd like to draw attention to the sayings with key words like foreign language and foreign words which also form the periphery zone. In Russian aphoristics the opposition of “self — alien (foreign)” is of crucial importance, e.g., *Russian language, native language — foreign language, foreign words*. The use of foreign words isn't disapproved when the author of an aphorism himself applies a pragmatic sense, but the overuse of foreign words and foreign language on the whole is not welcome by many writers, poets and literary critics. Still, learning foreign languages intellectually enriches a man, broadens his range of vision.

Any *learning of foreign languages* advance and modernize mentality adding flexibility and ability to intervene foreign world contemplation, according to D.I. Pisarev.

In some cases in the Russian aphoristics the key words of the periphery zone of the concept LANGUAGE are represented by the following units: *eloquence, oratorical art, oratorical skill, orator or speechmaker, poetry, poet*. The number of sayings with the given key words is of significant quantity, there are especially many aphorisms with the key words like *poet* and *poetry* (in the frames of contextual synonyms to the key words of *speech* and *word*).

The Russian aphoristics does represent the concept LANGUAGE in full scale and effect but to create the broad-based comprehensive structure of the concept one has to take into account even more its aspects.

References

1. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
2. Likhachev, D.S. (1997). The conceptsphere of the Russian language In *Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text*. Moscow: Academia. (In Russ.).
3. Prokhorov, Yu.E. (2008). *In search of a concept*. Moscow: Flinta, Nauka. (In Russ.).
4. Stepanov, Yu.S. (2007). *Concepts. Thin film of civilization*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
5. Maslova, V.A. (2007). *Linguoculturology: a textbook for students of higher educational institutions*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
6. Tokarev, G.V. (2003). *A concept as an object of linguoculturology (based on representations of the concept of “Labor” in Russian)* [monograph]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
7. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *Semantic and cognitive analysis of language* [monograph]. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
8. Alefirenko, N.F. (2006). *Language, Cognition and Culture: Cognitive-Semiological Synergetics of the Word* [monograph]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
9. Kubryakova, E.S. (2004). On the precepts of cognitive science and actual problems of cognitive linguistics. *Issues of Cognitive Linguistics, 1*, 6—17. (In Russ.).

10. Korolkova, A.V., Lomov, A.G. & Tikhonov, A.N. (2007). *Dictionary of Russian writers' aphorisms*, A.N. Tikhonov (Ed.). Moscow: Russian language Media. (In Russ.).
11. Ivanov, E.E. (2016). *Linguistics of aphorism*. Mogilev: Moscow State University named after A.A. Kuleshov. (In Russ.).
12. Fedorenko, N.T. & Sokolskaya, L.I. (1990). *Aphoristics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Tangir, K.M. (2007). *Russian antinomic aphorisms: speech and language aspects of conflict and paradox*. Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.).
14. Korolkova, A.V. (2018). *Aphoristics in the context of Russian culture*. Smolensk: SmolSU Publishing House. (In Russ.).
15. Prokhorov, Yu.E. (1977). *Linguistic and geographical description of aphoristics for educational purposes* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
16. Prokhorov, Yu.E. (1997). Aphorism In *Russian Language: Encyclopedia*, Yu.N. Karaulov (Ed.). Moscow: Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija, Drofa. (In Russ.).
17. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990). National-cultural semantics of linguistic aphorisms In *Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in the Teaching of Russian as a Foreign Language*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
18. Guchinskaya, N.O. (1993). Aphorisms as an intertextual version of a lyric-poetic text In *Intertextual communications in a literary text*. St. Petersburg: Obrazovanie. (In Russ.).
19. Dmitrieva, O.A. (1996). On the ethnocultural specificity of proverbs and aphorisms In *Language personality: cultural concepts Language personality: cultural concepts: articles*. Volgograd—Arkhangelsk: Peremena. (In Russ.).
20. Sharapov, I.P. (1996). *Theory of aphoristics*. Moscow: the author's publishing house. (In Russ.).
21. Shatalova, S.A. (2000). *Linguistic foundations of the aphorist in literary texts F.M. Dostoevsky (based on the novels "Demons" and "teenager")* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
22. Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
23. Walter, H. & Mokienko, V.M. (2005). *Antiproverbs of the Russian people*. SPb: Publishing House "Neva". (In Russ.).
24. Polyakov, Yu.M. (2013). *The fringe of life. Aphorisms, thoughts extracted for reflection and for entertainme*. Moscow: AST. (In Russ.).
25. Shulezhkova, S.G. (2002). *Catch phrases of the Russian language, their sources and development*. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
26. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2009). *A large dictionary of catch phrases and expressions of the Russian language; in 2 vols*. Magnitogorsk, MAU; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. (In Russ.).

Библиографический список

1. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
2. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997.
3. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М.: Флинта, Наука, 2008.
4. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
5. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гнозис, 2007.
6. *Токарев Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003.
7. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007.
8. *Алефиренко Н.Ф.* Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова. Монография. Волгоград: Перемена, 2006.

9. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. по 1. С. 6—17.
10. *Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н.* Словарь афоризмов русских писателей. Под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык Медиа, 2007.
11. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016.
12. *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. М.: Наука, 1990.
13. *Тангир К.М.* Русские антиномичные афоризмы: рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007.
14. *Королькова А.В.* Афористика в контексте русской культуры. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018.
15. *Прохоров Ю.Е.* Лингвострановедческое описание афористики в учебных целях: автореф. дис...канд. филол. наук. М., 1977.
16. *Прохоров Ю.Е.* Афоризм // *Русский язык: энциклопедия* / гл. ред Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энциклопедия, Дрофа, 1997.
17. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. М.: Русский язык, 1990.
18. *Гучинская Н.О.* Афоризмы как интертекстуальный вариант лирико-стихотворного текста // *Интертекстуальные связи в художественном тексте*. СПб.: Образование, 1993.
19. *Дмитриева О.А.* Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов // *Языковая личность: культурные концепты*: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград—Архангельск: Перемена, 1996.
20. *Шарапов И.П.* Теория афористики. М.: Изд-во автора, 1996.
21. *Шаталова С.А.* Лингвистические основы афористики в художественных текстах Ф.М. Достоевского (на материале романов «Бесы» и «подросток») дис...канд. филол. наук. М., 2000.
22. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
23. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005.
24. *Поляков Ю.М.* Бахрома жизни. Афоризмы, мысли, извлеченные для раздумий и для развлечения. М.: АСТ, 2013.
25. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002.
26. *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка; в 2-х т. Магнитогорск, МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009.

Information about the author:

Anzhelika V. Korolkova, Grand PhD in (Philology) sciences, Professor, Department of literature and journalism of the Smolensk state University, Smolensk, Russia; research interests: theoretical linguistics, applied linguistics (lexicography), modern Russian language (phraseology, aphorism), methods of teaching Russian language and literature. Author of more than 150 scientific publications, including monographs, dictionaries, and textbooks; *e-mail*: lika.korolkova@bk.ru.

Сведения об авторе:

Королькова Анжелика Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета, Смоленск, РФ; *научные интересы*: теоретическая лингвистика, прикладное языкознание (лексикография), современный русский язык (фразеология, афористика), методика преподавания русского языка и литературы. Автор более 150 научных публикаций, среди которых монографии, словари, учебные пособия; *e-mail*: lika.korolkova@bk.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-448-462

УДК: 801.73: 811.161.1'22:003

Научная статья / Research article

Фрактально-семиотическое моделирование концепта ЧАША в религиозных текстах

Чун Ин Ко

Государственный университет Чжэнчжи
64, ул. Чжинан, Тайбэй, Китайская Республика, 11605
kequ@nccu.edu.tw

В статье рассматривается с позиции фрактальной семиотики концепт ЧАША как особый семиотический объект в поле взаимодействия языка и культуры. Актуальность темы исследования обусловлена повышением интереса к применению системного подхода в изучении лингвистического объекта, в частности к использованию фрактального подхода для рассмотрения структуры концепта, включающей образные и рефлексивные компоненты. Предмет рассмотрения представляет собой фрактальная организация концепта ЧАША в речемыслительном процессе. Механизм данного концепта, функционируя на метауровне духовной семиосферы и микроуровне текста, обусловлен особенностями организации речевой деятельности, где проявляется синергетический принцип целостности. Новизна данной работы заключается в том, что предлагается опыт представления структуры концепта ЧАША, реконструируемой на основе русских контекстов с религиозным содержанием. «Фрактальность» этой структуры обусловлена «нелинейным» характером развития ряда символизированных значений (ЛСВ) чаша. Количественные данные об употреблении ЛСВ позволяют проследить особенности символизации в направлении «предмет → символ» и обосновать возможность применения концепции фрактала в качестве лингвистического подхода. Материалом для анализа послужили такие религиозные тексты, отличающиеся паттерном имплицитных смыслов и иерархичностью внутренней организации, как толкования писания, наставление о духовной жизни, святоотеческое наследие и проповеди. Целью настоящей работы являются представление структуры концепта ЧАША и выявление ее специфики динамической природы с учетом инореферентных и самореферентных знаков, а также рассмотрение соответствующих паттернов мышления, которые многократно репрезентируются в религиозных контекстах. Проведенный анализ продемонстрировал, что семантика концепта ЧАША вбирает в себя большой объем символических значений. Установлено, что на лексическом уровне языковая единица *чаша* со временем формируется и начинает функционировать абстрактное комплексное значение, называемое инвариантным. Данные комплексные инварианты представляют собой скорее открытые концептуальные схемы, которым придается значение в зависимости от контекстуальных условий, и происходит это в результате выполнения когнитивных операций на концептуальном уровне.

Ключевые слова: фрактал, нелинейность, языковая форма, самореференция, инореференция, асимметрия

© Ко Чун Ин, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статья:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 30.04.2020

Для цитирования:

Ко Чун Ин. Фрактально-семиотическое моделирование концепта ЧАША в религиозных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 448—462. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-448-462

UDK: 801.73: 811.161.1'22:003

Fractal Semiotics Modeling of Concept *Cup* in Religious Texts

Chiung-ying Ko

National Chengchi University

64, Sec.2, Zhinan Rd. Taipei, Republic of China (Taiwan), 11605

keqy@nccu.edu.tw

Abstract. The article considers the concept CUP as a special fractal-semiotic object in the field of the interaction of language and culture. The relevance of the research topic is determined by the increased interest in the application of a systematic approach to the study of a linguistic object, in particular to the use of a fractal approach to analyze the structure of a concept, including figurative and reflective components. The subject of the review is the fractal organization of the concept CUP in the speech-thought process. The mechanism of this concept, correlating between the mega-level (the spiritual semiosphere) and the micro-level (text), depends on the features of speech organizational patterns with which the synergistic principle of integrity is manifested. The novelty of the work lies in the fact that it reveals the experience of representing the structure of the concept CUP, reconstructed on the basis of Russian contexts with religious content. The “fractality” of this structure is due to the “non-linear” nature of the development by a number of symbolized values (LSW) *cup*. Quantitative data makes it possible to trace the features of symbolization (a movement from subject to symbol) and to justify the possibility of using the concept of fractal as a linguistic approach. The material for the analysis was religious texts that are distinguished by a pattern of implicit meanings and hierarchical internal organization, such as interpretations of scripture, instruction on spiritual life, patristic heritage, and sermons. The aim of the work is to present the structure of the concept CUP and to reveal its specifics of a dynamic nature by taking into account external and self-referential signs, as well as to consider the corresponding patterns of thinking that are repeatedly represented in religious contexts. The analysis showed that the semantics of the concept CUP incorporate a large volume of symbolic meanings. It has been established that at the lexical level, the language unit *cup* is formed over time and an abstract complex meaning or invariant meaning would be activated. These complex invariants are more likely open conceptual schemes that are given importance depending on contextual conditions, and this occurs as a result of cognitive operations at the conceptual level.

Keywords: fractal, nonlinearity, linguistic form, self-reference, external reference, asymmetry

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 30.04.2020

For citation:

Ko, Chiung-ying (2020). Fractal Semiotics Modeling of Concept *Cup* in Religious Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 448—462. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-448-462

Введение

Когнитивная наука так называемого *третьего поколения*¹, как и в предыдущие периоды, отмечает зависимость механизмов концептуализации от опыта уподоблений живого неживому, и наоборот [1. С. 61—63]. Концепция фрактала была предложена американским математиком Б. Мандельбротом 1) для описания многих «неправильных» и фрагментированных форм в окружающем нас мире [3. С. 13] и 2) для обозначения генерации нелинейных² преобразований этих форм [3. С. 238]. Фрактал — это геометрическая форма, каждая из частей которой подобна целому, и многие нелинейные фракталы напоминают внешним видом органические объекты, структура которых включает в себя многочисленные повторы [3. С. 59, С. 239]. С учетом «фрактального» подхода на результаты концептуализации можно посмотреть и с точки зрения «моделей фрактальной геометрии, синергетики и нелинейной динамики», то есть «увидеть язык и коммуникацию через идеи и подходы теории фракталов, соединенные с идеями когнитивных наук» [4. С. 96]. Ю. Степанов образно писал о том, что фракталы представляют собой *одухотворенные формы*, открывающие нам законосообразность высшего рода [5. С. 216]. Они выступают в качестве высокого уровня познания мира путем оперирования языковыми знаками и языковыми выражениями [6. С. 5]. Формы языка рассматриваются как включенные в систему, в то же время в этих формах должна присутствовать сама система, которая представлена в виде конституирующих признаков. По убеждению ученого, в этом утверждении и содержится идея фракталов и фрактальности [7. С. 485].

Целью настоящей работы являются представление структуры концепта ЧАША и выявление ее специфики с учетом инореферентных и самореферентных «динамик», а также рассмотрение соответствующих паттернов мышления, которые многократно репрезентируются в религиозных контекстах.

¹ В то же время, по словам А.В. Кравченко, «принципиально различные подходы к проблеме разума, используемые в когнитивной науке первого, второго или третьего поколения, ведут к *принципиально различным теоретическим моделям языка* как объекта, поэтому лингвистам следует четко представлять себе, какие именно положения когнитивной науки какого поколения они разделяют» [1. С. 63]. В определении феноменологической сущности разума и языка ученый разделяет три подхода к конкретному исследуемому объекту. Первый подход отличается общетеоретическим, идеологическим основанием, на котором решаются проблемы генеративизма. В отличие от когнитивной науки первого поколения второй подход исходит из признания телесной природы разума, а третье поколение заключается в том, что в рамках биологической теории познания У. Матурана когнитивные системы — живые системы, такое понимание позволяет выходить за пределы организма, поскольку суть живых систем состоит в единстве взаимодействия с окружающей средой.

² Для лингвистического исследования нелинейный самоорганизационный процесс дает возможность стабилизации неравновесного состояния открытой системы языка [подобное см. 8. С. 77—80].

Фрактальность в развитии символизации (на примере репрезентантов концепта ЧАША)

Выбор данного концепта обусловлен тем, что суть смысла создания предмета культа заключается не только во внешнем пользовании, но и во внутреннем признании [9. С. 58]. Слово *чаша* в церковном дискурсе ассоциативно соотносится с полнотой страданий Христа, содержит в себе свернутую идею страдания, которая соотносится, конечно же, с евангельскими текстами и с иконографическими сюжетами (например, «Моление о чаше»), то есть становится личным символом страданий Христа. Затем этот личный символ «отрывается» от окружающего семиотического контекста и включается изоморфную систему памяти культуры. Как результат, библейская цитата *да минует меня чаша сия* используется далеко за пределами религиозно значимых ситуаций (о символическом кодировании знакового выражения в языковую форму см. в [10. С. 39—40]). По не менее образному выражению Ю. Лотмана, содержание символа лишь «мерцает» сквозь выражение, а выражение лишь «намекает» на содержание [11. С. 160], соответственно, фразеологическая единица *испить горькую чашу* или фразеологические сочетания *чаша терпения*, *чаша страдания* не просто эксплицируются в текстах, а соотносятся с фреймами о наивысшей одухотворенной форме страдания.

Семантические константы репрезентантов концепта ЧАША

Какие семантические константы сохранила на протяжении веков *чаша*? Мы привлекли к исследованию словарные материалы разных периодов: 1) лексикографические источники дореволюционной эпохи [12; 13]; 2) лексикографические источники советской эпохи [14]; 3) лексикографические источники постсоветской эпохи [15; 16]. К сожалению, по данным этимологических словарей, происхождение лексемы *чаша* неясно. Слово, возможно: 1) заимствовано из иранского языка, см. *cásaka* ‘кубок’; 2) связано с другими индоевропейскими языками, например, с древнепрусским *kiosi* ‘кубок’ или литовским *kiáusas* ‘череп’; 3) восходит — что вероятнее всего — к славянскому глаголу *cesati* ‘чесать’ с развитием значения ‘чесать, отделять, разделять’, от которого развились значения ‘чешуя, кора, скорлупа’ или ‘вырезанное, выдолбленное’ [17. С. 320; 55. С. 376; 59. С. 1084]. Г. Дьяченко подозревает иную связь слова с бытовой областью: «слово чаша производит от санскр. — *cash*, *cash* — *ati*, есть (кушать), откуда *cashaka*, слав. *чашка*. Оттуда же, вероятно, происходит и слово *каша*, как первое и до сих пор любимое кушанье славянского народа» [18. С. 811]. В любом случае выявляются семантические инварианты слова *чаша*: во-первых, во всех словарях описывается обобщенный чувственно-наглядный образ предмета как округлого сосуда с широким верхом и узким низом. Во-вторых, отмечено его предназначение для жидкости, вина, браги, меда и т. д. Важно, что уже в древнерусском языке существовали многочисленные результаты генерализации и метонимиза-

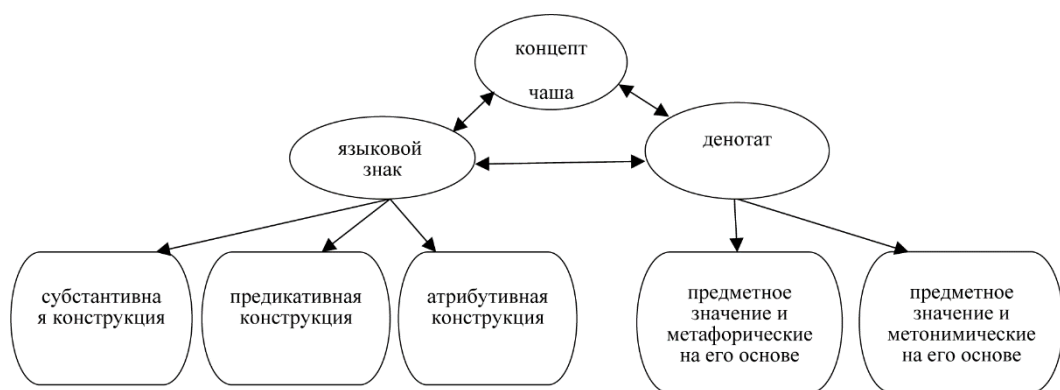
ции лексемы *чаша* (хотя некоторые из этих результатов исчезли к нашему времени): 1) круглый (в виде полушария) сосуд для жидкости; 2) сосуд для питья, чара, чаша; 3) чаша с питьем, питье; 4) потир, чаша для св. даров; 5) здравица, чаша во здравие; 6) угощение; 7) судьба, жребий; 8)местилище; 9) украшение в виде чашечки; 10) название крюкового знака [13. С. 1483—1483]. Кроме того, в словарях фиксируются идиомы-библеизмы: *испить горькую чашу*, *чаша терпения переполнилась*, *да минует меня чаша сия*, *бросить на чашу весов*. Они соотносятся с ситуациями «предельных», кризисных состояний.

Фрактальная концептуализация (на материале репрезентантов концепта ЧАША)

Схему концептуализации мы восстанавливали на материале разножанровых религиозных текстов (см. список источника материала). Учитывались следующие репрезентанты: субстантивные (существительное + существительное в родительном падеже), атрибутивные (прилагательное + существительное) и предикативные синтаксические конструкции. Материал извлекался методом сплошной выборки, было собрано и проанализировано 1189 словосочетаний, в которых был объективирован рассматриваемый концепт. Анализ и проведенная классификация языкового материала помогли прийти к пониманию механизма самоструктурирования этого концепта в целом. Результаты анализа упорядочены по принципам категоризации лексикографических данных, в том числе в «Словаре русских существительных», «Словаре русских глаголов» и «Словаре-тезаурусе русских прилагательных» под общей редакцией Л.Г. Бабенко.

Схема 1 / Scheme 1

Фрактальное развертывание концепта ЧАША / Fractal deployment of concept CUP

Поясним схему 1 как опыт совместить семантические и синтагматические признаки репрезентантов концепта и приведем некоторые иллюстрирующие контексты. Концепт *ЧАША*, с одной стороны, соотносится с лексическими репрезентантами на уровне ЛСВ, напрямую связанными с

денотатом «чаша» (см. правый блок схемы 1). Денотативные свойства реальных чаш влияют на семантическую наполненность и деривационные возможности лексемы *чаша* как совокупности ЛСВ. В исходном — предметном — значении *чаша* актуализирует в речи преимущественно формальные и функциональные признаки (и может развивать впоследствии метафорические и символические значения). Денотативные же свойства реальных чаш способствуют и метонимизации, которая, конечно же, может быть обусловлена и функциями, и др. семантико-мотивационными признаками, но ЛСВ-результаты такой метонимизации очень яркие и последовательные. Поэтому я их выделяю в отдельный блок.

С другой стороны, как репрезентант концепта и полноценный языковой знак лексема *чаша* имеет не только денотативные свойства, влияющие на структуру ее лексического значения, но и различные синтагматические характеристики, позволяющие семантике реализовать себя в высказываниях: словоформы лексемы *чаша* включаются в сложные синтаксические отношения с другими словоформами. На схеме они представлены в левом блоке, причем отношения между таксонами левого и правого блоков схемы — не противопоставленные: например, прямые и метонимические ЛСВ могут использоваться в различных синтаксических позициях, указанных в левом блоке, для репрезентации различной информации. Так, в составе субстантивных (субъектных, субъектно-объектных, объектно-объектных) сочетаний словоформы *чаша* участвуют в репрезентации самой разнообразной информации об эмоциях, интеллекте, религиозных чувствах и т.д. Например, с чашей холодной воды сравнивают влияние Библии на верующих: *Как путнику во время жара дорога чаша холодной воды, так слово Божие орошает душу* (Сокровище духовной мудрости). Особая информация об отношениях и т.д. передается словоформами *чаша*, например, в тех случаях, когда они включены в предикативные сочетания (используются в составе предикатов). Если словоформа *чаша* использована в составе атрибутивных конструкций, то она тоже выражает специфическую информацию, например, о сверхъестественном.

Нельзя сказать, что имеются очень четкие и непреодолимые тематические и функциональные границы между фактами, связанными с правым и левым блоками, то есть нельзя утверждать, что *чаша* выражает строго определенную информацию (о благодетели, о вере, о праве, о различных государственных феноменах и т.д.) лишь в определенных синтаксических позициях. Но тенденции есть, по крайней мере в исследованных текстах. Семиотические структуры включены в динамический процесс, который реализуется в том числе и в рекурсии языковых взаимодействий [18. С. 186].

Фрактальный потенциал как результат экстраполяции: от бытийной схемы к символам

Познание представляют собой устойчивый алгоритм, различные связи между деятельностью концептуальной и вербальной систем устоялись. По

мнению американского ученого П. Верта, наш мозг образно представлен как фрактальный объект, и концептуальный процесс тоже фрактально структурирован [22. С. 337]. Сжатие информации может облегчать процесс познания мира и его моделирования [23. С. 45]: например, часто метафора — это свернутое сравнение, ставшее предикатом, а метонимия — свернутая субъектно-объектная или атрибутивная конструкция. Для человеческого языка характерно формирование сложных структур из более простых по фрактальному принципу, при этом «значение сложного предложения будет зависеть не только от той концептуальной схемы, которая предопределяется его собственной формальной структурой, но и от постепенно отодвигающихся на задний план концептуальных схем, представленных в *конституентах* этой структуры» [24. С. 398].

Так, в собранном контекстном материале больше всего сочетаний лексики *чаша* с лексемой *вода* (94 случая), причем в 51 случае — это сочетания *холодная* (22) и *студеная* (29). Используются они, чтобы выразить информацию:

1) о благоденствии, то есть ЧАША ХОЛОДНОЙ ВОДЫ → БЛАГОДЕЯНИЕ: *Состоя убо в части радующихся о Господе, будем радоваться и сорадоваться всегда друг другу, чая за девство и нестяжание наше воздаяния от мздовоздаятеля Бога, обещавшего дать награду даже за чашу холодной воды, а не только за такие великие и преестественные деяния.* (25);

2) о награде, которой Бог вознаграждает по заслугам праведных: ЧАША ХОЛОДНОЙ ВОДЫ → НАГРАДА: *Обетовал Господь награду за чашу студеной воды, поданную во имя ученика Его; обетовал Господь воздать коемуждо по делам его. В деснице Господа весы и мера самые верные, самые точные. Если не погубит мзды своя чаша студеной воды, для представления которой нужен лишь труд почерпнуть ее; тем более вознаградится усердие, выраженное в обилии и силе.* (26); *...Как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покающийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние* (27). Тем не менее, концептуально субстанция в чаше соотносится и с Самим Христом: *Кто напоит ближнего хотя чашею холодной воды во имя Его, не потеряет награды своей (Мф. 10, 42), — говорит Он. При служении ближним иногда является лицепрятие, или леность, неохота, или гнев и раздражение, или желание вознаграждения. Знай, награда твоя — Христос* (28).

Как результат, представление «фрактально» сворачивается, чаша занимает предикативную позицию и развивается обратный метафорический символ: ЧАША ХОЛОДНОЙ ВОДЫ → ХРИСТОС: *Ты, Христос — Царство Небесное, Ты — земля кротких, Ты — рай зеленеющий, Ты — чертог Божественный, Ты — неизреченная таинница, Ты — (общая) для всех трапеза, Ты — Хлеб Жизни, Ты — питье совершенно новое, Ты — и чаша воды, и вода жизни...* (29). Но в целом чаша воды может оказаться и в антитетических отношениях с чашей вина, тоже используемой как символ Христа. Ср.: *Вода — прекрасный напиток, она не нарушает ясности мыслей, а выпитая чаша*

вина мутит ум (30), а потому чаша вина соотносится со смертью: *Однажды в Скиту сделано было для братии угощение. Одному из присутствовавших старцев подали чашу вина. Он отказался выпить ее, сказав подавшему: «Унеси от меня эту смерть». Прочие, участвовавшие в трапезе, увидев это, также не стали пить вина (26);*

3) о цене за вход в рай, в сущности, не имеющий этой цены: *Подлинно, Царство Божие не имеет цены по оценке... Для Петра и Андрея оно стоило оставленных сетей и лодки, для вдовы стоило двух лепт, для другого стоило чаши холодной воды. Итак, Царство Божие, как мы сказали, стоит столько, сколько ты имеешь (31). Ведь и в раю Господь покоит верующего «на злчных пажитях» и водит его «к водам тихим» (Псалом 22). В исследуемых текстах также выявлены связи чаши с лексемой сердце, а приношение чаши холодной воды — с воссоединением с Богом, с чьей помощью и совершается внутреннее преображение человека: *Помысли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не тело, но хлеб, не кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждой спасения и облек Сам, и ты сделай то же, хотя через раба. Он прославил тебя на Небесах, а ты по крайней мере защити Его от страха, наготы и беславия (27). В православной церкви принято к употреблению за литургией чистого виноградного вина, растворенного водой. Известно, что на Западе вода ассоциируется с церковью, а вино — со Христом, тогда как на Востоке их соединение воспринимается как указание на Божественную (вино) и человеческую (вода) природы Спасителя. Этот образ «фрактально» свернут в литургические по происхождению идиомы чаша в руке Господни, чашу спасения прииму.**

В целом, в религиозных текстах эмоциональное переживание связано с вином: чувства концептуализируются как жидкости, а «переживания чувств — в образе чаши, из которой или которую пьет человек» [32. С. 257]. Соответственно, имеющийся в нашем распоряжении контекстный материал составил 41% сочетаний лексики чаша с предикатами, которые семантически связаны с жидкостью: *пить, испивать/ испить, выпивать/ выпить, изопить, выливать/ вылить, вливать/ влить, изливать/ излить, изливаться, налить, разливать, почерпнуть, зачерпнуть, исчерпываться, напоить, упоявать, упоить, упиваться.* В то же время, хотя чаша часто «фрактально» представлена как символ страдания (22 контекста), выборки показали, что в русских текстах она чаще соотносится с гневом (37 контекстов), поскольку вино служит также и символом эсхатологического суда, а чаша с вином изливается на врагов Бога, или же они вынуждены ее выпить (образ восходит к семи чашам Божьего гнева в книге Апокалипсиса (Откровение 16: 1—12)). Например: *Ибо в высшей степени нечестиво поклоняться, как Богу, чему-либо иному, кроме Бога настоящего и истинного. Тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его. Эту чашу и это вино вспоминает божественный Давид, говоря: Ибо чаша в руке*

Господа вина цельного, полная напиток, и Он изливает из нее туда и сюда; однако осадок его не истощится — будут пить его все грешники земли (31). Фрактально образы преступных грешников «свернуты» комментатором в фитообразы гроздей; известно, что виноградная гроздь — это свернутый фитосимвол и Христа, и христиан, поэтому такой переосмысленный фитообраз грешников — бывших христиан — очень впечатляющий: *Грешники будут брошены в точило Божьего гнева. Гроздь — законопреступники, наполнившие чашу гнева Божьего* (31). Образы чаш Божьего гнева зримо представлены в православной иконографии. Пить чашу гнева — это наказание: *кто согрешил, тот и должен быть наказан (стихи 19—20; ср. Иез. 18), сам обязан испить чашу божественного гнева* (31). Чаша гнева Божия толкуется в гомилетических текстах через синонимическое сочетание *чаши бедствий и страданий*: *Ты... выпил чашу ярости Его... некому было вести его... из всех сыновей, которых он возрастил. Под чашей гнева Божия, которую до конца испил Иерусалим, разумеется чаша бедствий и страданий, которые попущены Богом за грехи его обитателей и для вразумления их* (33). Сами страдания, мучения в сознании гомилетиков концептуализируются как лекарство от греха [34. С. 257]: *Как дается лекарство (cathartiam), чтобы вышел вредный пот, который есть в теле, так и Господь дает чашу горчайших мучений, чтобы удалить от грешников всю желчь и горечь, которая есть у них, и восстановить их в прежнем здорье (блаженный Иероним)* (33).

«Лексическая метафора соотносительна с отвлеченной семантикой слова, образ, то есть развитая динамическая метафора, соотносительна с синтаксико-семантической организацией предложения и смысловой структурой коммуникации» [35. С. 196]. Слово *чаши* часто сочетается с лексемой *весы* — обозначением предметного символа правосудия, которое аллегорически (обычно антропоморфно) изображается вместе с известным техническим прибором для взвешивания (в иконографии Страшного суда правосудие обычно представлено в виде ангела с весами или в виде длани Господней с теми же весами, в светской культуре — в виде богини Фемиды с повязкой на глазах и с весами в руке): *Заслуги каждого из нас на весах взвешиваются, и часто даже малый вес благого дела или дурного поступка склоняет чашу весов в одну или другую сторону. Если перевесят злые дела, увы мне! Если благие, то вот оно, прощение* (31). Бог выступает в роли высшего распорядителя весов правосудия, оценивающего не только побуждения, но и поступки. В качестве гирь участвуют персонифицированные душа, ум, определенные страсть, наслаждение и т.д. Например: *Тогда (когда душа чиста) и ум верно устанавливает свои чаши (как устанавливаются на весах чаши весовые), и трезвенным пребыванием в своем о всем суждении, как на чистейшем и неподкупном судилище* (25); *...Ум снова преклоняется к страстям, которые прежде были истреблены, и весовую чашу наслаждений обременяют до того, что доходит она до земли* (29); и т.д.

Заключение

В связи с повышением научного интереса к языковой динамике на уровне значений возникает необходимость учета и адаптации подходов из других научных областей, связанных с изучением сложных систем. Одним из таких подходов является фрактальный, изучающий динамику в концептуализации смыслов. Система значений может существенно увеличиваться, расширяться за счет условий синтаксической дистрибуции, а также контаминации образов, углублений смыслов (не всегда результаты этих процессов остаются в языке, часто явления носят окказиональный характер), но может и «сворачиваться» в метонимии и метафоры. Концептуализация чаш в русской повседневной и праздничной бытовой культуре привела к тому, что в общеупотребительном лексиконе, по данным Большого толкового словаря русского языка, лексема *чаша* сохранила следующие значения.

1. Предметное значение: «старинный большой сосуд с широким верхом и узким низом, лишенный ножки, с туловом, которое непосредственно соединяется с подставкой; обычно для питья вина и хмельных напитков. *Наполнить чашу. Поставить чаши на стол*». Но если рассматривать религиозные тексты, то в прямом предметном значении *чаша* употребляется в относительно редко, как, например, в приведенном выше контексте, где метафоризация («чаша вина — это смерть») вызвана не словом *чаша*, а *вино*: *Одному из присутствовавших старцев подали чашу вина. Он отказался выпить ее, сказав подавшему: «Унеси от меня эту смерть»* (26). В библейских текстах чаша, чаще всего серебряная, является атрибутом богатого человека, жертвователя в храм или предметом соблазна.

2. Метонимическое значение «количество жидкости, равное объему такого сосуда. *Выпить чашу до дна*» в религиозных текстах фрактально «разворачивается», поскольку под жидкостью метафорически подразумеваются и гнев Божий, Его ярость, а также бедствия и страдания, которые попущены Богом за грехи людей. Символически может подразумеваться и судьба, доля, что и отражено в евангельском выражении *да минует меня чаша сия*.

3. Метафорическое значение «любой сосуд, вместилище округлой формы» в сочетании *чаша весов* получило дальнейшее развитие и очень сложную символизацию в религиозных текстах, о чем и говорилось выше. Смысл выражения *бросить (положить и т.п.) на чашу весов (что-л.)* расширился, оно выступает в значении «рискнуть, пожертвовать в решающий момент чем-л. важным, значительным в надежде добиться перевеса успеха в каком-л. деле».

4. Формальное метафорическое и символическое значения слова *чаша* как «о чем-л., имеющем форму такого сосуда» развиваются в тех гомилетических текстах, которые интерпретируют храмовое «море», бывшее, как известно, «толщиною в ладонь, и края его, сделанные подобно краям чаши, подходили на распутившуюся лилию» (Третья Книга Царств, 7: 26).

5. Метафорическое значение «о большом количестве чего-л. (чувств, переживаний и т.п.), выпавших на чью-л. долю. *Испить (до дна) чашу люб-*

ви, страданий, радости, горя (испытать, изведать в полной мере что-л.)» получило самое широкое распространение. Менее востребованными оказались сочетания *осушить чашу страданий* ‘пережить много страданий’, *пить чашу радости, наслаждения* ‘радоваться, наслаждаться’ и *пить мертвую чашу* ‘грешить; пить запоем’. В религиозных текстах сочетания *переполнить чашу* (терпения) и *чаша* (терпения) *переполнилась* связывали с Богом и Божьим терпением, но за пределами церковного дискурса эти выражения получили значения ‘лишить сил, возможности, терпеть, выносить что-л.’ и ‘нет больше сил, возможности терпеть, выносить что-л.’ Заметим, что неверующие носители языка не обращают внимания на такие семантические метаморфозы, по отношению к этому речевому материалу они становятся «внешними» наблюдателями. Референция, по мнению В.В. Тарасенко, может быть «внешней» (инореференция) и «внутренней» (самореференция). Способом их различения служит сам наблюдатель конкретного предмета, явления, и русские гомилетики предлагают свой опыт самореферентного осмысления реальности. Соответственно, инореференция определяется как производство знаков, символов и текстов в процессе перипетий и узнавания мира, который наблюдатель считает внешнем [4. С. 70]. На основании концепции автопоэзиса сложная система как живой организм «постоянно определяет себя с точки зрения внутренней коммуникации своих частей (самореференции) и инореференции, связанной с включенной других организаций...» [4. С. 74].

Словарь не фиксирует сочетание *чаша жизни* ‘чашей со Святыми дарами’ (текст евхаристии), поскольку одной из антономасий Христа является *Жизнь*, а *Святые дары* понимают как *Тело и Кровь Христа*: «*Чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь*». *Да, надо вкусить, и тогда уже увидишь, какое блаженство* (36). Также в этом словаре не фиксируется значение ‘крюковой знак в нотной грамоте, преимущественно старообрядческой’.

Библиографический список

1. *Кравченко А.В.* О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 51—65.
2. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.
4. *Тарасенко В.В.* Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
5. *Степанов Ю.С.* Протей: Очерки хаотической эволюции. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. *Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К.* Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66. № 2. С. 3—12.
7. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. *Пономаренко Е.В.* Основная функциональная лингвосинергетика: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2015.

9. *Флоренский П.* Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004.
10. *Колесов В.В.* Введение в концептологию: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
11. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка Т. 4. М.: РИПОЛ классик, 2006.
13. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам Т. 3. СПб.: Типография императорской академии наук, 1912.
14. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 2006.
15. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
16. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: НОРИНТ, 2000.
17. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Астрель, 2004.
18. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993.
19. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
20. *Бабенко Л.Г.* Большой толковый словарь русских существительных. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
21. *Бабенко Л.Г.* Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам. М.: Проспект, 2011.
22. *Werth P.* Text words: Representing Conceptual Space in discourse. Serie: textual explorations. London: Longman, 1999.
23. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и саморазвития сложных систем. М.: Наука, 1994.
24. *Жаботинская С.А.* Принципы создания ономастических моделей и событийных схем в языке // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 381—400.
25. *Добротолубие в 5 томах.* М.: Сибирская Благовонница, 2010.
26. *Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова в 8 тт.* М.: Полоникъ, 2001—2007.
27. *Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста в 2 тт.* М.: ДАРЬ, 2008.
28. *Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского.* М.: ДАРЬ, 2007.
29. *Сокровище духовной мудрости в 12 тт.* М.: Издание Московский духовной Академии и Введенской Оптинской Пустыни, 2003—2011.
30. *Симфония по творениям святителя Григория Богослова.* М.: ДАРЬ, 2008.
31. *Одэн Томас К.* Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I — VIII веков. Тверь: Герменевтика, 2001—2011.
32. *Виноград В.В.* Язык Пушкина: Пушкин и истории русского литературного языка. М.: Л.: Academia, 1935.
33. *Лопухин А.П.* Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Ветхий Завет: в 5 тт. М.: Дарь, 2008.
34. *Лагута О.Н.* Исцеление души: метафорика сотериологии и науки. Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 264—278.
35. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
36. *Симфония по творениям преподобных Оптинских старцев в 2 тт.* М.: ДАРЬ, 2009.
37. *Агаркова Н.Э.* Деньги // Антология концептов. М.: Гнозис, 2007. С. 304—323.
38. *Балакин С.В.* Фрактальный характер пропозиции при деривационных процессах // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 8—11.
39. *Бронник Л.В.* О фрактальном самоподобии в языке // Известия Волг. гос. пед. университета. № 10. Т. 44. 2009. С. 15—19.

40. Жаткин Д.Н. “Чаша жизни” в русской поэзии // Русская речь. М. 2006. № 1. С. 9—13.
41. Жуков Д.С., Лямин С.К. Методология фрактального моделирования в исторических, политологических и иных социальных исследованиях: особенности понятийного и аналитического аппарата // Вестник ТГУ, вып. 7 (87), 2010. С. 223—234.
42. Манаков Н.А., Москальчук Г.Г. Фрактальная природа языка // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2000. С. 24—33.
43. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Ангел Хранитель. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2011.
44. Архимандрит Иоанн (Маслов). Прп. Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М.: Издание Братства святителя Алексея, 1993.
45. Архимандрит Пантелеимон. Отец Иоанн. Новый Валаам: Издание Ново-Валаамского монастыря, 1992.
46. Игумен Никон (Воробьев). О начале жизни. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013.
47. Игумен Сергей (Рыбко). Жизнь — это экзамен на любовь. М.: Красный Пролетарий, 2005.
48. Козаченко В. Для чего мы живем. М.: Ковчег, 2013.
49. Митрополит Вениамин (Федченков). О вере, неверии и сомнении. М.: Русло, 1992.
50. Протоиерей Константин Островский. Вечность — у дверей. Заметки священника. Красноярск: Успенский храм, 2010.
51. Протоиерей Николаев Сергей. Секреты любви. За советом и утешением к батюшке. Проповеди и размышления. М.: Ковчег, 2012.
52. Симфония по творениям преподобного Ефрема Сирина. М.: ДАРЬ, 2008.
53. Симфония по творениям святителя Василия Великого. М.: ДАРЬ, 2008.
54. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М.: ДАРЬ, 2007.
55. Чернышев В.И. Словарь современного русского литературного языка Т. 17. М.—Ленинград: Наука, 1965.
56. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 2. М.: Флинта: Наука, 2010.
57. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь Т. 2. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2002.
58. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.

References

1. Kravchenko, A.V. (2009). About traditions, linguistics and cognitive approach In *Horizons of contemporary linguistics: Traditions and novelty*. Moscow: Languages of Slavic cultures. pp. 51—65. (In Russ.).
2. Maturana, H.R. & Valera, F.J. (2001). *Tree of knowledge*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.).
3. Mandelbrot, B. (2002). *The Fractal Geometry of Nature*. Moscow: Institute of computer searching. (In Russ.).
4. Tarasenko, V.V. (2012). *Fractal Semiotics: Blind Spots, Peripeteia and Recognition*. Moscow: URSS. (In Russ.).
5. Stepanov, Yu. (2004). *Proteus. Essays on chaotic revolution*. Moscow: Language of Slavic cultures. (In Russ.).
6. Kubriakova, E.S. & Iriskhanova, O.K. (2007). Language abstraction in category naming. *Izvestiia of RAS. Serie literature and language*, 2, 3—12. (In Russ.).
7. Kubriakova, E.S. (2004). *Language and knowledge: on the way to acquiring knowledge about language*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
8. Ponomarenko, E.V. (2015). *Fundamental functional linguistics synergy*. Moscow: MGIMO university. (In Russ.).
9. Florenskii, P. (2004). *The Philosophy of Cult (An experience of Orthodox anthropodice)*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
10. Kolesov, V.V. (2016). *Introduction into the conceptology: teaching aids*. Moscow, Flinta:

- Nauka. (In Russ.).
11. Lotman, Yu.M. (1999). *Inside the thinking worlds: Man — Text — Semiosphere — History*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
 12. Dal', V.N. (2006). *Explanatory dictionary of the living Great Russian Language in 4 vols*, vol. 2. Moscow: RIPOL classic. (In Russ.).
 13. Sreznevskii, I.I. (1983). *Materials for a dictionary of the old Russian Language*, vol. 3. St. Petersburg. (In Russ.).
 14. Chernykh, P.Ia. Historical etymological of the modern Russian language in 2 vol., vol. 2. Moscow: Russian Language. (In Russ.)
 15. Efremova, T.F. (2000). *New explanatory derivation Russian dictionary*. Moscow: Russian Language. (In Russ.).
 16. Kuznetsov, S.A. (2000). *Big Explanatory Dictionary of Russian*, S.A. Kuznetsov (Ch. ed.). St. Petersburg: NORINT. (In Russ.).
 17. Fasmer, M. (2004). *Etymological dictionary of Russian language in 4 vol.*, vol. 4. Moscow: Astrel, AST. (In Russ.).
 18. D'iachenko, G. (1993). *Complete dictionary of Church Slavonic language*. Moscow: Patriarchate. (In Russ.).
 19. Babenko, L.G. (2007). *An explanatory dictionary of Russian verbs*, L.G. Babenko (Ch. ed.). Moscow: AST-Press book. (In Russ.).
 20. Babenko, L.G. (2005). *An explanatory dictionary of Russian nouns*, L.G. Babenko (Ch. ed.). Moscow: AST-Press book. (In Russ.).
 21. Babenko, L.G. (2011). *Thesaurus of Russian Adjectives Classified by Focus Groups*. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
 22. Werth, P. (1999). Text words: Representing Conceptual Space in discourse In *Serie: textual explorations*. London: Longman.
 23. Kniazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (1994). *Laws of Evolution and Self-Organization of Complex Systems*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
 24. Zhabotinska, S.A. (2009). Principles of building onomosiological models and event schema In *Horizons of contemporary linguistics: Traditions and novelty*. Moscow: Languages of Slavic cultures. pp. 381—400. (In Russ.).
 25. Metropolitan Macarius of Crinth, Nicodemus the Hagiorite. (2010). *Philokalia in 5 vol*. Moscow: Siberia Blagozvonnica. (In Russ.).
 26. Strizhev, A.N. (2001—2007). Complete creation of St. Ignatius Brianchaninov in 8 Vol., A.N. Strizhev (Ed.). Moscow: Pilgrim. (In Russ.).
 27. Tereschenko, T.N. (2008). *Symphony on creations of St. John Chrysostom in 2 vol.*, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
 28. Tereschenko, T.N. (2007). *Symphony on creations of St. John of Kronstadt*, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
 29. TSW (2003—2011). *Treasure of Spiritual wisdom in 12 vol*. Moscow: Moscow Theological academy and Vvedenskii Optina desert. (In Russ.).
 30. Tereschenko, T.N. (2008). *Symphony on creations of St. Gregory Nazianzus*, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
 31. Oden, T.K. (2001—2011). *Ancient Christian Commentary on Scripture I—VIII centuries*. Tver': Hermeneutics. (In Russ.)
 32. Vinogradov, V.V. (1935). *Pushkin's language. Pushkin and history of Russian literary language*. Moscow: Leningrad: Academy. (In Russ.)
 33. Lopukhin, A.P. (2008). *Explanatory Bible, or Commentary on Scriptures of the Old and New Testaments*. Old Testament in 5 vol. Moscow: Dar. (In Russ.).
 34. Laguta, O.N. (2004). Soul healing: Metaphor systems of soteriology and sciences. *Criticism and semiotics*, 7, 264—278. (In Russ.)
 35. Arutiunova, N.D. (1999). *Language and world of man*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.)
 36. Tereschenko, T.N. (2009). *Symphony on creations reverend Optina elders in 2 vol.*, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).

37. Agarkova, N. (2007). Money In *Anthology of concepts*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
38. Balakin, S.V. (2016). Fractal nature of proposition in derivational processes In Proceedings of the international conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”, April 20—22, Chelyabinsk: Encyclopedia. pp. 8—11. (In Russ.).
39. Bronnik, L.V. (2009). Fractal Self-similarity in language. *Izvestija of Volgograd State University*, 10, 15—19. (In Russ.).
40. Zhatkin, D.S. (2006). “Bowl of life” in Russian poetry. *Russian speech*, 1, 9—13. (In Russ.).
41. Zhukov, D.S. & Liamin, S.K. (2010). Methodology of fractal modeling in historical, political and other social researchers: regularities conceptual and analytical apparatus. *Journal of TGU*, 7 (87), 223—234. (In Russ.).
42. Manakov, N.A. & Moskol'chuk, G.G. (2000). The fractal nature of language In *Linguistic synergy: problems and perspectives*. Barnaul: Altai state university. pp. 24—33. (In Russ.).
43. Archimandrite John (Krest'iankin) (2011). Gardian angel. Moscow: Brotherhood of St. John the Apostle. (In Russ.).
44. Archimandrite John (Maslov) (1993). St. Ambrose of Optina and his epistolary heritage. Moscow: Brotherhood of St. Alexius. (In Russ.).
45. Archimandrite Panteleimon (1992). Father John. Uusi Valamo: New Valaam Monastery. (In Russ.).
46. Abbot Nikon (Vorob'ev). (2013). About the beginning of life. Moscow: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church. (In Russ.).
47. Abbot Sergii (Rybko). (2005). Life is an exam foe love. Moscow: Red Proletarian. (In Russ.).
48. Kazachenko, V. (2013) What do we live for, V. Kazachenko (Ed.). Moscow: Kovcheg. (In Russ.).
49. Metropolitan Veniamin (Fedchenko). (1992). About faith, unbelief and doubt. Moscow: Ruslo. (In Russ.).
50. Archpriest Konstantin Ostrovskii. (2010). Eternity is at the door. Priest's notes. Krasnoyarsk: Uspenskii church. (In Russ.).
51. Archpriest Nikolaev Sergii (2012). Secrets of love. For advice and comfort to a priest. Sermons and thoughts. Moscow: Kovcheg. (In Russ.).
52. Tereschenko, T.N. (2008). Symphony on creations of St. Ephrem the Syrian, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
53. Tereschenko, T.N. (2008). Symphony on creations of St. Brasil the Great, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
54. Tereschenko, T.N. (2007). Symphony on creations of St. Tikhon of Zadonsk, T.N. Tereschenko (Ed.). Moscow: Dar. (In Russ.).
55. Chernyshev, V.I. (1965). Dictionary of modern Russian literary language in 17 vol., vol. 17, V.I. Chernyshev (Ch. ed.). Moscow: Leningrad: Nauka. (In Russ.).
56. Shaposhnikov, A.K. (2010). Etymological Dictionary of the Contemporary in 2 vol., vol. 2, A.K. Shaposhnikov (Ch. ed.). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
57. Shvedova, N.Yu. (2002). Russian Semantic Dictionary. Dictionary systematized according to classes of words and meanings, N.Yu. Shvedova (Ch. ed.). Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
58. Shvedova, N.Yu. (2011). The explanatory dictionary of the Russian language, N.Yu. Shvedova (Ch. ed.). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ко Чун Ин, кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики государственного университета Чжэнчжи; *научные интересы*: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, семантика; *e-mail*: kequ@nccu.edu.tw.

Information about the author:

Ko Chiung Ying, PhD of Philology, assistant professor of department of Slavic languages and literatures, National Chengchi university; Research Interests: Cognitive linguistics, Cultural linguistics, Semantics; *e-mail*: kequ@nccu.edu.tw.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-463-478

УДК: 811.161.1'373:82-1

Научная статья / Research article

Специфика функционирования крылатых выражений в поэзии Дмитрия Быкова

Е.И. Зыкова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
*Университетская набережная, д. 11, Россия, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация, 199034*
e.zikova@spbu.ru

В статье речь идет о специфических особенностях функционирования крылатых выражений в поэзии Дмитрия Быкова. Анализируя поэтическое творчество Дмитрия Львовича Быкова, современного российского писателя, поэта, общественного деятеля, публициста, невозможно не заметить, что поэт использует «крылатый» языковой арсенал во всем его многообразии. Это и библейские крылатые слова, и цитаты (мафусаилов век, ищите и обрящите, геенна огненная), цитаты из произведений, русской и европейской литератур (Через четыре года здесь будет город-сад! Прощай, свободная стихия! Офелия, О нимфа! Помяни грехи мои в молитвах!), крылатые выражения, восходящие к античности (Жребий брошен! белая ворона), цитаты из современных и советских песен (Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно!). Кроме того, рассматривается вопрос о специфике стилистических функций крылатых выражений, которые использует Дмитрий Быков в своей поэзии. Среди самых значимых и наиболее частотных и выразительных могут быть выделены сатирическая и композиционная функции. В России Дмитрий Быков известен как писатель, поэт-сатирик, пишущий преимущественно на острые политические и социально значимые темы. Поэтому совершенно понятно, почему одной из излюбленных функций крылатых выражений, которые он использует, является депатетическая. Немаловажным художественным языковым средством в поэтической сатире Д. Быкова являются его авторские трансформы крылатых выражений. В поэзии Дмитрия Быкова можно найти применение почти весь спектр индивидуально-авторских трансформаций, как семантических, так и структурно-семантических. Дмитрий Быков — мастер глубокого, неоднозначного образа. В своих стихах он создает сложные аллегории, его образы метафоричны, полны сарказма. И чтобы достичь этой глубины изображения, автор использует чаще всего не один, а несколько приемов преобразований крылатых выражений в рамках одного контекста, что является, на наш взгляд, еще одной специфической чертой художественного стиля писателя.

Ключевые слова: фразеология, крылатые выражения, трансформация, фразеологическая стилистика, поэтика, стилистические функции

Благодарность:

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений» (№ 17-29-09064офи-м)

© Зыкова Е.И., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 30.04.2020

Для цитирования:

Зыкова Е.И. Специфика функционирования крылатых выражений в поэзии Дмитрия Быкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 463—478. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-463-478

UDK: 811.161.1'373:82-1

The Specificity of Functioning of Winged Expressions in the Poetry of Dmitry Bykov

Elena I. Zyкова

Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State University”

11, University Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

e.zikova@spbu.ru

Abstract. The article deals with the specific features of the functioning of winged expressions in the poetry of Dmitry Bykov. Analyzing the poetic work of Dmitry Lvovich Bykov, a modern Russian writer, poet, public figure, publicist, it is impossible not to notice that the poet uses a “winged” language arsenal in all its diversity. These are biblical winged words and quotations (*мафусаилов век, ищите и обряцете, геенна огненная*), quotations from works, Russian and European literature (*Через четыре года здесь будет город-сад! Прощай, свободная стихия! Офелия, О нимфа! Помяни грехи мои в молитвах!*), winged words, dating back to antiquity (*Жребий брошен! белая ворона*), quotes from modern and Soviet songs (*Я люблю тебя жизнь и надеюсь, что это взаимно!*). In addition, the question of the specific stylistic functions of winged expressions, which Dmitry Bykov uses in his poetry, is considered. Among the most significant and most frequent and expressive can be distinguished satirical and compositional functions. In Russia, Dmitry Bykov is known as a writer, a satirist poet, writing mainly on acute political and socially significant topics. Therefore, it is completely understandable why one of the favorite winged words functions that he uses is depathetic. An important artistic language means in D. Bykov’s poetic satire is his author’s transformations of winged expressions. In the poetry of Dmitry Bykov, you can find the use of almost the whole range of individual-author transformations. Both semantic and structural-semantic. Dmitry Bykov is a master of a deep, complex image. In his poems, he creates complex allegories, his images are metaphorical, full of sarcasm. And in order to reach this depth of the image, the author most often uses not one, but several methods of transforming winged words within one context, which is, in our opinion, another specific feature of the writer’s artistic style.

Key words: phraseology, winged expressions, transformation, phraseological stylistics, poetics, stylistic functions

Acknowledgment:

The reported study “Classics of Russian literature in the mirror of winged expressions” was funded by RFBR according to the research project (17-29-09064офи-м).

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 30.04.2020

For citation:

Zykova, E.I. (2020). The specificity of functioning of winged expressions in the poetry of Dmitry Bykov. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 463—478. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-463-478

Введение

Проблеме функционирования крылатых выражений (далее — КВ), как одним из важнейших языковых средств, содержащих в своей семантике культурную информацию, всегда уделялось большое внимание.

Много исследований было посвящено выделению и описанию основных функций крылатых выражений. Типология функционирования крылатых слов была рассмотрена в работах С.Г. Шулежковой [1], Л.П. Дядечко [2], В.М. Мокиенко [3] и других исследователей славянской фразеологии [4—20]. С.Г. Шулежкова выделяла следующие функции: характеризующую, функцию лозунга или призыва, аргументирующую, функцию контактоустанавливающей реплики, юмористическую, заголовочную, композиционную [4].

Особое внимание стоит обратить на кумулятивную функцию крылатых выражений, которую они выполняют благодаря своему культурологическому семантическому потенциалу и способности хранить часть культурной информации источника, из которого они вышли.

В.М. Мокиенко, также признавая за КВ статус языковых единиц, выделял лишь «3 категориальных признака: 1) паспортизация конкретным текстуальным источником; 2) стереотипизированность и воспроизводимость в готовом виде; 3) интертекстуальность, т.е. способность служить строевыми элементами текста (или его фрагментов), маркируя его семиотически (на уровне концептов и символов) или стилистически» [3. С. 163]. При этом в качестве основного признака КВ все исследователи выделяли его связь с источником или автором.

Вышеперечисленная разнородность крылатых выражений, как по своей грамматической структуре, так и по структуре значения, на наш взгляд, непосредственно связана с их функционированием в тексте. КВ-лексемы (*Отелло*, *Баба-Яга*, *Иуда*) и устойчивые словосочетания, представляющие идиоматическое ядро КВ (*метать бисер перед свиньями*, *прокрустово ложе*, *сизифов труд*, *молочные реки*, *кисельные берега*) имеют как коннотативный, так и денотативный семантический компонент. И, соответственно, подобно ФЕ они способны выполнять номинативную функцию, т.е. служить образным, экспрессивным обозначением предмета, лица, явления и т.д. Но в отличие от «чистых» ФЕ ФЕ-крылемы еще вносят в контекст различные ассоциации с источником, из которого они вышли.

Интересно, что по мере увеличения структуры КВ упрощается их семантика, т.е. исчезает денотативный компонент значения, и на первый план выходят коннотативные элементы. Речь идет, прежде всего, о КВ афористического происхождения, об образно-описательных и поэтических цитатах,

патетизмах, цитатах из песен, кинофильмов, мультфильмов и т.д. По своей структуре эти выражения, как правило, представляют собой предложения.

Разнообразием структуры, значения и функционирования объясняется, на наш взгляд, большой интерес современных русских писателей и поэтов к КВ, их выбор этих единиц в качестве языкового инструмента для создания или усиления художественного образа.

Материалы и результаты исследования

Источники КВ, используемых в поэтических текстах Д. Быкова

Анализируя поэтическое творчество Дмитрия Львовича Быкова, современного российского писателя, поэта, общественного деятеля, публициста, невозможно не заметить, что поэт использует «крылатый» языковой арсенал во всем его многообразии.

Признавая справедливость тезиса о прямой связи функционирования КВ с их источником, нам кажется справедливым охарактеризовать спектр источников КВ, которые использует Д.Л. Быков в своей поэзии.

Даже беглого взгляда на поэзию Быкова довольно, чтобы увидеть приоритет литературных цитат, причем в основном из русской классической литературы, которые автор погружает в свой публицистически актуальный текст, в результате чего классическая поэтическая цитата служит неким нравственным ориентиром, благодаря аллюзии с авторитетом классиков русской литературы. В итоге этого противопоставления появляется сатирический каламбур: на фоне нравственной гармонии стиха более отчетливо проявляется уродливость какого-л. социального явления современной русской жизни.

Так, например, в стихотворении «Баллада бесприютности», написанном в привычной для Быкова манере — на злобу дня — поводом послужило известие о запрете украинскими властями въезда на территорию Украины граждан РФ мужского пола младше 60 лет. Стихотворение — проявление едкой, обличающей сатиры Быкова, в котором автор изложил свое видение современной ситуации в России, оказавшейся, по сути, в изоляции от многих стран мира. Перечисление мест, где не жалуют россиян, автор заканчивает высокой патетической цитатой из стихотворения Ф.И. Глинки «Военная песнь», написанного во время Отечественной войны 1812 года, когда русские войска обороняли город Смоленск. Стихотворение Глинки звучит как призыв к защитникам Отечества — России верным сынам — «сомкнуться в ратном строе» и «отыскать славу и свободу друзьям, Отечеству, народу». Все стихотворение Ф.И. Глинки, как и КВ *России верные сыны*, исполнено патриотической патетики, что подтверждают многочисленные факты употребления этой крылатой фразы на просторах Рунета и прежде всего в ресурсах патриотической направленности. Именно это коннотативное значение КВ Ф. Глинки и использовал в своей сатире Д. Быков:

Боюсь, нас примут только льдины,
Пространство вечной холодины,
Где обитают лишь пингвины —
России верные сыны.

С одной стороны, может показаться, что патетизм Глинки депатетизируется, т.е. лишается своего патриотического звучания, за счет расширения контекста лексемой *пингвины*. Но если внимательно вчитаться в весь текст стихотворения Д. Быкова, то становится ясно, что завершающая стихотворение крылема *России верные сыны* по-прежнему исполнена высокого патриотического звучания. А автор, используя ее в конце своего стихотворения, как бы ставит большую точку в перечислении «бесприютных» для россиян мест.

Как показал анализ, Д. Быков нередко прибегает к использованию цитат И.А. Крылова. Очевидно, что выразительность, меткость, назидательность строк великого русского баснописца весьма привлекательна для поэта и является мощным средством его стиха. Цитаты из произведений И.А. Крылова также очень часто используются для подытоживания рассуждения автора.

Так, например, цитата из басни «Зеркало и обезьяна» *ужимки и прыжки* используется как средство создания комического эффекта. Неся в себе память сатирического текста Крылова, она неизбежно придает стихотворению Быкова «Указательное» комический подтекст:

Я думаю, ты можешь уже оставить
Свои, так сказать, *ужимки и прыжки*
И мне наконец спокойно предоставить
Не о тебе писать мои стишки.

Каламбурное обыгрывание басни «Стрекоза и муравей» гораздо сложнее, т.к. Д. Быков, используя крыловский жанр басни, построил свою таким образом, что повествование идет от имени Стрекозы:

Да, подлый муравей, *пойду и попляшу*
И больше ни о чем тебя не попрошу.

Использованные трансформированные цитаты крыловского текста придают басне Д. Быкова некий колорит:

Ах, были времена! *Под каждым мне листком*
Был столик, вазочки, и чайник со свистком,
И радужный огонь росистого напитка...

Подобно многим своим соратниками по перу, Д. Быков активно использует библеизмы, античные КВ, цитаты из советских песен.

Библеизмы, традиционно, и в текстах Д. Быкова выполняют характеризующую функцию. Благодаря мощному влиянию источника — Библии — КВ-библеизмы несут в себе этот заряд мудрости, возвышенности и нравственности и придают контексту соответствующее возвышенное одухотворенное звучание:

Сейчас, при виде этой, дикорастущей,
И этой садовой, в складках полутеней,
И всех, создающих видимость *райской кущи*,
И всех-всех-всех, скрывающихся за ней.
или Так, по свершении разбега,
Он курит и глядит в окно,
В сиянье утреннего снега, —
А так как дело решено,
То там и *альфа*, и *омега*,
Конец с началом заодно.

Редкостью в стихотворениях Д. Быкова являются цитаты из советских песен. Так, строка из песни «Я люблю тебя, жизнь» композитора Э. Колмановского на слова К. Ваншенкина, как и все поэтические цитаты, выполняет образно-эстетическую функцию в лирическом объяснении в любви Д. Быкова:

Я люблю тебя больше, чем можно,
Я люблю тебя больше, чем нежно,
Я люблю тебя больше, чем нужно.
Так люблю — и сгораю бездымно,
Без печали, без горького слова,
И надеюсь, что это взаимно,
Что само по себе и не ново.

Типы функций крылатых выражений в поэзии Д. Быкова

Известно, что в поэтических цитатах фактически отсутствует денотативная часть, и на первый план выступает специфический элемент значения КВ — ассоциативная связь с источником. Поэтому образность, метафоричность, экспрессивность всего источника, запечатлевшись в этих цитатах, переносится и в контекст, где она употребляется, придавая ему лиричность текста известной песни.

Как уже говорилось выше, специфика функционирования КВ объясняется своеобразием семантики и структуры. Поэтому КВ предикативного характера способны выполнять аргументирующую, обобщающую, юмористическую, сатирическую, депатетическую, образно-эстетическую функции.

Обобщающую или аргументирующую функцию, как правило, выполняют фразы, представляющие собой обобщение человеческого опыта, некие философские сентенции либо очень известные цитаты-афоризмы. Именно такой фразой — КВ *горе от ума*, являющейся названием комедии А.С. Грибоедова, завершается абзац стихотворения Д. Быкова «Юбилейное», углубляя и обобщая сказанное автором, как бы подводя итог его рассуждению:

Извечны наши постулаты
на тему, Мол, «сума, тюрьма».

Мы как бессрочные солдаты,
Но горе то — не от ума.

В России Дмитрий Быков известен как писатель, поэт-сатирик, пишущий преимущественно на острые политические и социально значимые темы. Сам Д. Быков в своем стихотворении признавался:

Загоняв себя, как Макар телят,
И колпак шута заработав,
Я открыл в себе лишь один, но большой талант —
Я умею злить идиотов.

Поэтому совершенно понятно, почему одной из излюбленных функций КВ, которые он использует, является депатетическая. Интересно, что Д. Быков для сатирического осмеяния какого-л. социального явления современной России почти не берет КВ политической или социальной направленности, так называемые советизмы. Как это широко использовал В.Н. Войнович, излюбленным авторским приемом которого был «депатетизация патетизмов» [5. С. 58], в результате которого происходит полная дискредитация идеи, заложенной в этих выражениях. При этом исходная единица может как бы «выворачиваться наизнанку» и превращаться в символический окказионализм-перевертыш (напр. *Читайте, завидуйте, я — НЕ гражданин Советского Союза*) [6. С. 12].

Исключением, пожалуй, можно назвать неоднократное обращение Д. Быкова к цитатам В.В. Маяковского, чье творчество, проникнутое гражданским пафосом, стало гимном социалистическому строю и советскому гражданству. Так, например, цитата из стихотворения Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» *Через четыре года здесь будет город-сад!* рефреном проходя через все стихотворение Д. Быкова «На землю капли падали», посвященное описанию крушения демократических надежд либерально настроенной части населения России, в конце стихотворения и лишается своего патетического ореола. Кроме того, эта цитата используется еще и в роли анафоры, замыкая каждый стих. И если вначале патриотический романтизм строк Маяковского созвучен содержанию стиха Быкова:

Мы думали тогда ведь,
Наивные шуты,
Что если нас не давят,
То мы уже круты,
Нам выдана свобода,
Совок не воскресят —
*Через четыре года
Здесь будет город-сад.*

То в конце стихотворения, где звучит горечь разочарования, утраты надежд на будущее, Д. Быков как бы разрывает на осколки цитату Маяков-

ского, лишая ее тем самым романтического ореола и превращая эти осколки в остатки разбитых надежд:

Мечтать тяжеловато
О веке золотом.
И сад тут был когда-то,
И город был потом.
Пришла иная мода,
Прогнозы тут просты:
Через четыре года
Здесь будешь только ты.

В сатирической поэзии Быкова также «депатетизируются», становясь мощным оружием быковской сатиры, знакомые еще со школьной скамьи строки классика, исполненные патриотического пафоса.

Так, например, знаменитое четверостишие Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять», исполненное патриотическим звучанием, в котором воспевается загадочность русской души, подвергается депатетизации в сатирическом стихотворении Д. Быкова «Сон о баране». В этом стихотворении в рассуждениях о судьбе обезглавленного барана автором едко осмеивается ложный квасной патриотизм современной российской действительности, а главной идеей поэт провозглашает, что только «бестолковые бараны в Отечестве способны преуспеть», тютчевская крылатая фраза *Умом Россию не понять!* переосмысливается, как бы выворачивается наизнанку благодаря погружению в сатирический контекст Д. Быкова:

С ним задружилась остальная челядь,
лучше стало с жизнью половой.
Читай: «*В Россию надо только верить*» —
но это трудно делать с головой.

Известно, что самым интересным и стилистически выразительным в художественном плане является использование КВ в качестве средств организации контекста (шире — текста), при котором реализуется композиционная функция КВ.

Под композиционной функцией, вслед за С.Г. Шулежковой, мы понимаем использование КВ для композиционного объединения текста, когда эта языковая единица становится и композиционным стержнем литературного произведения [1. С. 145] В классических случаях, описанных в научной литературе, с КВ может начинаться рассуждение или описание (в данном случае композиционная функция может совпадать с функцией заголовка); КВ могут замыкать главу, являясь выводом приводимого рассуждения, а также на основе включения КВ в контекст может организовываться «кольцевое построение» произведения. Очень часто такая организация текста основывается на каламбурном обыгрывании КВ, которое является композиционно связующим звеном и употребляется как в узуальном, так и в окказиональном виде.

В поэзии Д. Быкова композиционная функция КВ столь же излюбленный прием, как и у других авторов. Однако он вносит свою лепту, что, безусловно, является одной из главных отличительных черт его поэзии. Многие писатели используют в своих контекстах целые фрагменты чужого текста, препарировав их в своих художественных целях. Д. Быков не исключение, однако он работает тоньше и многограннее в этом направлении.

Он может использовать крылатую цитату в качестве рефрена своего стиха. Например, в стихотворении «На землю капли падали» таким рефреном становится КВ из стихотворения В.В. Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» *Через четыре года здесь будет город-сад!* Д. Быков анафорически замыкает ею каждую свою строфу, как бы подытоживая свой рассказ о зарождении, развитии и конце демократического пути в развитии России.

Потом герои запили,
Простились со стыдом,
Потом разбили залпами
Тот самый Белый дом,
По дури ли, по злобе ли
Взъярились дети гор —
Мы столько там угробили,
Что страшно до сих пор.
Но тучи в час восхода
Плотней всего висят.
*Через четыре года
Здесь будет город-сад!*

Причем, как было сказано выше, сама крылема подвергается авторской обработке, что усложняет авторский контекст, еще больше заточивает авторскую сатиру:

Гляжу на подполковника —
И вижу: это мы.
Осталось пить без просыпа,
До белых поросят.
Здесь нет другого способа
Устроить город-сад.

А в стихотворении «Памяти Блока» обыгрывается его общеизвестное четверостишие:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века,
Все будет так. Исхода нет.

Д. Быков строит каламбур вроде бы классически, т.е. отталкивается от источника, цитирует его. Но на протяжении его рассуждений о мастерстве

поэта Блока, о его гении, Быков опять имплицитно вводит блоковский текст, как будто ставя вехи времени:

*ночь, улица, фонарь, аптека,
колючий снег, а чаще дождь,
на месте дряхлого генсека —
накачанный и бодрый вождь.*

В этом стихотворении ключевую роль играет осколок блоковского контекста — *Исхода нет*, который несет основную смысловую нагрузку:

*в душе любой подобен зэку,
соседом брезгует сосед
Разбей фонарь, ограбь аптеку —
а все равно исхода нет.*

Именно этот фрагмент исходной крылатой фразы опять становится рефреном в рассуждениях автора о безысходности современной ему действительности. Она становится выражением главной идеи стихотворения:

*У либерала вся отрада —
послать проклятье палачу,
а патриоту так и надо:
исхода нет — и не хочу.*

Но Д. Быков использует КВ в композиционной функции не только имплицитно или эксплицитно. Так, например, стихотворение «Подражание Пастернаку» построено не столько на включении цитат поэта в контекст, сколько на ассоциативном переходе от знаменитого рефрена пастернаковского стиха «Зимняя ночь» *Свеча горела на столе, свеча горела* к рефрену быковскому — «*Чуть ночь, они топили печь*». Благодаря этой ассоциации Д. Быков передает ощущение человеческого тепла, взаимодействия двух влюбленных сердец:

*Чуть ночь, они топили печь.
Плясали тени по обоям.
Огня лепечущая речь
Была понятна им обоим.*

На первый взгляд может показаться, что стих Быкова намеренно снижен лексически по сравнению с возвышенным творением Б. Пастернака:

*Чуть ночь, они топили печь.
Дрова не сразу занимались,
И долго, перед тем как лечь,
Они растопкой занимались.*

.....

*Дрова успели отсыреть
В мешке у входа на террасу,
Их нежелание гореть
Рождало затруднений массу,*

Но заявленная высокая философская планка с помощью включения в контекст цитат из «Зимней ночи» в начале стиха и в конце и создает кольцевую композицию ассоциативного ряда смысловых переносов стиха Пастернака и стихотворения Д. Быкова:

Жарка, уютна, горяча,
Среди густеющего мрака
Она горела, как свеча
Из «Зимней ночи» Пастернака.

.....
Чуть ночь, они топили печь,
И в отблесках ее свеченья
Плясали тени руки и плеч,
Как некогда — судьбы скрещенья.

Основные приемы стилистического использования крылатых выражений у Д. Быкова

Общеизвестно, что фразеология представляет собой обширный материал для языкового творчества, что вполне объясняется как образной природой фразеологизмов, так и их принадлежностью к общенациональному языковому фонду, единицы которого усваиваются носителями русского языка естественным путем и используются ими в разных формах коммуникации. Поэтому разнообразные формы преобразования фразеологизмов опознаются и осознаются читателями и достигают того коммуникативного и стилистического эффекта, на который были рассчитаны.

Обычно под языковой игрой понимают языковую шутку, т.е. словесную форму комического или цельный текст с комическим содержанием. Однако В.М. Мокиенко призывает рассматривать понятие языковой игры «в русле двух основных аспектов языковой иронии вообще — и как средство, т.е. вид тропа, создаваемый контрастом между буквальным (эксплицированным) и переносным (имплицированным) значением, и как результат, целостный эффект единого высказывания, включающего комплекс взаимодействия содержания языковой единицы, ситуации, условий и участников коммуникации» [7. С. 105].

И действительно, языковая игра как осознанное и намеренное нарушение нормы в специальных коммуникативных и художественных целях позволяет создателям художественных текстов реализовывать свою авторскую индивидуальность, оставаясь в границах языковой компетенции массовой читательской аудитории.

В.М. Мокиенко признавал, что к КВ может быть применима практически вся шкала фразеологических индивидуально-авторских трансформаций [8. С. 7—32].

Традиционно они разделены на 2 основных типа — семантические и структурно-семантические. К первым относятся, например: приобретение

КВ дополнительного оттенка; переосмысление; изменение коннотативного содержания; двойная актуализация, буквализация значения, авторская этимология, экспликация внутренней формы и др.

Ко вторым — изменение компонентного состава: расширение, сокращение, изменения в расположении компонентов, внутренние и внешние морфологические преобразования, изменения внутренней синтаксической структуры, переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот, расширение и сужение лексико-синтаксической сочетаемости, полная деформация, использование отдельных компонентов выражения и др. [9. С. 167].

В поэзии Дмитрия Быкова можно найти применение почти всего спектра индивидуально-авторских трансформаций, как семантических, так и структурно-семантических. Автор, очень часто работая над семантикой КВ, буквализирует ее значение, что позволяет автору переосмыслить его семантику. Подобный прием двойной актуализации можно наблюдать в стихотворении «Если б молодость знала и старость могла...», в котором поэт рассуждает о времени, о себе, о душе человеческой, которая с возрастом претерпевает изменения:

О сужайся, сожмись, забывая слова,
 Предавая надежды, сдавая права,
 Усыхай и твердей, ибо наша задача —
 не считая ни дыр, ни заплат на плаще,
не любя, не зовя, не жалея, не плача,
 Под конец научиться не быть вообще.

Из контекста видно, что буквализации, но с усложнением инверсией, подвергается цитата из лирического стихотворения С.А. Есенина *не жалею, не зову, не плачу*, которая благодаря семантическому переосмыслению лишается автором есенинского лирического звучания, что создает определенную авторскую иронию.

В поэзии Д. Быкова немало классических структурно-семантических трансформ, например, замены компонента, которая, как мы знаем, приводит к актуализации контекста. Так, например, известная цитата М.Ю. Лермонтова «*Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ*» путем использования нескольких субституций превращается в описание невеселого будущего родины поэта:

Прощай, свободная Россия,
 Страна замков, оград, ворот!
 Прощай, немытая стихия —
 Так называемый народ!

Довольно часто Д. Быков в своей поэзии прибегает к изменению внутренней синтаксической структуры крылатой фразы. Так, например, в стихотворении «Мне страшно жить и страшно умереть...» шекспировская фраза *Офелия, о нимфа! помани мои грехи в твоих молитвах!* в контексте Быкова приобретает следующую форму:

Еще надежда теплится в дому
И к телу льнет последняя рубашка.

Молись за тех, Офелия, кому
не страшно жить и умирать не тяжело.

Дмитрий Быков — мастер глубокого, сложного образа. В своих стихах он создает сложные аллегории, его образы метафоричны, полны сарказма. И чтобы достичь этой глубины изображения, автор использует чаще всего не один, а несколько приемов преобразований КВ в рамках одного контекста, что является, на наш взгляд, еще одной специфической чертой художественного стиля писателя. Комбинации приемов индивидуально-авторского употребления, используемые Д. Быковым, разнообразны. Чаще автор прибегает к комбинации двух приемов.

Так, например, библейское КВ из Нового Завета (Евангелия от Матфея, Луки) *Ищите да обряцете* трансформируется автором дважды. Так, в стихотворении «Подражание древнерусскому» Д. Быков не только изменяет глагольное окончание компонентом, но и расширяет его компонентный состав, вводя лексемы *все* и *не*, что, безусловно, способствует актуализации его контекста, но оставляя, тем не менее, высокую патетику библейского выражения:

Где тебя я видел? В метро ли нищем,
В окне горящем?
Сколько мы друг друга по свету ищем —
Все не обряцем.

Авторской трансформации может подвергаться целый контекст исходного текста. Так, например, в стихотворении «Футурологическое» каламбурному обыгрыванию подвергается отрывок А.С. Пушкина из поэмы «Медный всадник»:

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Д. Быков, не меняя исходного патетического звучания пушкинской фразы, заменяет компонент в КВ *Россию поднял на дыбы* и как бы расчленяет весь контекст, тем самым вкладывая в нее свое, авторское, звучание:

Когда в огне переворота
Россия встанет на дыбы
И постучит в мои ворота
Костлявый перст моей судьбы.

И в конце невозможно обойти вниманием такую особенность стиля поэзии Д. Быкова, как публицистичность. Это, конечно, не лингвистическая категория, а скорее, литературоведческая. Но пристально всматриваясь в стиль автора, отмечаешь, что он пишет почти всегда на злобу дня. Являясь колумнистом «Новой газеты», печатного органа оппозиционной направленности, Д. Быков мгновенно откликается в поэтической форме на какое-либо общественное событие российской действительности.

«Баллада бесприютности» — это отклик поэта на запрет властями Украины на въезд россиян-мужчин младше 60 лет. Стихотворение «Беженское» появилось после того, как Европу захлестнула волна беженцев. Только вышел материал об увольнении с работы американской журналистки Меган Кейли после ее интервью с В.В. Путиным, в колонке Д. Быкова появляется «Новая песня о родине». Таким образом, о современной жизни России можно узнать, читая стихотворения Д. Быкова. В этом, на наш взгляд, и заключается «публицистичность» его поэзии.

Сам Д. Быков в одном из своих стихотворений признавался:

У меня насчет моего таланта иллюзий нет.

В нашем деле и так избыток зазнаек.

Я поэт, но на фоне Блока я не поэт.

Я прозаик, но кто сейчас не прозаик?

В том, что он большой мастер русского слова, сомнений быть не может, о чем свидетельствуют крылатые цитаты в его стихах.

Заключение

Анализ поэтического творчества Дмитрия Львовича Быкова, позволяет сделать вывод, что поэт использует «крылатый» языковой арсенал во всем его многообразии. Будучи мастером глубокого, объемного образа, он создает сложные аллегории, метафорические образы, для чего использует чаще всего не один, а несколько приемов преобразований крылатых фраз. Главной особенностью поэтического стиля Д. Быкова, на наш взгляд, является публицистичность языка его поэзии. Острый язык сатиры его стихотворений всегда актуален, чему несомненно, способствует весь спектр используемых им крылатых слов и выражений.

Библиографический список

1. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. пед. ин-та «Факел», 1995.
2. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. К.: ИПЦ «Київський університет», 2002.
3. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Том 1. А–М. (2008); Том 2. Н–Я. (2009). 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск — Greifswald, 2008—2009.
4. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения, их источники и развитие. М., Азбуковник, 2002.
5. Мокиенко В.М. Депатетизация патетизмов в современном тексте // Современные языковые процессы: межвузовский сборник. СПб., 2003. С. 55—69.
6. Зыкова Е.И. Крылатые выражения в произведениях В. Войновича. Автореф. кан. дисс. СПб., 1997.
7. Мокиенко В.М. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Ученые записки Таврического нац. университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2012. no 25 (64)—2 (1). С. 100—109.
8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997.

9. Мокиенко В.М. Крылатые слова как лингвистическое явление и как объект обучению РКИ // X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Методика преподавания русского языка: традиции и перспективы. Том III. Лингвометодические основы обучения русскому языку как иностранному. СПб, 2003. С. 161—169.
10. Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Я. Фразеологизмы в русской поэзии XIX—XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии. Под науч. ред. В.М. Мокиенко. Кострома: Костромской гос. университет, 2016.
11. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Крылатые выражения, литературные образы и цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова. М.: Центрполиграф, 2017.
12. Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В. М. Мокиенко. М.: РУДН, 2018.
13. Мокиенко В.М., Зыкова Е.И. «Школьный словарь крылатых слов русского языка» как объект лексикографического описания // Вопросы лексикографии. 2019. по 16. С. 153—163.
14. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., Новое литературное объединение, 2000.
15. Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...». Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. М., Флинта: Наука, 2011.
16. Зыкова Е.И. Устойчивые сочетания в современном русском медиа-тексте (на материале языка СМИ и Интернета) // В кн: Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс). Коллективная монография. Отв. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Ж. Финк. Грайфсвальд. СПб. — Загреб, 2017. С. 129—132.
17. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019, 10 (2). С. 256—272.
18. Мокиенко В.М. Пословица в поэтическом тексте // Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова; предисл. А.Е. Якимов. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 211—225.
19. Мокиенко В.М. Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений (опыт лексикографирования) // Образование Луганщины. Теория и практика. 2018. по 4. С. 2—5.
20. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018.

References

1. Syulegkova, S.G. (1995). *Winged expressions of the Russian language, their sources and development*. Chelyabinsk. (In Russ.).
2. Dyadechko, L.P. (2002), *Winged words as an object of linguistic description: history and modernity*. Kiev. (In Russ.).
3. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Syulegkova, S.G. (2008—2009). *A large dictionary of winged words and expressions of the Russian language*. Vol. 1. A—M. (2008); Vol. 2. N—YA. (2009). Magnitogorsk—Greifswald. (In Russ.).
4. Syulegkova, S.G. (2002). *Winged expressions, their sources and development*. Moskow. (In Russ.).
5. Mokienko, V.M. (2003). Depatetization of patetism in the modern text In *Modern language processes: interuniversity collection*. St. Petersburg. (In Russ.).
6. Zykova, E.I. (1997). *Winged Expressions in the Works of V. Voinovich* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russ.).
7. Mokienko, V.M. (2012). Phraseology and language game: dynamics of form and meaning. In: *Scientific notes of the Vernadsky Tauride University. Series: Philology. Social communications*, 25 (64) —2 (1)—1. (In Russ.).
8. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Phraseologisms in Russian speech*. Vocabulary. Moskow: Russian dictionaries. (In Russ.).

9. Mokienko, V.M. (2003) Winged words as a linguistic phenomenon and as an object of learning RCTs. *X Congress MAPRYAL*. Vol. 3. St. Petersburg. pp. 161—169. (In Russ.).
10. Melerovich, A.M., Mokienko, V.M. & Yakimov, A.Ya. (2016). *Phraseologisms in Russian poetry of the 19th—21st centuries Dictionary: the experience of lexicographic systematization of the use of phraseological logisms in Russian poetry*. Under the scientific, V.M. Mokienko (Ed.). Kostroma: Kostroma state. University. (In Russ.).
11. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2017). *Winged expressions, literary images and quotes from the fables of Ivan Andreevich Krylov*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.).
12. Lomakina, O.V. (2018). *Phraseology in the text: functioning and idiostyle: monograph.*, V.M. Mokienko (Ed.). Moscow: RUDN. (In Russ.).
13. Mokienko, V.M. & Zykova, E.I. (2019). The school dictionary of winged words of the Russian language”as an object of lexicographic description. *Questions of lexicography*, 16, 153—163. (In Russ.).
14. Zubova, L.V. (2000). *Contemporary Russian poetry in the context of the history of language*. Moscow: New Literary Association. (In Russ.).
15. Shulezhkova, S.G. (2011). “And life, and tears, and love ...”. *The origin, meaning, fate of 1,500 winged words and expressions of the Russian language*. Mosvow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
16. Zykova, E.I. (2017). Sustainable combinations in the modern Russian media text (based on the material of the language of the media and the Internet) In: *Slavic phraseology in modern media (journalistic discourse). Collective monograph*. Repl. ed. H. Walter, V. M. Mokienko, J. Fink. Greifswald. SPB — Zagreb. pp. 129—132. (In Russ.).
17. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Wingfish in a modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 256—272. (In Russ.).
18. Mokienko, V.M. (2018). Proverb in a poetic text. *Life of phraseology — phraseology in life: a collection of scientific articles for the anniversary of Professor A.M. Melerovich / editor and comp. I.Yu. Tretyakov; foreword A.E. Yakimov*. Kostroma: Publishing house Kostroma. state University. pp. 211—225. (In Russ.).
19. Mokienko, V.M. (2018). Classics of Russian literature in the mirror of winged expressions (experience of lexicography). *Education of Lugansk region. Theory and practice*, 4, 2—5. (In Russ.).
20. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2018). *The winged words of fables by Ivan Andreevich Krylov*. Dictionary. SPB: Publishing house of St. Petersburg University. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Зыкова Елена Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»; *сфера научных интересов*: фразеология и крылатика русского языка, афористика русского языка, фразеография; *e-mail*: e.zikova@spbu.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0003-3815-178X. eLIBRARY SPIN-код: 9813-0633.

Information about the author:

Elena I. Zykova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian Language for the Humanities and Natural Sciences Faculties Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State University”; *Research interests*: phraseology and winged Russian language, Russian language aphorism, phraseography; *e-mail*: e.zikova@spbu.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0003-3815-178X. eLIBRARY SPIN-code: 9813-0633.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495

UDK: 811.411.21:811.133.1:741.5:32

Research article / Научная статья

Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages

Natalia M. Dugalich

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
dugalich-nm@rudn.ru

Abstract. The article discusses the universal and culturally-specific features and linguistic means of the political cartoon in the Arabic and French languages. Political cartoon is a universal tool for political dialogue between government and society, a reflection or reaction of society to a certain political event, series of events, or a person of national or world level. The goals and objectives of political cartoon, its mechanism of influence on the addressee, and its genre identity have a common tradition and common components. The study of the phenomenon of a political cartoon in various linguistic cultures is an area of relevant multidisciplinary research, primarily because the author's creative principle at the level of text and drawing interacts in the political cartoon with tradition and its genre framework, producing a capacious multilayer creolized text, the decoding of which requires from the addressee the presence of linguistic, logical and extralinguistic (primarily political and historical) presuppositions and the skills to analyze it. The object of the proposed work is a modern political cartoon in Arabic and French. The subject of the research is structural, lexical-semantic, pragmatic and cultural-specific characteristics of the creolized text of a political cartoon in the Arabic and French languages. The purpose of the work is to identify universal and culturally specific features of a cartoon on a political leader or an event at the iconic and verbal level in each of the languages under consideration. For the first time in Russian linguistics the presented study carries out a comparative analysis of the political cartoon in the Arabic and French languages and describes its universal features and cultural-specific peculiarities.

Keywords: political cartoon, creolized text, verbal component, iconic component, language means, Arabic, French

Article history:

Received: 20.05.2020

Accepted: 31.05.2020

For citation:

Dugalich, N.M. (2020). Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 479—495. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495

© Дугалич Н.М., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК: 811.411.21:811.133.1:741.5:32

Универсальные и культурно-специфические черты и языковые особенности политической карикатуры на арабском и французском языках

Н.М. Дугалич

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198
dugalich-nm@rudn.ru

В предлагаемой статье обсуждаются универсальные и культурно-специфические черты и языковые особенности политической карикатуры на арабском и французском языках. Политическая карикатура является универсальным инструментом политического диалога власти и общества, отражением или реакцией социума на некое политическое событие, ряд событий или персону национального или мирового уровня. Цели и задачи политической карикатуры, механизм влияния на адресата, ее жанровое своеобразие имеют общую традицию и общие составляющие. Изучение феномена политической карикатуры в различных лингвокультурах представляет собой сферу актуальных мультидисциплинарных исследований прежде всего потому, что авторское креативное начало на уровне текста и рисунка взаимодействует в политической карикатуре с традицией и ее жанровыми рамками, продуцируя емкий по объему многослойный креолизованный текст, декодирование которого требует от адресата наличия языковой, логической и экстралингвистической (прежде всего политической и исторической) пресуппозиций и навыков его анализа. Объект предлагаемой работы — современная политическая карикатура на арабском и французском языках. Предметом исследования являются структурные, лексико-семантические, прагматические и культурно-специфические характеристики креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках. Цель работы — выявить универсальные и культурно-специфические черты карикатуры на политического лидера или событие на иконическом и вербальном уровне на каждом из рассматриваемых языков. В представленном исследовании впервые в российской лингвистике был проведен сопоставительный анализ политической карикатуры на арабском и французском языках и описаны ее универсальные черты и культурно-специфические особенности.

Ключевые слова: политическая карикатура, креолизованный текст, вербальный компонент, иконический компонент, языковые средства, арабский язык, французский язык

История статьи:

Дата поступления: 20.05.2020

Дата приема в печать: 31.05.2020

Для цитирования:

Dugalich N.M. Universal and Culturally Specific Features and Linguistic Peculiarities of the Political Cartoon in the Arabic and French Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 479—495. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-479-495

Introduction

A political cartoon is, first of all, a creolized text, a type of text that has become an integral part of modern communication. A distinctive feature of a creolized text is the inclusion in it of semiotic codes, which increases its communicative viability.

Speaking about a political cartoon, it should be noted that the comic effect is achieved only in the synthesis of the iconic and verbal components.

In the modern world, there is a globalization rapprochement of the traditions of the political cartoon belonging to various civilizations.

Modern world political cartoons are usually printed on special editorials of newspapers or on dedicated pages for newspaper comics. Internet cartoons, including flash animation, have become widespread. In the context of globalization and the inclusion of periodicals in different languages in the general media space, political cartoons in a foreign language are becoming more accessible to the reader. An important issue of the publication of a cartoon is connected with the translation of its text and the emerging problem of the adequacy and completeness of its translation.

The following set of topics is characteristic of contemporary political cartoon: a political leader as a person, a political leader and his policy; economic reforms; election campaign; military conflicts; shadow politics and economics; reputation of the country; domestic policy of the state.

For a correct and complete perception of the author's intention in the political caricature, it is necessary to have certain presuppositions, i.e. linguistic, political, extralinguistic and logical.

Currently, several countries have institutions that document political cartoons, such as the Center for the Study of Political Graphics in the USA and the British Cartoon Archive. The importance that a political cartoon has in contemporary political discourse is confirmed by the fact that the Pulitzer Prize for Editorial Cartooning and the Press Gazette's Cartoonist of the Year Prize were awarded in Britain.

Nevertheless, we can observe the existence of cultural-specific difference between the Arab and French political cartoons:

1. French political cartoon has a long history in line with the development of European political cartoons; for Arab countries, a political cartoon is a relatively new phenomenon that sprang to life in the Middle East as a product of the expansion of the Ottoman Empire to the Arab East;

2. The main components of the French political cartoon are: theme, characters, problems, technique of execution — subsequent development of a combination of visual and textual humor/grotesque; Arab political humor has literary roots, as the tradition of visual genres did not exist for religious reasons;

3. Arab political cartoon is rapidly gaining popularity, while in France political cartoons have their own special place in the system of genres of political discourse.

Methodology

The theoretical basis of the study was the work devoted to: semiotics of the text and cognitive science: (R. Bart [1], M.M. Bakhtin [2], U. Eco [3],

Yu.M. Lotman [4], Yu.S. Stepanov [5], I.A. Sternin [6], A. Vezhbitskaya [7]); creolized text as a special sign system with an integrative communicative effect (E.E. Anisimova [8], A.A. Bernatskaya [9], T.G. Matulevich [10], Yu.A. Sorokin and E.F. Tarasov [11], M.B. Voroshilova [12]); national-specific problems in communication (R.A. Lulu and S.N. H. Alkaff [13], V.A. Maslova [14]; E.A. Selivanova [15]; V.I. Shakhovsky, Yu.A. Sorokin and I.V. Tomasheva [16], E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov [17]).

The material for this study was cartoons with a textual component in Arabic and French on political (national and world) leaders and political events. The volume of the studied material is 60 units of creolized text of a political caricature (30 in Arabic and 30 in French). The cartoons were selected by continuous sampling from the Arab and French media (newspapers), thematic blogs and websites. The problems of the cartoons under consideration include the following topics:

- 1) political leader;
- 2) election campaign;
- 3) domestic policy (reforms, unpopular decisions of statesmen);
- 4) foreign policy and international relations;
- 5) shadow foreign and domestic policy and economics.

Universal and Culturally Specific Features of a Political Cartoon in Arabic and French

The phenomenon of political cartoon undoubtedly has a universal beginning in nature. The analysis of topics, means of expression, the representation of verbal and iconic components on the material of the considered cartoons can be presented in the following form:

Universal Features of a Political Cartoon

According to the results of the study, the universal features of the political cartoon can be:

1. The theme of the drawings, presented by criticism of the foreign and domestic policies of a country and its leaders; satire on the aggressive course of foreign policy of world elite countries.

2. A small amount of the text component of the political caricature or its absence: the volume of the text component of the political caricature is from 1 to 30 words; the average length of an Arabic cartoon is 11.8 words; in French — 11.4 words.

3. The active use of color, which may have a traditional semantic content and play a precedent role.

4. The use of signatures and headings as elements of a cartoon.

5. Font variation.

6. Precedent images of various types.

7. Presentation of the text in the form of a monologue and dialogue.

8. The absence of synonyms, antonyms, homonyms (one example is noted), cohyponyms and hyperonyms in syntagmatic use, which, for example, is characteristic of a literary text.

9. Use of symbols of different levels.

10. Appeal to female images.

The analysis of the examined cartoons shows that, along with universal features characteristic of political caricature as a creolized text of political discourse, we can talk about a number of distinctive features.

Theme. The material presented for analysis is a series of cartoons selected by the method of continuous sampling from newspapers, magazines and the Internet, and is affiliated with the chief editor and/or author of the cartoon. Their topic is a political leader, foreign and domestic policy of the state. The model of representation of a political leader is universal: a caricature offers a concrete action for discussion, decision or speech of a politician; assessment of the state's domestic or foreign policy under the leadership of a particular leader or commentary on the current political, historical and socio-economic situation.

The main distinguishing feature of the studied Arab and French cartoons was a large number of texts that were not explicitly associated with the figure of the President of France, the main theme of these cartoons is criticism of the socio-economic situation in the country. In Arabic cartoons, the connection of the text with a specific political leader is expressed explicitly.

Colour. Another feature of the cartoons in Arabic is the strongly pronounced connection of the verbal component with the semiotic color code; it can be traced in 14% of the cartoons considered. The black and white version of the cartoons, which is traditional for this genre of creolized text, is more characteristic of the French caricature. Arabic cartoons, which historically come close to comics, are usually presented in multicolor form, some of them made in the tradition of a well-drawn multicolor watercolor painting.

Font variation and the presence of several text levels. The French caricature is characterized by the use of several font variation options in one creolized text, for example, highlighting certain words or letters in red, using a bold version for headings in separate words, using different font types, scaling a font of the same type. For the Arabic verbal component, font variation is less characteristic. An important difference between the Arabic text of the caricature is the use of signatures in it, mainly on the objects and attributes of the political leader.

Precedent images. In general, the principle of applying precedent images at the level of text, drawing and their hybrid use (drawing + text) is a universal feature for the Arabic and French cartoons. The national-cultural component of precedence makes the caricature incomprehensible for those recipients who are not able to decode the applied national or regional precedent phenomena (onyms

or mentioned events), however, it allows realizing the author's intention in introducing the historical background into the cartoon, indicating the place of the event, the event's assessment by the author.

Symbols of different levels. Political cartoon, as well as a political poster, frequently uses symbolism, first of all, as a way of compact information input. We consider a national cultural difference as the frequency of use of regional symbols in the Arabic cartoon; in the French caricature, world symbols are more common.

Appeal to female images. The national-cultural specificity of the political cartoon in French implies the use of female images in the meaning of «strong woman», «equal or stronger partner» and «politician». In the Arabic cartoon, we noted such meanings as «homeland», «revolution as a relationship with a specific leader», «mother».

Peculiarities of the use of language tools. During the study of the texts of the political cartoons in Arabic and French, a number of features were noted:

- the use of religious and dialect vocabulary in the Arabic caricature;
- numerous facts of non-observance of the norm of addressing a high-ranking official, which, apparently, is connected with the author's intention to ridicule a political leader as a figure, a politician who has failed to conduct his policy and an assessment of a political event;
- the tendency to use complete sentences in Arabic.

Grammatical Features of the Text of the Cartoon in the Arabic Language

The creolized text of a political cartoon is a combination of two inhomogeneous parts: the iconic and verbal components; the verbal component of the cartoon can be analyzed as a text according to the following criteria:

- 1) formal structure;
- 2) content structure;
- 3) compliance with the text;
- 4) use of expressive language means.

The traditional division into language levels allows us to consider the text of a political cartoon in Arabic and French from the point of view of using the grammatical and lexical means of the languages in question.

The main results of the study are proposed in Tables 1, 2, 3, 4, 5.

Under the analysis of grammatical textual means, we understand the consideration of cases of compliance and violation of inflectional norms, the use of incomplete, complete, complex and complicated sentences, the use of multi-level organization of the text component of a specific cartoon (the presence of an inscription, signature, remarks, monologue, etc.) and punctuation marks, violation of punctuation.

Table 1 / Таблица 1

**Grammatical features of the text of the cartoon in the Arabic language /
Грамматические особенности текста карикатуры на арабском языке**

Nº	Signatures/ inscriptions	Complete sentences (complete thought)	Incomplete sentences	?!	.../...!	!/!!	?	Punctuation and its violation	Colloquial language and dialectisms at the level of morphology
1	1	3	0	1	0/0	1/0	0	skipping full stop (1)	dialect form of the demonstrative adjective ده - هذا dialect spelling of the proper name – Egypt مصر - ماسر
2	1	2	0	0	0/0	0/0	0	skipping full stop (2)	dialect form of pronoun أحنا - نحن
3	1 vowel mark	4	1	0	0/0	0/0	0	skipping full stop (5)	0
4	0	1	0	0	0/1	1/0	0	skipping full stop (1)	dialect form of the noun combined with conjugated pronoun يديك - ايديك
5	3	1	0	0	1/0	0/0	0	0	replacement of the dual number with the plural جزري
6	1	4	2	0	4/0	0/1	0	skipping full stop (1)	dialectal form of negation in front of a noun ليس- مش dialect spelling of a noun حبيبي- هبيبي and a verb حاطط - ما طط
7	6	1	0	0	0/0	0/0	0	skipping full stop (1)	0
8	2 vowel mark	1	2	0	0/0	0/0	0	0	0
9	0	2	0	0	0/0	0/0	0	skipping exclamation mark (1) skipping full stop (1)	0
10	0	0	1	0	0/0	0/0	0	skipping exclamation mark (1)	0
11	2 vowel mark	6	0	0	4/1	0/0	0	skipping full stop (1)	0
12	0	3	0	0	1/0	0/0	0	skipping full stop (1)	dialect spelling of the negative form of the verb لم يتوظف - متوظفش

Continuation of the table 1

№	Signatures/ inscriptions	Complete sentences (complete thought)	Incomplete sentences	?!	.../...!	!/?	?	Punctuation and its violation	Colloquial language and dialectisms at the level of morphology
13	0	2	0	0	0/0	0/0	0	skipping full stop (2)	0
14	2	0	0	0	0/0	0/0	0	0	0
15	0	2	0	0	1/1	0/0	0	0	dialect spelling of a noun مرة — مره
16	4	2	0	0	0/0	0/0	0	skipping exclamation mark (1) skipping full stop (1)	dialect form of a pronoun إنتوا — أنتم and an adverb كفايا — كفاية
17	20 vowel mark	1	0	0	2/0	0/0	0	0	dialect form of a pronoun أحنا — نحن and an adjective فقرا — فقراء
18	2	2	0	0	1/0	1/0	0	0	dialect form of a verb تحيني — بتحيني and an adverb حتى — حتى
19	0	5	1	0	2/0	0/2	0	0	dialect form of a pronoun نتوما — أنتما and a verb أرحل — نرحل
20	2	2	0	0	1/0	0/0	0	skipping full stop (1)	dialect spelling of the negative form of the verb ما — تستغرب لا تستغربش dialect form of the demonstrative adjective ده — هذا dialectal form of negation in front of a noun ليس — مش
21	0	1	0	0	0/0	0/0	0	skipping full stop (1)	dialect spelling of a noun with a demonstrative adjective هذه الأيام — اليومين دول
22	1	2	0	1	1/0	0/0	0	0	dialect form of personal pronoun هو — هو dialect form of a relative adjective الذي — الي
23	0	2	1	0	0/0	0/1	0	skipping full stop (2)	dialect spelling of the negative form of the verb متأخذش — تأخذ لا dialect spelling of the future tense of the verb سوف ألغي — هالغي

End of the table 1

Nº	Signatures/ inscriptions	Complete sentences (complete thought)	Incomplete sentences	?!	.../...!	!/!!	?	Punctuation and its violation	Colloquial language and dialectisms at the level of morphology
24	0	6	0	0	5/0	1/0	0	skipping full stop (1)	0
25	4	0	0	0	0/0	0/0	0	0	0
26	1	0	1	0	0/0	0/0	0	skipping ellipses (1)	0
27	0	2	0	0	2/0	0/0	0	0	0
28	1	2	0	0	2/0	0/0	0	0	0
29	2	0	0	0	0/0	0/0	0	0	0
30	3	0	0	0	0/0	0/0	0	0	0

Table 2 / Таблица 2

Text structure of cartoons in Arabic / Структура текста карикатур на арабском языке

	Monologue	Dialogue	Polylogue	Signature/ no text/author's comment
Arabic cartoon	16	6	1	7
	54%	23%		23%

Thus, at the morphological level of the cartoon in Arabic, the grammatical norms of the classical Arabic language are not observed, we noted numerous facts of the use of morphological dialect forms, for example:

1. future tense of the verb in the Egyptian dialect morphological form هالغى;
2. Egyptian dialect form of the pronoun أحنأ ;
3. Egyptian dialect form of the adjective فقرا and others.

In most cases, violation of the grammar norm is explained by the dialect division of the Arabic language. The Egyptian dialect is spoken and written by authors and potential readers of the cartoon, for example, the tendency to the loss of the dual number and its replacement by the plural: جزري.

Syrian cartoons do not give violations of the grammar of dialect genesis, because the Syrian dialect of the Arabic language is as close as possible to the literary Arabic language.

The grammatical features at the level of the combination of words in the Arabic creolized text of the cartoon have a tendency towards complete sentences (ratio 61:18), where 18 are incomplete sentences. A significant number of cartoons in Arabic are organized as a monologue (ratio 16:7), where 16 are monological cartoons (see Table 2).

The language levels adjacent to the grammar (for example, punctuation) demonstrate deviations from the norm, which can be divided into two groups of phenomena:

- 1) related to the characteristics of the cartoon as a genre;
- 2) violation of etiquette norms.

Violations of textual punctuation norms include a skipping point, the use of a combination of punctuation expressing emotions, for example, ?!, !!, ???, etc. It should be noted that the punctuation of the Arabic language, which is currently not standardized, is not clearly codified in the field of punctuation within a sentence, especially in complex sentences with compound and subordinate conjunctions in which a comma is not placed. For instance:

إنت قارفني ف عيشتي... رغيغ العيش رغيغ العيش!.. بلاش اقولك كل بسكويت عشان قديمة... يا أخي كل كرواسان.. كل باتيه.. كل دانيش يا جاه

In the text fragments of the political cartoon in Arabic, the finished thought is not formed by dots or commas that would indicate the boundaries of a simple or complex sentence. We also noted variations in spelling ellipsis.

All the above linguistic facts/phenomena can be explained by the expressiveness, brevity, dialogic nature of the political cartoon, and its satirical character, i.e. they are qualitative features of a political cartoon as a genre of political discourse.

Grammatical Features of the Text of the Cartoon in the French Language

A similar study was conducted on the material of the French language, the main results of which we presented in table 3.

Table 3 / Таблица 3

Grammatical features of the text of the cartoon in the French language /
Грамматические особенности текста карикатуры на французском языке

№	Signatures/ inscriptions	Complete sentences (complete thought)	Incomplete sentences	?!	.../...!	!/?!	?	Punctuation and its violation	Grammar mistakes	Colloquial language and dialectisms at the level of morphology
31	0	1	0	0	2/0	1/0	0	0	0	0
32	1	1	1	0	0/0	1/0	0	skipping full stop (1)	0	0
33	1	2	0	0	2/0	3/0	0	0	0	colloquial construction <i>mais là</i> ; colloquial construction skipping the first part of the negation <i>j'en peux plus</i>
34	1	1	1	0	1/0	0/0	1 (3)	0	0	0
35	1	0	1	0	0/0	1/0	0	0	0	0
36	2	2	0	0	3/0	0/0	0	0	replacement by the infinitive of the past participle form <i>j'ai accélérer — j'ai accéléré</i>	colloquial form <i>on a hésité</i>
37	1	2	0	0	1/0	0/1	0	0	0	0

Continuation of the table 3

№	Signatures/ inscriptions	Complete sentences (complete thought)	Incomplete sentences	?!	.../...!	!//	?	Punctuation and its violation	Grammar mistakes	Colloquial language and dialectisms at the level of morphology
38	1	3	0	0	0/0	2/0	1	0	0	0
39	3	0	0	0	0/0	0/0	0	0	0	0
40	2	1	0	0	1/0	1/0	0	0	use of the preposition in the place of the full verb <i>Tout le monde à son talon d'Achille — Tout le monde a son talon d'Achille</i>	0
41	1	2	0	0	2/0	2/0	0	0	0	0
42	1	0	0	0	0/0	0/0	0	skipping exclamation mark	0	0
43	5	1	1	0	0/0	0/0	0	0	0	0
44	2	1	1	0	0/0	0/0	0	0	0	0
45	3	0	0	0	2/0	1/0	0	0	0	0
46	1	0	1	0	0/0	1/0	0	0	wrong use of accent aigu instead of accent grave <i>...nous mène... — ...nous mène...</i>	0
47	1	0	0	0	0/0	0/0	0	0	0	0
48	1	1	0	0	1/0	0/0	0	0	0	use of personal pronoun <i>tu</i> with the imperative verb <i>gardes</i>
49	3	1	1	0	1/1	1/0	0	0	0	colloquial use of <i>parémia p'tain de merde</i>
50	1	0	1	0	0/0	1/0	0	0	0	colloquial use of <i>c'est</i> in the middle of the sentence
51	4	0	0	0	0/0	2/1	0	0	0	0
52	0	2	1	0	1/0	0/2	0	0	0	0
53	1	2	0	0	2/0	1/0	1	0	0	colloquial use of the verb <i>bosser</i> instead of <i>travailler</i> ; colloquial form <i>on peut</i>
54	1	0	1	0	0/0	1/0	0	0	0	0
55	0	1	0	0	0/0	0/0	0	0	mistake in spelling of personal pronoun in stressed form <i>Môa — Moi</i>	use of a contracted form of functional words (<i>je</i>) and notional words (<i>je</i>); skipping the verb <i>être</i> ; colloquial form <i>on vote</i>
56	0	0	0	0	0/0	0/0	0	0	0	0
57	1	1	0	0	1/0	1/0	0	0	0	0

End of the table 3

№	Signatures/ inscriptions	Complete sentences (complete thought)	Incomplete sentences	?!	.../...!	!/!!	?	Punctuation and its violation	Grammar mistakes	Colloquial language and dialectisms at the level of morphology
58	2	0	0	0	0/0	0/0	0	0	0	0
59	3	0	0	0	1/0	0/0	0	skipping full stop (1)	skipping accent aigu <i>ausrerité</i> — <i>austérité</i>	0
60	1	1	0	0	1/0	1/0	0	0	0	0

Table 4 / Таблица 4

**Text structure of cartoons in French /
Структура текста карикатур на французском языке**

	Monologue	Dialogue	Polylogue	Signature/ no text/author's comment
French cartoon	15 50%	7	0	8 27%
		23%		

In contrast to the Arabic language in the cartoons studied, in French we fix a number of grammatical errors, which can be interpreted as:

- intentional, decoding of which is simple enough for the reader, for example:
 - grammar mistake — misuse of accent aigu in place of accent grave — *méne*;
 - grammar mistake in writing a personal pronoun in the stressed form — *môa*.

Both errors indicate the low social status of the heroes of the cartoons.

- also intentional, but decoding of which is difficult for the reader:

- grammar mistake: replacing the past participle form *accéléré* by the infinitive *accélérer*. This mistake indicates the low educational level of the official, who, choosing between his own income and the reduction in the number of teachers, chooses the potential deterioration in the situation with education in France;

- grammar mistake: use of the preposition *à* in place of the full verb *avoir* in the 3rd person singular form of the present tense *a*, can be explained as additional attention to the vulnerability of the president due to the homonymous use of the preposition of the direction;

- grammar mistake: skipping accent aigu in the lexical unit *austerité*, can be perceived as an additional touch to tough saving measures (= there wasn't enough paint for accent aigu in the new signboard).

Colloquial constructions, which were recorded in the text of cartoons in French, can also be considered as the deviation from grammar norms:

- construction *mais là* is used as a sign of informal communication between the President of France and the Chancellor of Germany at dinner, where they discuss the problem of the economic crisis in Greece;

- the form *on a hésité* confirms the low educational level of the official;

- excessive use of the personal pronoun *tu* with the verb in the form of the imperative mood *gardes* indicates informal communication between the presidents of the Russian Federation and the USA;

➤ using of *c'est* turnover in the middle of the sentence to increase the impact on the average person in the dialogue;

➤ the use of the contracted form of functional words (*le*) and notional words (*je*), the omission of the verb to be (*c'normal*), the colloquial form (*on vote*) are used as the speech characteristic of the hero of the cartoon — an ordinary Frenchman.

The grammatical features at the level of the combination of words in the French creolized text of the cartoon can be described as the dominance of complete sentences over incomplete ones (ratio 20:10). A significant number of cartoons in French are presented as a monologue (see table 4).

Punctuation variation of French cartoons differs from Arab cartoons — in a French cartoon a signature can be framed by an exclamation mark, but in Arabic it cannot; scarcer are the cases of the use of ellipsis, a combination of exclamation and question marks, duplication of the exclamation mark compared to the cartoon in Arabic.

The Use of Lexical Means in the Text of the Cartoons in the Arabic And French Languages

The choice of lexical and paremiological means of the languages in question is dictated by the need to implement the author's intention. An analysis of the main features of the use of vocabulary of the Arabic and French languages is presented in table 5.

Table 5 / Таблица 5

The use of lexical means in the text of the cartoon in the Arabic and French languages /
Использование лексических средств в тексте карикатуры на арабском и французском языках

Lexical means	Cartoon in Arabic	Cartoon in French
	example	example
polysemic units	معاك بياض	fou soutient
obscene vocabulary	هالغبي امه	bouffon con p'tain de merde, fait chier putain bosser démerdez-vous
barbarisms	مان	stop
paronyms/ quasi-paronyms	قاعدة قعدة	–
slogans	–	Vive la France liberté, égalité, fraternité
political clichés	الإنقلاب سلطة الدولة العميقة اقتصاد متدهور العسكر حكم فقر + فساد + غلاء النظام السوري ارتفاع الدولار ارتفاع فواتير الكهرباء رفع اسعار المواصلات رفع الدعم مراقب عربي	baisser mon salaire, supprimer des postes de profs Hollande allège les charges Vive la France la politique de l'emploi échec économique liberté, égalité, fraternité, austérité, précatité, compétitivité le taux de pauvreté
interjections	الله بقي ايي	euh

End of the table 5

Lexical means	Cartoon in Arabic	Cartoon in French
onomatopoeia	–	piiiouuu, vrrrrr, tac tac tac vroooooom, bla bla bla hop là
paremiae	انا مش راكن القيل برة ولا هاطط طرطور على دماغي فلويس زي الرز من راقب الناس مات	troubler notre repos éternel ralentir mon train de vie garder les clefs du poulailler mettons les points sur les ! talon d'Achille je jeterai ma femme comme une vieille chaussette nous mène droit au mur la bourse ou la vie la langue de bois
religious vocabulary	اقسم بالله والله العظيم اقسم باللال	–
precedent vocabulary	شبر دار دار و زنقة زنقة شب صبح على مصر بجنيه افتح يا سمسم كل بسكويت افتكرني حتي في يوم الخميس السيسي مان	salade Greque Goulag liberté, égalité, fraternité s'il te plaît, dessine-moi un ...

The analysis of the vocabulary of political cartoon on the chosen material allows drawing the following main conclusions.

Firstly, the relatively small amount of the verbal component of the creolized text includes a variety of lexical and paremiological means, presented in Table 5.

Secondly, at the lexical level, it is possible to single out universal features of the use of lexical means and specific linguocultural features.

The communicative task of political caricature contains components of informativeness and minimality of volume, therefore, the author of the text component must express the content quite capaciously and figuratively. This determines a relatively small number of polysemic units in the studied texts.

Here are the examples from cartoons that use the polysemic lexical unit *le fou* and the polysemantic verb *soutenir*:

➤ *Syrie: la solution Poutine*

Tu gardes ton fou et je garde mon roi...

➤ *Présidentielle: Merkel soutient Sarko*

Hop là!

Cartoons in which the polysemantic words معاك and بياض are used can be an example from the Arabic language

The main purpose of choosing a polysemic unit is:

- 1) play on words on a verbal level;
- 2) correlation of one of the lexical-semantic options with the visual series to create a comic effect.

In the texts of the political cartoon considered, we noted a significant use of obscene vocabulary, which is defined by:

- 1) the task of verbal characterization of a cartoon character, for example, the president in anger — *p'tain de merde, fait chier*;
- 2) enhancing the imagery of the text — *bouffon*;
- 3) underlining informality of communication, for example, political leaders — *bosses*;
- 4) by using a more colloquial member of the synonymic series to «simplify» the hero's remark — *con* (âne, ballot, bête, crétin, dinde, imbécile etc.).

The use of neologisms-borrowings in the political cartoon does not contribute to the communicative task of maximizing the understanding of the text by a wide circle of readers, therefore, in the texts under study we noted only two examples of the use of barbarisms: *مان السيسى* (which is also a precedent visual image) and, as it seems to us, a lexical unit — the verb *stopper* — used for brevity.

With a view to attracting the attention of the addressee, the Arabic cartoon uses paronyms *قاعدة* and *قعدة*, the use of the lexical unit 'base' is justified by the iconic component and the political context, the choice of the word 'get-together' is part of a paronymic pair.

The political cartoon, following the political poster, frequently uses slogans, for example: *Vive la France* and *liberté, égalité, fraternité*, political clichés: the total number of uses is 13 (cartoons in French) and 16 (cartoons in Arabic).

The verbal component of the political cartoon contains a significant number of paremiae, which is typical for texts in both languages, for example:

➤ *troubler un repos éternel*

➤ *يا سمسم افتح* — a spell that came from the Arabic tale «Ali Baba and the Forty Thieves».

Dialogue character of the cartoon involves the use of onomatopoeia and interjections in texts; we noted 3 cases of using interjections and 3 cases of onomatopoeia. The main goal is to convey the mood and volume of the text.

Political discourse is not free from the use of religious vocabulary, examples of which we see in Arabic texts: *والله العظيم* and *اقسم بالله*.

The emotional, manipulative, creative functions and the function of cultural memory initiate the use of precedent images and, as a result, precedent vocabulary, for example, GOULAG 'GULAG' and *شبيك لبيك*.

Conclusion

1) A comparative analysis of the Arab and French political cartoons revealed the presence of universal and culturally specific features of the subject of study. The most significant universals of the creolized text of a political cartoons are grammatical and lexical textual means.

2) At the grammatical level in the studied cartoons in Arabic, there are cases of deviation from the norm associated with the genre features of the cartoon, violation of etiquette norms and dialectic phenomena. In French, grammar mistakes in the text of a political cartoon can be characterized as intentional (with subsequent decoding by the addressee) and colloquial.

3) The peculiarity of the use of lexical means in the political cartoons of the languages in question is the use of obscene vocabulary, slogans, political clichés, and paremiae.

4) A distinctive feature of the organization of the text of a political cartoon is a dialogue and a monologue. The volume of the text component of the political cartoon is 1 — 30 words.

5) The specific features of the investigated cartoons are:

a) the Arabic cartoon is characterized by: use of signatures on the objects and attributes of the political leader; frequency use of supra-regional symbolism; female images are used in the meaning of homeland/revolution/mother; the use of religious and dialect vocabulary and the tendency to use full sentences;

b) the French cartoon is characterized by: font-frequency variation; the use of civilizational phenomena and world symbols; female images are used in the meaning of a strong woman/partner/politician; the use of obscene vocabulary for the speech characteristics of cartoon characters; preferential choice of a monologue in a cartoon; dominance of full sentences over incomplete ones.

References

1. Bart, R. (1989). *Selected Works. Semiotics. Poetics*. Moscow. (In Russ.).
2. Bakhtin, M.M. (1996). *From archival records to the "Problem of Speech Genres"*. Moscow: Russ.kie slovari. pp. 159—207. (In Russ.).
3. Eco, U. (1998). *The missing structure*. St. Petersburg: Petropolis4. (In Russ.).
4. Lotman, Yu.M. (1999). Text as a meaning-generating device In *Inside the thinking worlds. Man — Text — Semiosphere — History*. Moscow: Languages of Russian Culture. pp. 11—163.
5. Stepanov, Yu.S. (1971). *Semiotics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Sternin, I.A. (2004). Cognitive interpretation in linguistic-cognitive research. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 65—69. (In Russ.).
7. Vezhbitska, A. (1996). *Language. The culture. Cognition*. Moscow: Russ.kie slovari. (In Russ.).
8. Anisimova, E.E. (2003). *Linguistics of the text and intercultural communication (based on creolized texts)*. Moscow: Academia. (In Russ.).
9. Bernatskaya, A.A. (2000). To the problem of "creolization" of the text: history and current state. *Speech communication*, 3 (11), 104—110. (In Russ.).
10. Matulevich, T.G. (2017). The creolized announcement on The Economist magazine cover. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 383—846. (In Russ.).
11. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). Creolized texts and their communicative function In *Optimization of speech exposure*. Moscow. pp. 180—186. (In Russ.).
12. Voroshilova, M.B. (2007). Creole Text: Aspects of Learning. *Political Linguistics*, 21 (1), 75—80. (In Russ.).
13. Reem, A.L. & Sharifah, N.H.A. (2019). A Cross-Cultural Study of Persuasive Strategies in Relationship Advice Articles in Women's Magazines. *Journal of Language Studies*, 19 (2), 15—32.
14. Maslova, V.A. (2008). Political discourse: language games or word games? *Political linguistics*, 24 (1), 43—48. (In Russ.).
15. Selivanova, E.A. (2002). *Fundamentals of the linguistic theory of text and communication: Monographic textbook*. Kiev: TSUL, Phytosociocenter. (In Russ.).
16. Shakhovskiy, V.I., Sorokin, Yu.A. & Tomasheva, I.V. (1998). *The text and its cognitive-emotive metamorphoses (intercultural understanding and linguoecology)*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).

17. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990). *Language and culture. Linguistic studies in the teaching of Russian as a foreign language*. Moscow: "Russ.kij jazyk". (In Russ.).

Библиографический список

1. *Барт П.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Бахтин М.М.* Из архивных записей к "Проблеме речевых жанров". М.: Русские словари, 1996. С. 159—207.
3. *Эко У.* Отсутствующая структура. СПб: Петрополис, 1998.
4. *Лотман Ю.М.* Текст как смыслопорождающее устройство // *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 11—163.
5. *Степанов Ю.С.* Семиотика. М.: Наука, 1971.
6. *Стернин И.А.* Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. no 1. С. 65—69.
7. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996.
8. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003.
9. *Бернацкая А.А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // *Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; под редакцией А.П. Сковородникова*. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000. С. 104—110.
10. *Матулевич Т.Г.* Креолизованный анонс на обложке журнала *The Economist* // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. no 4. С. 383—846.
11. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. М., 1990. С. 180—186.
12. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // *Политическая лингвистика*. 2007. no 21 (1). С. 75—80.
13. *Reem A.L., Sharifah N.H.A.* (2019). A Cross-Cultural Study of Persuasive Strategies in Relationship Advice Articles in Women's Magazines. *Journal of Language Studies*, 19 (2), 15—32.
14. *Маслова В.А.* Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // *Политическая лингвистика*. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008. С. 43—48.
15. *Селиванова Е.А.* Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. Киев: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002.
16. *Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В.* Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998.
17. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: «Русский язык», 1990.

Information about the author:

Natalia M. Dugalich, PhD in Philology, associate professor of the Department of Foreign Languages of the Philological Faculty of the Peoples' Friendship University of Russia; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru.

Информация об авторе:

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-496-516

УДК: 811.161.1'373

Научная статья / Research article

Фразеологический минимум русского языка: реальность и перспективы

Е.В. Ганапольская

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 195251
eganapolskaya@mail.ru

Статья посвящена актуальной на сегодняшний момент проблеме создания фразеологического минимума русского языка. Тема лексических (в том числе и фразеологических) минимумов является одной из самых старых и при этом самых обсуждаемых проблем как в лингвистике, так и в методике преподавания иностранных языков. Изучение темы идет в двух основных направлениях: поиска ядра лексической (фразеологической) системы и создания минимумов для изучения иностранных языков. В качестве основного метода в работе использовался метод аналитико-синтетической переработки информации и статистический метод. Материалом для исследования послужили как научные источники, так и непосредственно языковой материал, отобранный из лексикографических источников, Национального корпуса русского языка, учебников и текстов современной российской криминальной прозы. В статье дан краткий обзор основных лексических, фразеологических и паремиологических минимумов русского языка, проанализированы основные принципы их создания и предложен свой путь решения проблемы. Уточняются некоторые принципы отбора единиц для минимума. Особое внимание уделено проблеме создания фразеологического минимума для обучения иностранных учащихся русскому языку. Существующие в настоящий момент минимумы созданы преимущественно на основе методологических принципов, так как лингвистические принципы, по мнению авторов лексико-фразеологических минимумов по русскому языку как иностранному, недостаточно разработаны. Предлагается для начала создать фразеологический минимум среднего носителя языка на базе исследования материалов словарей и последовательной обработки закрытых корпусов текстов разной тематики. Такая работа была начата автором на материале текстов современной российской криминальной прозы при написании «Фразеологического словаря современного российского детектива» и будет продолжена.

Ключевые слова: фразеологический минимум русского языка, принципы отбора, средний носитель языка, частотность, словарь российского детектива, русский язык как иностранный

История статьи:

Дата поступления: 20.05.2020

Дата приема в печать: 30.05.2020

Для цитирования:

Ганапольская Е.В. Фразеологический минимум русского языка: реальность и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 496—516. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-496-516

© Ганапольская Е.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK: 811.161.1'373

Russian Phraseological Minimum: Reality and Prospects

E.V. Ganapolskaya

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29, Polytechnic Street, St. Petersburg, Russian Federation, 195251
eganapolskaya@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the current problem of creating a Russian language phraseological minimum. The topic of lexical (including phraseological) minimums is one of the oldest and most discussed problems both in linguistics and in the methodology of foreign languages teaching. The study of the subject goes in two main directions: searching for the core of the lexical (phraseological) system and creating minimums for learning foreign languages. The main method used in this work is the method of analytical and synthetic processing of information and the statistical method. Both scientific sources and language material are selected from lexicographic sources, Russian National Corpus, textbooks and texts of modern Russian criminal prose which served as the material for the research. The article provides a brief overview of the main lexical, phraseological and paremiological minimums of Russian language, analyzes the basic principles of their creation and offers a way to solve the problem. Some principles of selecting units for the minimum are clarified. Special attention is paid to the problem of creating a phraseological minimum for teaching Russian to foreign students. The current minimums are created mainly on the basis of methodological principles, since the linguistic principles, as the authors of minimums for foreign students write, are not sufficiently developed. It is proposed to start by creating a phraseological minimum of the average native speaker on the basis of research of dictionary materials and sequential processing of a list of texts on certain topics. This work was started by the author on the material of texts of modern Russian criminal prose when writing the “Phraseological dictionary of modern Russian detective” and will be continued.

Key words: Russian phraseological minimum, principle of selection, average native speaker, frequency, dictionary of Russian detective, Russian as a foreign language

Article history:

Received: 20.05.2020

Accepted: 30.05.2020

For citation:

Ganapolskaya, E.V. (2020). Russian Phraseological Minimum: Reality and Prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 496—516. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-496-516

Введение

Выбирая тему для статьи, мы решили обратиться к проблеме фразеологического минимума, которая привлекла наше внимание при изучении фразеологического состава современной российской криминальной прозы и составлении «Фразеологического словаря современного русского детектива» (СПб.: Златоуст, 2015—2016) [1]. Работая над словарем, мы в какой-то момент отчетливо осознали, что делаем сплошную выборку фразеологизмов из текстов, созданных для среднего носителя языка старшего школьного возраста и выше безотносительно к его полу, профессии, уровню образования и т.п.; мы выбирали фразеологию, которую знают сейчас все. С этой минуты про-

цесс поиска фразеологических инноваций, что было изначальной целью, дополнился, с одной стороны, проверкой этих инноваций на их «включенность» в разного рода толковые и фразеологические словари, а с другой, текстовой проверкой словника фразеологических словарей на общеупотребительность и общеизвестность, т.е. превратился в поэтапный отбор материала для определения фразеологического минимума среднего носителя языка. К сожалению, эту работу по проверке текстом фразеологизмов не удалось завершить к первому изданию словаря в силу того, что ее объем оказался значительно выше ожидаемого. Более того, ее пришлось минимизировать. Параллельное изучение опыта создания лексических и фразеологических минимумов (ЛМ и ФМ) и научных работ, посвященных этой тематике, выявило множество дополнительных аспектов, которые изначально были вне зоны нашего внимания. Каждое новое исследование приносило некое новое видение проблемы, и в конечном итоге стало казаться, что поиск фразеологического минимума есть сама по себе история почти детективная, каждый шаг лишь немного приоткрывает завесу тайны, и чем дальше, тем больше хочется узнать, чем же все это закончится.

Проблема отбора лексического, в том числе и фразеологического, минимума при ближайшем рассмотрении оказалась одной из самых старых и при этом самых обсуждаемых проблем как в лингвистике, так и в методике преподавания иностранных языков.

Несмотря на то что в настоящее время лексические минимумы созданы для всех уровней изучения русского языка, эта тема не только не потеряла своей актуальности, но и становится все более и более популярной, о чем свидетельствуют и научные публикации последних лет [2; 3; 4; 5; 6; 8 и др.], и сравнение словариков учебников и учебных пособий по РКИ, изданных в последние годы в России и за рубежом, и активное обсуждение этой темы в различных профессиональных сообществах в социальных сетях.

Что касается фразеологических минимумов, и в частности фразеологического минимума русского языка, то эта тема фактически остается открытой. Как теоретические исследования, так и фразеографические труды, созданные с целью решить эту задачу, пока немногочисленны. В силу того что фразеология понимается многими исследователями широко, работы по этой тематике разделились на несколько больших подгрупп: а) собственно фразеологическому минимуму [9; 10; 11], б) паремиологическому минимуму [12; 13; 3. С. 52—60; 15; 16 и др.], в) фразеологическому минимуму, включающему собственно фразеологизмы и паремии [2; 3], г) крылатике [17. С. 259—265].

Виды лексических и фразеологических минимумов. Принципы отбора единиц для лексических минимумов

К настоящему времени для иностранных языков была сделана попытка создать минимумы нескольких видов, которые можно разделить на подгруппы в зависимости от следующих факторов:

1) какие единицы в них включены: собственно лексический, лексико-фразеологический (включающий также пословицы и разного рода устойчивые сочетания), собственно фразеологический (не включающий пословицы и устойчивые сочетания), паремиологический (пословицы, загадки, приметы и т.п.);

2) цель создания минимума: общего пользования, теоретический, учебный;

3) подход к составлению: с опорой на коммуникативный, статистический и смешанный критерии;

4) источники отбора материала: корпус письменных текстов (собственно тексты, словари, учебники и учебные пособия) или результаты опроса носителей языка;

5) процент покрываемости текстов: какой процент лексики произвольного неспециализированного текста покрывает словник.

Считается, что последние два подхода характерны в основном для зарубежных исследований. Российские минимумы преимущественно созданы с учетом второго (учебные или теоретические) и третьего критериев [8. С. 80].

Существующие учебные минимумы можно разделить на подвиды в зависимости от контингента учащихся, для которых они созданы: взрослые иностранные учащиеся (Лексические минимумы для разных уровней изучения русского языка как иностранного), иностранные школьники [18], российские школьники, обучающиеся в национальной средней школе [19; 20 и др.], школьники общеобразовательной средней школы с преподаванием на русском языке [11], все учащиеся безотносительно к их возрасту [15]. Также учебные минимумы делятся на минимумы для активного и пассивного усвоения. В отличие от зарубежных минимумов лексические минимумы русского языка созданы либо на основе опросов (что чаще), либо на основе уже существующих словарей и учебных пособий [8. С. 86], и поэтому не отражают в полной мере лексики современного русского языка.

Российскими учеными наиболее полно разработаны принципы отбора лексики для учебных минимумов, и в частности русскому языку как иностранному и русскому языку в национальной школе. Эти принципы весьма подробно рассмотрены в диссертации Е.И. Маркиной. Из трех классификаций принципов, предложенных ею, нас интересует две. Первая — это классификация по значению и роли в общей системе принципов отбора лексики, вторая — по методологическим подходам, лежащим в основании каждого принципа. Согласно первой классификации выделяются основные принципы (лингвистические), позволяющие сделать первичный отбор лексем, и дополнительные принципы (лингвистические и методические), необходимые для корректировки словника. К основным относятся *статистический* и *тематический* принципы. Дополнительные принципы делятся на пополняющие словник (фр. *disponibilité* (англ. *availability*), т.е. «*присутствие в сознании*», *строевая способность* (включение в минимум строевых слов и слов, являющихся компонентами фразеологических сочетаний), *учет связи лекси-*

ки с грамматикой) и исключают лексемы из словаря (*стилистическая неограниченность, учет возраста учащихся, учет родного языка учащихся*). Некоторые из принципов могут выступать и как дополняющие, и как исключительные (*семантическая ценность, сочетаемость, словообразовательная ценность*) [6. С. 87—89]. Вторая классификация (по методологическим подходам) как бы накладывается на первую, позволяя отнести основные и дополнительные принципы к *лингвистическим, методологическим* или *философско-психологическим*.

Для нашей работы интересным представляется также детальное описание двух принципов в рамках философско-психологического подхода. Во-первых, это принцип «присутствия в сознании», предложенный французским лингвистом Р. Мишеа в 50-е гг. XX века, когда в лексический минимум включают слова, которые вне зависимости от общей частотности употребления появляются в сознании каждый раз, когда этого требует та или иная ситуация общения. Соответственно, в минимум включаются слова, связанные с определенными темами и ситуациями. Во-вторых, это принцип *практической необходимости слова* (Н.З. Бакеева), на основании которого отбирают слова, необходимые учащимся в практической жизни и в быту [6. С. 91, 94].

Фразеологические минимумы русского языка

Существующие на данный момент фразеологические минимумы русского языка наиболее четко подразделяются по двум основаниям: по *составу входящих в них единиц* и *цели* создания минимума (и его адресата). Остальные критерии являются второстепенными. Сразу оговоримся, что мы рассматриваем в данном случае фразеологию широко, включая в нее не только пословицы, но и разного рода фразеологические сочетания и ряд устойчивых выражений, поэтому и минимумы, о которых пойдет речь, будут сильно различаться по составу входящих в них единиц.

Все известные нам фразеологические минимумы русского языка в той или иной степени созданы для учебных целей.

Фразеологический минимум для русской средней школы [11]. Это учебный минимум, состоящий из 1500 фразеологизмов (сращения и единства) с опорой на принципы коммуникативной ценности и употребительности (частотность). Источник материала — закрытый корпус художественных текстов, включенных в школьную программу по литературе. Данный минимум является приложением к диссертационному исследованию и практически неизвестен. Сама постановка вопроса представляется интересной и практически ценной, так как ограничивает источник отбора фразеологизмов для минимума кругом обязательного чтения учащихся, а это значит, что значительная часть этого словаря через некоторое время войдет в минимум среднего носителя языка.

Различные лексические и лексико-фразеологические минимумы для национальной средней школы [например, 19], а также *фразеологический минимум для национальной школы* [20]. Последний на данный момент представляет собой единственный фразеологический минимум русского языка. На его основе создано несколько учебных фразеологических словарей, наиболее известным из которых является «Учебный фразеологический словарь» Е.А. Быстровой, П.А. Окуновой, Н.М. Шанского (М., 1984) [21]. Состав словника — 800 единиц, отобранных из типовых программ по русскому языку для национальной средней школы, произведений художественной литературы, изучаемых в средней школе, общественно-политической литературы, детской и юношеской периодической печати [21. С. 6]. Несмотря на то что данные словники частично устарели в связи с изменениями в школьной программе, они также тесно связаны с минимумом среднего носителя языка, но другой возрастной группы (люди старше 40 лет).

Паремиологический минимум Г.Л. Пермякова, включающий пословицы, загадки, приметы и т.п., выделенный как минимум общего пользования с опорой на статистический критерий (метод опроса). Источник — устная речь жителей Москвы и Московской области. Изначально, в 1971—1972 гг., по результатам массового паремиологического эксперимента был составлен список из тысячи наиболее употребительных народных изречений (пословиц, поговорок, афоризмов, присловий, загадок, пожеланий и других устойчивых языковых формул). Затем был выделен «паремиологический фонд» (500 единиц), куда вошли наиболее употребительные единицы языка [15. С. 154—166], а затем на основе его составлен «паремиологический минимум» (300 единиц), куда вошел минимальный состав паремий, известный говорящему [22]. Этот минимум рассматривается исследователями одновременно с точки зрения лингвистики и методики как минимум, который, вероятно, составляет (или входит в) ядро паремиологической подсистемы русского языка и может послужить основой для изучения русской паремиологии иностранцами. До сих пор он является одним из самых известных и обсуждаемых минимумов в среде фразеологов, прежде всего из-за вопроса о степени совпадения состава словника и ядра паремиологической системы русского языка¹.

Лексико-фразеологические минимумы 2 и 3-го уровней изучения русского языка, разработанные в рамках единой системы тестирования по русскому языку. Созданы как учебные минимумы с опорой на смешанный критерий: ведущими являются коммуникативный, статистический и тематический критерии, а также возраст учащихся. Источниками являются «существую-

¹ Существует также Паремиологический минимум Е.Е. Иванова (109 единиц), пока не получивший широкой известности. Он отобран по принципу употребительности паремий (метод опроса) из основного паремиологического фонда русского языка. Как видим, разница между списком Пермякова и списком Иванова в том, что для первого источником материала послужила устная речь, а для 2-го — собрания паремий и тексты разных временных периодов.

щие словари и учебные пособия, хотя иногда также используют частотные списки слов» [8. С. 86].

Если говорить о фразеологии в составе этих минимумов, то их авторы полагают, что научный отбор ее для лексических минимумов по РКИ пока не производился: «...задача системного формирования поуровневых фразеологических минимумов разработчиками системы тестирования только начинает рассматриваться» [3. С. 14]. Причинами такой ситуации методисты называют отсутствие четких принципов отбора фразеологии для минимумов. Например, принцип частотности использовать невозможно, так как «серьезного анализа частотности употребления фразеологизмов не проводилось». То же касается и коммуникативной ценности, так как, «к сожалению, данный критерий пока не разработан и не исследован». Кроме того, указывают, что отбор фразеологических единиц для минимумов прежде всего традиционно увязывают с задачей формирования с их помощью лингвокультурологической компетенции [2. С. 651], т.е. фактически добавляют *лингвокультурологический принцип* к перечню имеющихся.

По словам одного из авторов-разработчиков и ответственного редактора лексических минимумов по РКИ Н.П. Андриюшиной, в Лексический минимум второго уровня (ЛМ₂) [23] введен перечень устойчивых словосочетаний из 145 единиц, в который входят не только собственно фразеологизмы, но и пословицы и поговорки (к сожалению, автор не уточняет, как он понимает термин «поговорка»). Также указывается, что по результатам тестирования разработчикам ЛМ₂ стало ясно, что этот список следует увеличить до 300 единиц, что и было сделано, и что завершается работа по составлению аналогичного приложения Лексического минимума третьего уровня (ЛМ₃) [24]. «На сей раз содержание приложения определялось в том числе и по результатам опроса почти 20 респондентов с филологическим образованием (идея принадлежит Н.М. Шанскому, реализовавшему ее около 40 лет назад) и будет иметь объем 600—700 единиц» [3. С. 15].

В настоящий момент ЛМ₂ существует в редакции 2014 г. и содержит 147 фразеологизмов. ЛМ₃ был издан в 2018 г. и содержит 647 фразеологизмов, включая пословицы.

Прокомментируем фразеологическую часть этих минимумов более подробно, так как именно они сейчас находятся в центре внимания. В состав обоих минимумов вошли фразеологизмы со структурой словосочетания (фразеологические сращения, единства и сочетания, устойчивые сравнения) и предложения (пословицы и поговорки). Судя по научным публикациям, посвященным фразеологической части словника (см. выше), основным (если не единственным) лингвистическим критерием для отбора этих минимумов послужила употребительность (частотность). Методика определения степени употребительности фразеологизмов до конца не ясна. Упоминается лишь опрос 20 респондентов-филологов, что, на наш взгляд, не может дать сколько-либо объективного результата.

В качестве подтверждения приведем результаты небольшого статистического исследования употребления фразеологизмов на букву «А» (65 единиц) из Фразеологического словаря под ред. А.И. Молоткова [25] в тексте современного российского детектива. Проверка методом сплошной выборки по тексту российских детективов (221 произведение 77 авторов) дала следующие результаты. В текстах детектива совсем не представлены (0 употреблений) 36 фразеологизмов: *братъ/ взять на бордаж (кого, что), абсолютный ноль, с первого абцуга, по первому абцугу, авгиевы конюшни, авось да небось <да как-нибудь>, ад кромешный на душе [на сердце], в костюме Адама, от Адама, адмиральский час, ни аза <в глаза>, от аза до ижицы, на аккорд, акридами питаться, аллах знает, алмазная свадьба, ни алтына <за душой>, от альфы до омеги, открыть Америку, андроны едут, аннибалова клятва, антик с звездикой, вкушать от пищи святого Антония, сидеть на пище святого Антония, (разбирается) как свинья в апельсинах, как в аптеке, аредовы веки (жить), ариаднина нить, аркадская идиллия, мерить на аршин (какой, кого, что), мерить на один аршин (кого, что), видеть на три аршина в землю, видеть на три аршина под землей, накалять/ накалить атмосферу, увы и ах, не ахти сколько.*

Единожды встречается 10 фразеологизмов: *административный восторг, с азов, заключительный аккорд, акции повышаются [поднимаются]/ повысились [поднялись] (кого, чего, чьи), аллах <его> знает, одному аллаху известно, заправлять арапа, на арапа, сдавать/ сдать в архив, аттическая соль.*

Дважды встречаются 8 фразеологизмов: *делать авансы кому, акции упали (кого, чего, чьи), вламываться в амбицию, разводить антимионы, братъ/ взять на арапа, мерить (мерять) на свой аршин (кого, что, ахиллеса пята, не ахти как.*

Таким образом 54 фразеологизма из 65 употребляются в тексте детектива от 0 до 2 раз. Оставшиеся 11 единиц распределились по частотности употребления следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Общее количество фразеологизмов	Фразеологизмы	Количество употреблений в тексте
6	<i>по адресу (кого, чьему), альфа и омега, тяжёлая артиллерия (5 раз), на авось, как [будто, словно] аршин проглотил (6) ад кромешный (7).</i>	5—10 раз
3	<i>нести ахинею (12), не ахти какой (14), в ажуре (18)</i>	11—20 раз
1	<i>не по адресу (21)</i>	21—30 раз
1	<i>в адрес (кого, чей)</i>	184 раза

Ни одна из перечисленных выше фразеологических единиц не представлена в ЛМ₃.

Для сравнения частотности употребления фразеологизмов, включенных в этот лексический минимум, мы проверили первые 10 единиц на букву «Б». Оговоримся сразу, что этот список отличается от словника фразеологического словаря, так как в последнем фразеологизмы расположены по ядерным компонентам. Результаты оказались следующими. Нет ни одной единицы с частотностью менее 4 употреблений.

Менее 5 раз употребляется один фразеологизм *без году неделя* (4). Оставшиеся единицы распределились по частотности употребления следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Общее количество фразеологизмов	Фразеологизмы	Количество употреблений в тексте
4	<i>без царя в голове</i> (5), <i>без задних ног</i> (9), <i>без пяти минут (кто)</i> (9)	5—10 раз
3	<i>бабье лето</i> (13), <i>белая ворона</i> (15), <i>без ума</i> (17)	11—20 раз
1	<i>без лишних слов</i> (25)	21—30 раз
1	устойчивое выражение <i>безвыходное положение</i> (36)	31—40 раз
1	<i>без конца</i>	83 раза

Как видим, фразеологизмы, употребляющиеся в текстах детектива более пяти раз, распределились по частотности примерно одинаково. Мы не можем сказать, что фразеологизмы из списка «А» менее частотны, нежели фразеологизмы из списка «Б». Так почему же ни один фразеологизм из первого списка не попал в лексический минимум? Ответ может быть только один. Частотность употребления единиц проверялась на ограниченном материале и не проверялась сплошной выборкой из текстового материала (нет опоры на принцип покрываемости текстов).

Для получения более объективной картины и чтобы избежать тематических ограничений на отбор фразеологии, который, безусловно, существует при работе с текстами криминальной прозы, есть прямой смысл провести еще две проверки: с помощью Национального корпуса русского языка, задав временной интервал с середины прошлого века (1950 г.) по настоящее время (2020 г.), и непосредственно в сети Интернет.

Как показывает практика, проверка в сети Интернет является одним из простейших и наиболее действенных способов проверки особенностей функционирования фразеологизмов в современном русском языке. При этом не стоит опасаться, что произойдет перекося в сторону собственно сетевой коммуникации (употребления фразеологизмов в разного рода чатах, на форумах и т.п.). Современное пространство Интернета как раз примечательно тем, что наполнено текстами самых разных стилей и жанров и в целом отражает круг интересов среднего носителя языка.

Мы провели в Национальном корпусе (НК) русского языка и в сети Интернет проверку фразеологизмов, частотность употребления которых в тексте криминальной прозы составила более 10 единиц: на букву «А» — из Словаря Молоткова (ФСРЯ—1994), на букву «Б» — из ЛМЗ. Результат представлен в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

А (ФСРЯ–1994)				Б (ЛМЗ)			
Количество употреблений				Количество употреблений			
	ДТ	НК	Яндекс ²		ДТ	НК	Яндекс
нести ахиною	12	19	24 тыс.	бабье лето	13	128	610 тыс.
не ахти какой	14	130	6 тыс.	белая ворона	15	213	230 тыс.
в ажуре	18	62	7 тыс.	без ума	17	273	596 тыс.
не по адресу	21	104	2 тыс.	без лишних слов	25	159	6 тыс.
				безвыходное положение	36	230	25 тыс.
в адрес кого, чей	184	1930 ³	4 млн	без конца	83	1918	686 тыс.

Как видим, частотность употребления фразеологизмов в текстах определенной тематики (детектив) отличается от их употребления в тематически не ограниченном корпусе текстов. А это значит, что при отборе фразеологии для минимума следует руководствоваться и *тематическим принципом*, включая в корпус для отбора фразеологии тексты той тематики, которые перечислены в Требованиях к каждому уровню изучения языка.

При анализе ЛМ остается также не совсем ясным, каким образом и по какому принципу определялся количественный состав словника, а также какие материалы послужили его источником. Считается, что «при расчете объема ЛМ русского языка наряду с целью и этапом обучения учитывается посильность усвоения учащимися данного количества лексических единиц в отведенное время и его достаточность для осуществления речевых интенций, определяемых Стандартом (требованиями) соответствующего уровня владения языком, принятыми в России» [7. С. 81].

Однако на данный момент нет исследований, посвященных проблеме количественного усвоения фразеологии за одно занятие: «Составители ЛМ, определяя количественный объем словаря-минимума, опираются прежде всего на исследования и материалы экспериментальной проверки, в которых

² Статистика по данным Интернета (от 16.05.2020) является неточной, так как мы не проверяли, какой процент употреблений данных выражений составляют собственно фразеологизмы. Тем не менее сопоставление общих цифр является достаточно показательным.

³ Данная цифра является приблизительной: на самом деле она несколько меньше. Мы проверили первые 50 примеров на наличие в них оборота «в адрес» во фразеологическом значении. Только трижды это выражение было употреблено в своем прямом значении.

определено оптимальное количество слов, доступных усвоению учащимися за один урок. Такого рода исследования по усвоению фразеологических единиц пока не проводились» [11. С. 37].

Количество единиц для усвоения, предлагаемые в ЛМ₂ и ЛМ₃, заставляет предположить, что оно рассчитано с помощью лексикографического критерия, согласно которому на 10—15 лексем, как полагают лексикографы, приходится одна фразеологическая единица [11. С. 38]. В этом случае при лексическом минимуме в 5100 единиц (В₂) нижний количественный порог фразеологизмов должен составлять около 320 единиц, а при минимуме в 11000 единиц (С₁) — около 680 единиц. Однако вызывает сомнение, что при существующем подходе к изучению фразеологии учащиеся нефилологического профиля смогут усвоить вдвое больше фразеологизмов (300 единиц вместо 145 для предыдущего издания ЛМ₂) к концу уровня В₂.

Согласно Стандарту ТРКИ-2 [26] для учащихся нефилологических специальностей на переход от уровня В₁ к В₂ выделено 380 уч.ч. для общего владения русским языком и 340 уч.ч. для овладения профессиональным модулем. Простейшие подсчеты дают нам цифру в 0,7 изученных фразеологизмов за 45 мин., т.е. 3 фразеологизма за 4 уч.ч. (две пары).

Отсутствует и ясность по вопросу, насколько предлагаемые к изучению на уровне В₂ 300 фразеологических единиц включены в существующие учебники и учебные пособия: Н.В. Андрияшина в своей статье не ссылается ни на одно из существующих изданий [3]. Соответственно, возникает вопрос, какой процент фразеологизмов из нового списка потребует дополнительной работы (сверх учебника) и, соответственно, дополнительного учебного времени.

Смущает и количество единиц, подлежащих усвоению при переходе от уровня В₂ к С₁. Как уже говорилось выше, в ЛМ₃ представлено 647 единиц: 580 фразеологических единиц и 67 пословиц. Часть из них была включена в ЛМ₂. Если предположить, что 300 фразеологизмов студенты в скором времени должны будут изучать на уровне В₂, то на уровне С₁ за 280 уч.ч. должно быть усвоено 347 единиц, т.е. примерно 1,2 фразеологизма в час. При этом даже поверхностное знакомство с существующими учебными пособиями показывает, что этот количественный критерий не соблюдается, а их разнообразие свидетельствует о том, что набор фразеологизмов в них вряд ли совпадает. Так, из 24 фразеологизмов уроков 1—4 учебника «Окно в Россию-1» (СПб.: Златоуст, 2009) [27] только семь (*принимать что-л. близко к сердцу, отвечать головой, Всему свое время, не оставаться/ не остаться в долгу, в курсе (быть), хоть бы что (кому?), Чем богаты, тем и рады*) входит в ЛМ₃. Этот учебный курс рассчитан на 120 ч., в каждом из 8 уроков изучается примерно по 5 фразеологизмов, т.е. 1 фразеологизм за 3 уч.часа, т.е. скорость усвоения материала втрое меньше требующейся.

Составителями ЛМ₂ и ЛМ₃ также задекларирован *лингвокультурологический принцип* при отборе фразеологии, однако на практике он явно не приме-

няся, иначе из словника ЛМ₃ не бы выпали частотные и культурологически значимые *на авось, альфа и омега и как [будто, словно] аршин проглотил*.

Что касается источников ЛМ₂ и ЛМ₃, то в различных публикациях указывается, что «источниками для лексических минимумов русского языка служат словари (преимущественно частотные, толковые и переводные), ранее созданные ЛМ, лексика учебников русского языка и книг для чтения» [7. С. 81], однако полный список источников не приводится, что заставляет сомневаться в наличии определенного корпуса текстов для отбора материала.

Отдельно хотелось бы прокомментировать пословицы, включенные в ЛМ₂ (11 единиц): *Век живи — век учись. Лучшие один раз увидеть, чем сто раз услышать. Лучшие поздно, чем никогда. На вкус и цвет товарища нет. Нет худа без добра. О вкусах не спорят. От добра добра не ищут. Семеро одного не ждут. Сердцу не прикажешь. Сытый голодного не понимает. Язык до Киева доведет*. Принципы отбора пословиц разработчиками минимумов не указываются. Единственно, что можно сказать однозначно, что источником этого минимума не является паремиологический минимум Г.Л. Пермякова: одна из пословиц (*Лучшие один раз увидеть, чем сто раз услышать*) не входит в словник Пермякова, а другая дана в непривычной для современного русского дискурса форме (*Сытый голодного не понимает* вместо общеизвестного и включенного в словари *Сытый голодного не понимает* ([15; 28]). Нетипичная форма этой пословицы в ЛМ₂ свидетельствует и о том, что авторы-разработчики минимума вряд ли обращались и к лучшему с учебной точки зрения на сегодняшний день «Словарю русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова (М., 1991, 2000) [28], в котором приводились многочисленные контексты употребления пословиц в письменном тексте, а также давалось толкование многих единиц.

Пути решения задачи составления фразеологического минимума

В силу большого объема, сложности фразеологического материала и слабой изученности вопроса в целом разработка фразеологических минимумов может вестись пока только в рамках серии частных исследований. Эти работы могут продолжаться, как и раньше, методом различного рода опросов. Однако более перспективными сейчас представляются исследования фразеологии на материале корпусов текстов (письменных и устных).

Общей задачей нам представляется продуктивным постепенное формирование фразеологического минимума на базе существующих фразеологических словарей с помощью проверки их словариков «на современность». На наш взгляд, следует начать с двух основных толковых фразеологических словарей [25; 29].

Своей частной задачей мы видим проверку употребительности в текстах детективов фразеологизмов из Словарей под ред. А.И. Молоткова [25] и

А.И. Федорова [29], в составе которых есть слова-компоненты фразеологизмов из «Фразеологического словаря современного детектива» [1]. Эта работа была задумана нами как часть словаря, но не была завершена в силу своей трудоемкости. Такой подход позволит нам определить основные зоны фразеологической активности и, возможно, использовать *структурный принцип* для создания ФМ среднего носителя русского языка.

Что мы имеем в виду? При составлении «Фразеологического словаря современного детектива» (словарь составлялся методом сплошной выборки инноваций из произведений российской криминальной прозы) был сформирован перечень гнездовых слов-компонентов фразеологизмов и пословиц, вошедших в основной корпус словаря. Планировалось также составление списка фразеологизмов из Словарей под ред. А.И. Молоткова и А.И. Федорова, имеющих в своем составе слова-компоненты из перечня гнездовых слов, и размещение их в приложении.

На сегодняшний день такой список составлен по Словарю под ред. А.И. Молоткова. В него вошло 436 единиц. В процессе составления списка был выявлен ряд моментов: 1) не все ФЕ из Словаря под ред. А.И. Молоткова, объединенные одним компонентом, употребляются в тексте ДТ; 2) ФЕ из этого словаря употребляются в текстах не во всех своих значениях, хотя не обязательно только в одном значении; 3) Сочетаемость и значение ряда оборотов изменились; 4) ФЕ употребляются в тексте ДТ в одном или двух из своих вариантов; 5) стилистические характеристики ФЕ могут отличаться от тех, которые даны в Словаре под ред. А.И. Молоткова; 6) частотность употребления ФЕ из Словаря под ред. А.И. Молоткова в тексте детектива в целом не выше частотности употребления в нем инноваций.

Все перечисленное свидетельствует о том, что фразеологические гнезда (ФГ) с данным ядерным компонентом попали в зону фразеологической активности и относятся к «живой» фразеологии. При составлении ФМ можно использовать структурный принцип, отбирая из словарей в минимум фразеологизмы и пословицы с теми ядерными компонентами, которые входят и в состав инноваций, и в лексическую часть словника соответствующего ЛМ. Этот дополнительный принцип, с одной стороны, позволит исключить из минимума ФЕ, ни один из компонентов которых не входит в лексический минимум соответствующего уровня. С другой стороны, он даст возможность дополнить перечень единиц ФМ теми, которые входят в продуктивные и активно развивающиеся ФГ.

Принципы отбора единиц для фразеологического минимума

Неоднородность состава фразеологии в ее широком понимании приводит к тому, что принципы отбора единиц для минимума существенно различаются. В целом они делятся на два больших блока в зависимости от единиц, отбираемых для минимума.

I. Собственно фразеологический минимум.

Принципы отбора фразеологических сочетаний, то есть словосочетаний, в которых одно слово обладает минимальной или единичной сочетаемостью, подробно изложены в предисловии И.В. Рахманова к «Словарю наиболее употребительных слов английского языка» [30]. Неудивительно, что они схожи с принципами отбора ЛМ. Учитывалась семантика словосочетаний и «их соответствие выбранной тематике» (тематический принцип), их «нейтральная окраска» (стилистическая неограниченность, т.е. употребительность в письменной и разговорной речи, а также отсутствие территориальных ограничений), сочетаемость (обороты, которые могут включать определения, дополнения), «способность служить образцом для других единиц» (обороты, образованные по одной модели), невозможность дословного перевода на родной язык учащихся, употребительность, отсутствие лексических эквивалентов, исключение синонимов [30. С. 30—32].

Также Рахманов, говоря о минимуме в целом, упоминает, что он содержит 75% слов любого неспециализированного текста средней трудности [30. С. 21], т.е. фактически в данном случае речь идет о принципе «покрываемости текстов», хотя данный термин в его работе не используется и о таком принципе речь не идет.

Аналогичных принципов при отборе фразеологизмов (куда вошли сращения, единства, сочетания, модальные, междометные, связочные фразеологизмы), судя по всему, придерживалась и Е.А. Быстрова при создании ФМ русского языка для национальной средней школы. В диссертации Ю.А. Максяшиной, которая следует за Е.А. Быстровой в принципах отбора единиц для ФМ, перечислены *коммуникативная ценность* (отсутствие у фразеологизма лексического эквивалента и далее «в плане соотношения с минимумом *тем и ситуации*»⁴ [11. С. 40]), *употребительность* (т.е. частотность употребления в тексте); *нормативность* (принадлежность к литературному языку; требование нейтральной стилистической окраски, характерное для отбора лексики, отсутствует), *сочетаемость* (определяемая на основе анализа синтагматических связей ФЕ), *исключение синонимов*, критерии *нейтральности* и *учета лексического минимума* (предпочтение отдается ФЕ, компоненты которых входят в ЛМ). Основными принципами, в отличие от принципов отбора единиц для ЛМ, считаются коммуникативная ценность и употребительность (частотность) [11. С. 39—43]. Источниками созданного согласно этим принципам «Учебного фразеологического словаря» (М., 1984) послужили Программы для национальной средней школы, произведения художественной литературы, изучаемые в средней школе, общественно-политическая литература, детская и юношеская периодическая печать. Особое внимание уделяется самим единицам отбора, для которых принято понимание фразеологии Н.М. Шанским.

⁴ «Кроме того, принимались во внимание наиболее типичные сферы и ситуации общения учащихся национальных школ» [21. С. 6].

Ю.А. Максяшина отказалась от попыток составить фразеологический минимум на основании наложения существующих списков фразеологизмов, так как, сравнив имеющиеся словарные минимумы для национальной школы, обнаружила, что среди слов, рекомендуемых для активного усвоения, только два оказались общими для всех списков [11. С. 29].

II. Паремиологический минимум

Отдельно стоят принципы отбора единиц для паремиологических минимумов (ПМ). Для широко известного минимума Г.Л. Пермякова их два: *использование в устной речи* (исходный список паремий составлен только на основании записей устной речи) и *частотность* (отбор производился по результатам опроса).

Для ПМ Е.Е. Иванова, полагающего, что главной задачей является создание не минимума, а основного паремиологического фонда (ядра русской паремиологии), их также два: наличие паремий как в древнейших, так и в современных *текстах и собраниях русских паремий*, «употребительность их на различных этапах исторического развития языка» и *употребительность в современном языке* (по результатам опроса) [31. С.64].

Думается, основное различие в этих минимумах состоит в целях, которые преследовали их составители: Г.Л. Пермяков — определение активного устного минимума носителя русского языка во время проведения эксперимента, в том числе и в учебных целях (создание словаря-минимума); Е.Е. Иванов — определение «вневременного» паремиологического ядра русского языка (теоретические вопросы изучения русской ментальности).

Наложение этих минимумов друг на друга дает 80 общих единиц [31. С. 57].

Выводы

Оставив в стороне принципы отбора паремиологии, попробуем уточнить и скорректировать принципы отбора единиц для собственно фразеологического минимума. Все известные нам лексико-фразеологические и фразеологические минимумы создавались в учебных целях и должны отражать современное состояние языка, поэтому принцип частотности (употребительности) прежде всего должен представлять собой *проверку словариков фразеологических словарей «на современность»*. Причем проверку эту следует вести не только и не столько посредством опросов, дающих субъективные результаты, но и с привлечением *текстового материала* как с учетом его *тематики* (*тематический принцип*), так и безотносительно к ней. Проверка употребительности единиц в современном тексте наглядно показала, что частотность употребления одних и тех же единиц в текстах одной тематики (криминальная проза) и тематически не ограниченных текстов (материалы национально-го корпуса русского языка, сети Интернет) сильно отличается.

Значимым критерием, на наш взгляд, должен стать принцип «присутствия в сознании», так как он напрямую связан с ситуативностью, возникно-

вением в сознании той или иной единицы в зависимости от ситуации. И здесь для отбора также будет важна жанровая специфика текстов-источников. К сожалению, реализация этого принципа для русского языка — отдаленное будущее, так как ситуации изучены недостаточно. На данный момент для собственно фразеологизмов существует лишь «Большой фразеологический словарь русского языка» (М.: АСТ-Пресс, 2006), словарь которого содержит 1500 единиц [32].

Представляется важным привлечь к отбору фразеологии *строевой принцип*, увязывая его с продуктивностью фразеологических гнезд (групп ФЕ, объединенных общим компонентом). Этот дополнительный принцип, с одной стороны, позволит исключить из минимума ФЕ, ни один из компонентов которых не входит в лексический минимум соответствующего уровня. С другой стороны, он даст возможность дополнить перечень единиц ФМ теми, которые входят в продуктивные и активно развивающиеся ФГ.

При отборе фразеологизмов для учебных минимумов не следует игнорировать *лингвокультурологический* принцип, который лег в основу большинства учебных пособий по фразеологии. Несмотря на смещение интереса исследователей к функционированию фразеологизмов в речи, «культурологически ценные» обороты всегда будут привлекать внимание учащихся и повышать и мотивацию в изучении языка. Кроме того, он единственный разработан в достаточной степени, что создает определенный перекосяк при отборе фразеологии для учебников. В то же время этот принцип практически не учитывается при составлении минимумов.

Важным моментом для фразеологии должен стать вопрос об *источниках* для минимумов и процент покрываемости текстов. Следует обратиться к опыту зарубежных словарей, «включивших в число обследуемой литературы библию, реакционную буржуазную прессу, бульварные романы и т.д.» [30. С. 10], т.е. те текстовые источники, которые ранее по идеологическим соображениям не использовались, но которые как раз и дают представление о ФМ среднего носителя языка. Следовательно, нужен анализ корпуса современных текстов массовой литературы.

При создании фразеологических минимумов методологические принципы могут быть лишь дополняющими и корректирующими лингвистические. При этом ни один из лингвистических принципов не может стать единственным критерием для отбора.

Отбор собственно ФМ (без паремиологии) — самая трудная часть, которая должна включать несколько этапов. Первый из них — проверка функционирования в тексте фразеологизмов из словарей. Особенно сложным будет определение изменений в ближайшем контекстном окружении и семантике фразеологизмов. Эта работа может быть выполнена на материале закрытых корпусов текстов разных жанров.

Для учебных фразеологических минимумов недостаточно списка единиц; важны контексты, иначе минимум становится бессмысленным списком, не способствующим обучению.

Завершить краткий обзор проблемы создания фразеологических минимумов хотелось бы словами моего учителя проф. В.М. Мокиенко, сказанными им по поводу попыток определить паремиологический минимум: «Общего минимума, минимума “для всех” носителей конкретного языка, видимо, не существует. Существует лишь “зона узнавания”, которая определяет более или менее условное ядро национальной паремиологии. Но и это ядро колеблется в языковом сознании конкретных носителей языка в зависимости от индивидуального восприятия Слова, его образных и экспрессивных потенций и личного речевого опыта» [33. С. 15]. Несмотря на, казалось бы, столь компромиссное решение вопроса, проф. Мокиенко не перестает изучать проблемы фразеологических и паремиологических минимумов, о чем свидетельствует ряд его статей, и настойчиво разгадывает детективную историю о принципах отбора и границах фразеологического минимума русского языка, вдохновляя и направляя на этом пути и автора этой статьи.

Библиографический список

1. Ганапольская Е.В. Фразеологический словарь современного русского детектива: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2015—2016.
2. Андрюшина Н.П. Лексические минимумы по русскому языку как иностранному: проблема отбора лексических и фразеологических единиц // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. no 3 (33). С. 648—652.
3. Андрюшина Н.П. Фразеологические минимумы в описании уровней владения русским языком как иностранным // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы VII Междунар. науч.-метод. конф. 19—20 мая 2016 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С. 14—15.
4. Андрюшина Н.П. Актуальные направления развития Российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: сб. ст. I Междунар. конгресса преподавателей и руководителей подгот. факультетов: в 2 ч. М.: РУДН, 2017. С. 20—24.
5. Касьмова Р.Т. Процедура отбора тематической лексики в учебных целях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. no 4. С. 676—686. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-4-676-686.
6. Маркина Е.И. Лингводидактические основы разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному для разных профилей обучения: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.
7. Маркина Е.И., Крусате Руис-Соррилья М. Основные подходы к минимизации лексики в российской и европейской учебной лексикографии // Вестник РУДН, серия «Вопросы образования: языки и специальность», 2011. no 3. С. 77—84.
8. Муравьев Н.А., Ольшевская М.Ю. Подходы к составлению лексических минимумов в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 78—89. DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-1-78-89.

9. *Ковалевская Л.В., Стоянова Т.В.* К вопросу о разработке фразеологических минимумов и их роли в обучении филологов русскому языку как иностранному // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: Традиции и инновации: сб. материалов III Международ. научно-метод. онлайн-конференции. Курск: Курский государственный медицинский университет, 2018. С. 464—470.
10. *Крикман А.* Паремиологические эксперименты Г.Л. Пермякова. Препринт. На русском языке. Редакционно-издательский совет АН ЭССР, Таллин, 1986.
11. *Максяшина Ю.А.* Фразеологический минимум русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004.
12. *Мокшенко В.М.* Паремиологический минимум и паремиологические максимумы современной русской жизни // Слова. Концепты. Мифы / отв. редактор Г.К. Венедиктов. М.: Индрик, 2011. С. 218—231.
13. *Никитина Т.Г.* Русские пословицы в современном социокультурном контексте: к вопросу о составе паремиологического минимума // Филологические науки. 2015. no 10 (41). Ч. 5. С. 87—89. DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.41.190>.
14. Паремиология без границ: монография / Е.Н. Антонова, М.А. Бредис, Т.Е. Владимирова и др.; под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. Москва: РУДН, 2020.
15. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.
16. *Петрова Л.А.* Паремиологический минимум в лексиконе языковой личности современных учащихся: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2007.
17. *Ломакина О.В.* К вопросу об определении центра современной крылатики // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 22—23 октября 2019 г. / под ред. А.С. Борисовой, А.В. Игнатенко, Т.В. Лариной, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2019. С. 259—265.
18. 4000 наиболее употребительных слов русского языка : учеб. словарь для зарубеж. школ: для говорящих на фр. яз. / З.П. Даунене, Н.З. Бакеева, Н.М. Шанский, М.: Русский язык, 1975. С. 259—265.
19. Единый лексический минимум русского языка для национальной школы: (Списки слов по периодам обучения): Проект / Н.З. Бакеева, А.И. Грекул, З.П. Даунене. М., 1975.
20. Единый фразеологический минимум русского языка для национальной школы / Е.А. Быстрова, Л.Н. Кротова, Э.М. Миргаязова; Науч.-исслед. ин-т содерж. и методов обучения. М.: Ин-т содерж. и методов обучения, 1975.
21. Учебный фразеологический словарь русского языка: пособие для учащихся нац.школ / Е.А. Быстрова, П.А. Окунева, Н.М. Шанский. Л.: Просвещение, 1984.
22. *Пермяков Г.Л.* 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок: для говорящих на нем. яз. М.; Лейпциг, 1985.
23. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / под ред.Н.П. Андриюшиной. СПб.: Златоуст, 2014. (ЛМ₂).
24. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андриюшина, И.Н. Афанасьева, Л.А. Дунаева и др. СПб.: Златоуст, 2018. (ЛМ₃).
25. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. Изд. 5-е. СПб.: Вариант, 1994.
26. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение / Т.А. Иванова и др. М. — СПб.: Златоуст, 1999.
27. *Скорыходов Л.Ю., Хорохордина О.В.* Окно в Россию: учебное пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа. В двух частях. Часть первая. СПб.: Златоуст, 2009.

28. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991.
29. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII—XX в.: в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
30. Рахманов И.В. Предисловие // Словарь наиболее употребительных слов английского языка / сост. В.Д. Аракин, Г.М. Уайзер, С.К. Фоломкина; под общ. ред. проф. И.В. Рахманова. Изд. 2-е перераб. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. С. 5—37.
31. Иванов Е.Е. Паремнологический минимум и основной паремнологический фонд // Паремнология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремнологии. Пословица в дискурсе и тексте. Пословица и языковая картина мира / Под ред. О.В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 48—66.
32. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2006.
33. Мокиенко В.М. Современная паремнология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. no 3. С. 6—20.

References

1. Ganapolskaya, E.V. (2015—2016). *Phraseological Dictionary of the Modern Russian Detective: in 2 vols.* St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
2. Andryushina, N.P. (2011). Lexical minima in Russian as a foreign language: the problem of selecting lexical and phraseological units. *Problems of History, Philology, Culture*, 3 (33), 648—652. (In Russ.).
3. Andryushina, N.P. (2016). Phraseological minima in the description of levels of knowledge of Russian as a foreign language. *Theory and practice of teaching Russian as a foreign language: achievements, problems and development prospects: materials of the VII Intern. scientific method. conf. May 19—20, 2016.* Minsk: BSU. pp. 14—15. (In Russ.).
4. Andryushina, N.P. (2017). Actual directions of development of the Russian state system of testing for Russian as a foreign language. *Pre-university stage of education in Russia and the world: language, adaptation, society, specialty: collection of books. Art. I Intern. congress of teachers and managers of preparations. faculties: in 2 parts.* Moscow: RUDN, 20—24. (In Russ.).
5. Kassymova, R.T. (2017). Thematic Lexis Selection for Educational Purposes. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (4), 676—686. DOI 10.22363/2312-80112017-14-4-676-686 (In Russ.).
6. Markina, E.I. (2011). *Linguodidactic foundations of the development of lexical minimums in Russian as a foreign language for different educational profiles* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
7. Markina, E.I. & Crusate Ruiz-Zorrilla, M. (2011). The main approaches to the minimization of vocabulary in Russian and European learning lexicography. *Bulletin of RUDN University, series "Education: languages and specialty"*, 3, 77—84. (In Russ.).
8. Muravyov, N.A. & Olshevskaya M.Yu. (2019). Approaches to compiling lexical minimums in Russia and abroad: problems and prospects. *Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 17, 1, 78—89. DOI: 10.25205 / 1818-7935-2019-17-1-78-89. (In Russ.).
9. Kovalevskaya, L.V. & Stoyanova, T.V. (2018). To the question of developing phraseological minima and their role in teaching philologists Russian as a foreign language. *Methods of Teaching Foreign Languages and RCTs: Traditions and Innovations: Sat. materials III International scientific method. online conferences.* Kursk: Kursk State Medical University, 464—470. (In Russ.).
10. Krikman, A. (1986). *Paremiological experiments G.L. Permyakov.* Preprint In Russian. Editorial and Publishing Council of the Academy of Sciences of the ESSR, Tallinn. (In Russ.).

11. Maksyashina, Yu.A. (2004). Phraseological minimum of the Russian language [dissertation]. Veliky Novgorod. (In Russ.).
12. Mokienko, V.M. (2011). Paremiological minimum and paremiological maxims of modern Russian life In *Words. Concepts. Myths*. Moscow: Indrik. pp. 218—231. (In Russ.).
13. Nikitina, T.G. (2015) Russian proverbs in a modern sociocultural context: to the question of the composition of the paremiological minimum. *Philological Sciences*, 10 (41), 5, 87—89. DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2015.41.190>. (In Russ.).
14. Paremiology without borders: monograph. E.N. Antonova, M.A. Bredis, T.E. Vladimirova, L.N. Gishkaeva, E.E. Ivanov... C. Cao; M.A. Bredis, O.V. Lomakina (eds.). (2020). Moscow: RUDN. (In Russ.).
15. Permyakov, G.L. (1988). *Fundamentals of structural paremiology*. Moscow. (In Russ.).
16. Petrova, L.A. (2007). *Paremiological minimum in the vocabulary of the linguistic personality of modern students* [dissertation]. Veliky Novgorod. (In Russ.).
17. Lomakina, O.V. (2019). To the question of defining of modern quotations core. *IV Firsov readings. Language in modern discursive practices: materials of reports and messages of the International scientific-practical conference. Moscow, October 22—23, 2019*. Moscow: RUDN. pp. 259—265. (In Russ.).
18. 4000 mots les plus usités en Russe: learner's dictionary for schools abroad: for speakers of French. Z.P. Daunene, N.Z. Bakeeva & N.M. Shansky (1975). Moscow: Russian language. (In Russ.).
19. General lexical minimum of the Russian language for the national school: (Lists of words by periods of study): project. N.Z. Bakeeva, A.I. Grekul & Z.P. Daunene (1975). Moscow. (In Russ.).
20. General phraseological minimum of the Russian language for the national school. E.A. Bystrova, L.N. Krotova & E.M. Mirgayazova; Scientific research Inst. and teaching methods (1975). Moscow: Inst. and teaching methods. (In Russ.).
21. Learner's phraseological dictionary of the Russian language: a manual for students of national schools. E.A. Bystrova, P.A. Okuneva & N.M. Shansky (1984). Leningrad: Prosveshhenie. (In Russ.).
22. Permyakov, G.L. (1985). *300 common Russian proverbs and sayings: for speakers of German*. Moscow; Leipzig. (In Russ.).
23. Lexical minimum of Russian as a foreign language. Level B2. ed. by N.P. Andryushina (2014). St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
24. Lexical minimum of Russian as a foreign language. Level C1. N.P. Andryushina, I.N. Afanasyev, L.A. Dunaev, L.P. Klobukova, L.V. Krasilnikova & I.I. Yatsenko (2018). St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
25. Phraseological dictionary of Russian: over 4000 dictionary entries. L.A. Voinova, V.P. Zhukov, A.I. Molotkov & A.I. Fedorov; A.I. Molotkov (Ed.). (1994). St. Petersburg: Variant. (In Russ.).
26. The state educational standard for Russian as a foreign language. Level B2. T.A. Ivanova, T.I. Popova, K.A. Rogova, & E.E. Yurkov (1999). Moscow—St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
27. Skorokhodov, L.Yu. & Khorokhordina, O.V. (2009). *Window to Russia: a tutorial on Russian as a foreign language for an advanced stage*. In two parts. Part one. St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
28. Zhukov, V.P. (1991). *Dictionary of Russian proverbs and sayings*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
29. Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late XVIII—XX century: in 2 vols., A.I. Fedorov (Ed.). (1991). Novosibirsk: Nauka, Sib. Department, Vol. 1—2. (In Russ.).

30. Rakhmanov, I.V. (1969). Preface. *Dictionary of the most common English words*, prof. I.V. Rakhmanov (Ed.). Moscow: Publishing house “Soviet Encyclopedia”, 5—37. (In Russ.).
31. Ivanov, E.E. (2015). Paremiological minimum and basic paremiological foundation In *Paremiology in discourse: General and applied issues of paremiology. Proverb in discourse and text. Proverb and language picture of the world*, O.V. Lomakina (Ed.). Moscow: LENAND, 48—66. (In Russ.).
32. Big dictionary of Russian idioms: meaning, use, cultural commentary. V.N. Telia (Ed.). (2006). Moscow: AST-PRESS Book. (In Russ.).
33. Mokienko, V.M. (2010). Modern paremiology (linguistic aspects). *World of Russian words*, 3, 6—20. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ганапольская Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. *Сфера научных интересов:* русская фразеология и лексикология, фразеография, компаративные исследования и проблемы перевода, динамика развития русского языка, методика преподавания русского языка как иностранного, культура русской речи; *e-mail:* eganapolskaya@mail.ru.

Information about the author:

Elena V. Ganapolskaya, Ph.D. of Philology, Associate Professor of the Higher School of Linguodidactics and Translation of Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University. *Research interests:* Russian phraseology and lexicology, phraseography, comparative and interpretation studies, dynamics of the Russian language development, methods of teaching Russian as a foreign language, culture of Russian speech; *e-mail:* eganapolskaya@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-517-531

УДК: 811.111'276.6:33

Научная статья / Research article

Анализ национально-маркированных терминологических единиц экономики на материале английского языка

Ю.Е. Калугина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Ленинские Горы, 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991
jkalugina@econ.msu.ru

Настоящее исследование направлено на изучение того, каким образом всевозможные самобытные явления культуры отражаются в английской финансово-экономической терминологии. Используя специализированные словари, современные книги и публикации, мы отобрали три наиболее репрезентативные группы метафор, основанных на яркой и легко распознаваемой черте отдельной культуры, такие как: национальные символы, национальные имена и национальные кухни. В работе исследуются различные терминологические единицы метафорического происхождения с точки зрения их семантики и структуры, а также анализируется их терминообразовательный потенциал. Результаты показывают, что национально-маркированные метафоры становятся все более распространенными в английском профессиональном языке. Они обладают тем преимуществом, что вызывают прочные ассоциации и, следовательно, создают мотивационную базу для термина. Последнее играет важную роль с практической точки зрения, так как любой термин конструируется так, чтобы служить полезным профессиональным инструментом специалиста. Установлено, что процесс терминообразования в английском финансово-экономическом языке, как правило, использует уже существующие модели. Это предоставляет еще одно практическое преимущество и способствует международному общению.

Ключевые слова: термин, метафора, эвфемизм, этноним, продуктивная словообразовательная модель

История статьи:

Дата поступления: 20.05.2020

Дата приема в печать: 30.05.2020

Для цитирования:

Калугина Ю.Е. Анализ национально-маркированных терминологических единиц экономики на материале английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 517—531. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-517-531

© Калугина Ю.Е., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK: 811.111'276.6:33

Analysis of Country Specific Terminological Units in Economics from English Sources

Julia E. Kalugina

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory str., Moscow, Russian Federation, 119991
jkalugina@econ.msu.ru

Abstract. This research aims to investigate the way different unique cultural phenomena are reflected in the English financial and economic terminology. By using the special lexicographical sources, contemporary books and publications on economics, we choose three most representative groups of metaphors built on colorful and easy recognizable features of an individual culture such as national symbols, ethnic names and cuisines. First, this study examines various terminological units drawing on metaphors in terms of their semantics and structure. Second, we analyze their potential for term-building modeling. The results show that in the English professional language nationally marked metaphors become increasingly popular. They have an advantage to evoke strong associations and thus to create motivation base for a term. The latter is of paramount importance from pragmatic perspective since any term is designed to serve as a useful tool of an expert. Our findings also suggest that the process of term-building in the English financial and economic language is typically based on existing models. This provides another clear practical advantage to facilitate international communication.

Key words: term, metaphor, motivation, gastronomy-based metaphor euphemism, productive term-building model

Article history:

Received: 20.05.2020

Accepted: 30.05.2020

For citation:

Kalugina, Ju.E. (2020). Analysis of Country Specific Terminological Units in Economics from English Sources. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 517—531. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-517-531

Введение

Финансово-экономическая терминология английского языка начала свое формирование с расцветом капиталистических отношений в Англии еще в XVI веке. До настоящего времени она остается открытой системой, которая постоянно пополняется благодаря интеграционным процессам в экономике и интенсивному развитию экономической области знания, активному использованию английского языка в качестве международного и распространению информационно-коммуникационных технологий.

Задачей данного исследования является анализ национально-маркированных специальных единиц профессионального языка экономистов с точки зрения их структурно-семантической мотивированности, метафорической сущности, словообразовательного и функционального потенциала, что определяет всю специфику восприятия и употребления термина.

В финансово-экономической терминологии английского языка отчетливо прослеживается тенденция к использованию ярких, образных, эмотивных языковых средств, отражающих своеобразие национальной картины мира, при номинации многих понятий. Как справедливо замечает Н.Б. Гвишиани, не следует считать, что «научная речь является совершенно лишенной эмоциональной нагруженности и экспрессивности. От умелого сочетания “нейтрального” и “эмоционального”, “информативности” и “экспрессивности” зависят такие качества текста, как его доступность и убедительность» [1. С. 237].

Несомненно, что национально-маркированные термины содержат в себе не только экономическую, но и важную культурно-историческую информацию, поскольку культурная детерминированность языка профессионального общения является его неотъемлемой чертой. Особенно это относится к терминам, созданным в недрах родного языка, где господствуют национально-специфические метафорические переносы. Используемые для создания специальных понятий уникальные национальные образы *джентльмена*, коварного шекспировского персонажа *Леди Макбет*, сказочных героев — жадного ирландского *Леприкона* или скромной и хрупкой *Златовласки* — указывает на то, что терминологическая номинация основывается, как правило, на характерной национальной мотивировке.

Известно, что «...метафора может порождать новое значение, создавать сходство и тем самым определять новую реальность» [2. С. 231]. Благодаря этому присущему метафоре свойству в английской финансово-экономической терминологии существует целый калейдоскоп специальных единиц, в которых заложен существенный национальный признак и других стран, позволяющий соотнести их с культурой определенной страны.

В этой связи В.А. Маслова отмечает, что «языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней. <...> Разные языки придают картинам мира лишь некоторую специфику, некоторый национальный колорит, что объясняется различиями в культуре и традициях» [3. С. 125—126].

При рассмотрении национально-маркированных терминологических единиц финансово-экономического подязыка, представляющих собой результат действия метафоры, можно выделить наиболее многочисленные группы онимов (этнонимов, топонимов и антропонимов), метафор с национальными символами и глуттонимов.

Этнонимы, топонимы и антропонимы в терминологии

Английская финансово-экономическая терминология, отражая долгое поступательное историческое развитие научной области знания, насчитывает в своем составе большое количество специальных единиц — этнонимов, топонимов и антропонимов. Многие из них и культурно-окрашенные, и

национально-уникальные, хотя их национально-культурная принадлежность может быть и не столь очевидной. Это, несомненно, важно для специалистов разных стран, имеющих дело с профессиональными понятиями, номинированными такими терминами.

В некоторых случаях национальную принадлежность терминов-антропонимов можно выявить только в результате семантического анализа. Среди них, например, термины, называющие облигации, которые выпускались в разных странах. Интересным является выражение *Matilda bond* (облигация Матильда) — это «облигация, выпущенная иностранным заемщиком в Австралии в австралийских долларах» [4. С. 440]. Имя *Матильда* взято из весьма популярной национальной песни, неофициального гимна Австралии “Waltzing Matilda” («Вальсируя с Матильдой», написанной в 1895 г.).

Старинная народная английская песня “Maggie May” о девушке по имени Мэгги, известная также благодаря ее исполнению группой «Битлз», послужила названием британских государственных облигаций. Они были выпущены перед выборами Маргарет Тэтчер, которые состоялись в мае 1979 года. Словосочетание *Maggie May* может также переводиться как сокращенное от имени *Маргарет* — *Мэгги* и *май*, месяц ее вступления в должность.

Еще одно выражение — *Brady Bonds* (облигации Брейди), выпущенные для развивающихся стран и деноминированные преимущественно в долларах при министре финансов США Николасе Брейди (1988—1993 гг.). После распада Советского Союза на фондовый рынок выходят новые игроки и появляется выражение *Boris bond* (облигация Борис) по имени русского президента Бориса Ельцина.

В западном обществе культура обращения со всевозможными ценными бумагами (финансовыми инструментами) чрезвычайно распространена и среди обычных людей, для этого существует и специальное понятие *Aunt Milly* (тетушка Милли) — «непрофессиональный инвестор, любитель» [4. С. 59]. В последнее время и на китайском рынке ценных бумаг появились свои непрофессиональные инвесторы, получившие название *Chinese aunties* (китайские дамы, от англ. *aunties* — тетушки), свидетельствуя о стремительном развивающемся в Китае частном инвестировании.

Как правило, специальные метафорические единицы профессионального языка, основывающиеся на уникальном национальном имени, характеризуются наиболее прочной структурно-семантической мотивировкой. Э.А. Сорокина справедливо указывает, что «семантическая мотивированность вызвана причинами социального характера. Семантическая мотивированность — явление, связанное с работой мышления, способного анализировать, сравнивать, обобщать признаки, свойственные разным явлениям, и на результатах обобщенного социального опыта выстраивать отношения понятий. Семантическая мотивированность отражает ассоциативность челове-

ческого мышления. В основе семантической мотивированности находится явление метафоры, отражающее способность человека видеть сходства разных вещей, желание (и готовность) человека использовать уже готовую (существующую) лексическую единицу, а не создавать новую» [5. С. 15].

Наиболее ярким примером, подтверждающим эту мысль, являются общеизвестные антропонимы, созданные по словообразовательной модели [личное имя + economics]: *Nixonomics, Carteronomics, Reaganomics, Rogernomics, Clintonomics, Rubinomics, Bushonomics, Trumponomics, Putinomics, Thaksinomics, Sarkonomics, Obamanomics, Abenomics, Draginomics*.

В этих примерах происходит переход имени собственного влиятельного политика в разряд номинативных единиц с обобщенным значением. Имя собственное приобретает новое идиоматичное значение, семантическая структура которого может быть представлена как совокупность следующих сем:

- экономика, такая, какой она была во время правления политика;
- экономика, развивающаяся по направлениям, обозначенным во время правления политика;
- совокупность экономических методик и инструментов, применимых к определенной экономической ситуации.

Этот способ словообразования является типичным для английского языка. По мнению В.И. Шаховского, «в современном английском языке очень популярна модель так называемой телескопической деривации. Эти слова Л. Кэррол, один из самых знаменитых их создателей, назвал «портмонетными»: ...*Reaganomics* (*Reagan + economics*), ... *neutronomics* (*neutron + bomb + economics*) etc. Сам Кэррол объяснял название этих слов портмонетными потому, что два значения упакованы в одном слове, что производит экспрессивный и эмотивный эффект» [6. С. 133]. Такой словообразовательный механизм обладает большим потенциалом, в том числе для неологической номинации. Лексемы, образованные подобным способом, отличаются идиоматичностью значения, прозрачной внутренней формой, краткостью и сжатостью внешней формы.

Об этом свидетельствует термин-топоним *Kremlinomics* (кремлинномика = кремль+экономика), в основу которого положен уникальный национальный символ, российский памятник истории — Московский Кремль. Единицы финансово-экономической терминологии, которые в своем составе имеют национальные символы, могут служить примером интерпретации национальных стереотипов для обозначения определенного экономического явления. Этот термин приобрел популярность в международных финансовых кругах в начале правления администрации 44-го Президента США Б. Обамы (годы правления 2009—2017) и использовался критиками его крайне левой экономической политики, так как Кремль ассоциируется на Западе с нежелательной властью. Теперь термин часто употребляется, как правило, с негативным оттенком, для описания и российской политики,

наряду с антропонимом *Putinism* (созданном по аналогии со словами *Marxism, Stalinism, Thatcherism*).

В основе других оттопонимических метафор заложено переосмысление топонима, например, место расположения крупных фондовых бирж, банков, инвестиционных и брокерских компаний в Нью-Йорке *Wall Street* (Уолл-стрит) приобрело нарицательное значение делового центра или финансового сообщества. Улица в Лондоне, где располагались все юридические фирмы, специализирующиеся на банкротствах, *Carey Street* (Кэри-стрит) в настоящий момент является синонимом банкротства. Место в штате Калифорния, где располагаются передовые компании-разработчики новых технологий под названием *Silicon Valley* (Силиконовая долина, иногда переводится как Кремниевая долина) имеет международную известность как центр высокотехнологичных исследований.

Уместным представляется пример финансового выражения, который связан со столицей Бразилии Рио-де-Жанейро или сокращенно Рио, традиционным местом отдыха американцев. Вид торговой операции *Rio trade* (букв. сделка Рио), в случае которой трейдеру, не сумевшему покрыть предыдущие убытки, останется только поспешить на самолет до Рио-де-Жанейро.

Еще одна американская метафора-топоним, порождающая четкие ассоциации, в основе которых лежит национально-специфическая черта, — *oracle of Omaha* (оракул из Омахи). Она относится к самому удачливому и известному инвестору Уоррену Баффетту, который проживает в городе Омаха штата Небраска, США.

В топонимах и антропонимах, несомненно, содержится большой объем различной информации. Говоря о терминах, которые обладают высокой информационной «плотностью», М.Н. Володина отмечает, что «в зависимости от ситуации реализуется различная информация, заложенная во внутреннюю форму термина, что непосредственно связано с коммуникативно-релевантным признаком соответствующего объекта. Одновременно с этим имеет место изначально разная информационная емкость одного и того же термина в восприятии специалиста и неспециалиста» [7. С. 117].

С этой точки зрения термины-этнонимы, образованные метафорическим способом, содержат вербальный символ, который четко укладывается в национальную картину мира британцев и американцев. В отличие от абстрактного символа, не обладающего выраженными признаками, метафора, вызывая определенные ассоциации, обеспечивает более быстрое освоение термина и легче запоминается. Кроме того, «при метафорическом терминоподобии обычны коннотации эмоциональности и экспрессивности» [7. С. 117], что в функциональном плане составляет дополнительный аксиологический компонент термина, выражая отношение говорящего к специальному понятию.

К этнонимам с культурно-исторической составляющей в английском языке можно отнести выражения с прилагательными *Dutch* (голландский),

Irish (ирландский) — в британском английском и *Mexican* (мексиканский) — в американском варианте английского — все с отрицательным значением или со значением неодобрения, вызванных этническим стереотипом. Подобные стереотипы основываются на общем принципе разграничения «свой — чужой», а также политике и практике нативизма, то есть мер, направленных на сохранение культуры коренного населения в ущерб чужой культуре. Подкрепляются такие стереотипы и конкретными историческими фактами: англо-голландскими войнами XVII—XVIII веков и конфликтом с Ирландией с конца XII века. В США известны антииммигрантские настроения и неприязненное отношение к многочисленным переселенцам из Мексики, которые готовы на самую непрестижную и тяжелую работу за маленькую зарплату.

В экономических терминах-этнонимах, образованных с прилагательными *Dutch*, *Irish*, *Mexican*, выраженная отрицательная коннотация смягчается и приобретает значение чего-то необычного, не соответствующего норме. Вероятно, поэтому эти выражения используются и в функции эвфемизмов, т.к. употребление эвфемизмов вообще свойственно британской манере поведения. В рамках веками складывающихся культурных, а соответственно, и языковых традиций англоязычного мира, обычно принято избегать грубого натурализма и вульгарных выражений во многих областях, включая экономическую.

Например, в финансово-экономической терминологии *Dutch bargain* (голландская сделка) — это несправедливая или неприбыльная сделка; в общепотребительном языке — это идиоматическое выражение, означающее сделку, которая завершится выпивкой или заключается за бутылкой вина.

Согласно Новому англо-русскому банковскому и экономическому словарю выражение *Dutch auction* (голландский аукцион) — это «метод торга, при котором предлагается заведомо завышенная цена, которая постепенно снижается до поступления заявки на покупку; так продают казначейские векселя в США и государственные облигации в Великобритании» [4. С. 228]. Такая процедура продажи является противоположностью традиционного аукциона, где участники торгов повышают цену до тех пор, пока не останется только один покупатель. В экономической терминологии этот термин нейтрален, а в общепотребительном языке выражение является идиомой.

Выражения *Irish promotion* (ирландское повышение по службе) является эвфемизмом и означает понижение по службе; *Irishman's rise* (ирландское повышение) *сокращение зарплаты/ оплаты (за выполнение той же или похожей работы)*.

Американское выражение *Mexican rise* или *Mexican promotion* (мексиканское повышение) — это продвижение по службе без увеличения оплаты, что свидетельствует о неравных условиях оплаты труда для мексиканских рабочих по сравнению с коренными американцами из-за нелояльного отношения к ним работодателей.

Имевшие место разногласия и военные конфликты между Великобританией и Испанией определило стереотипное отношение к чему-либо «испанскому» как обманчивому или лживому. Отсюда выражение *Spanish practices* (испанские методы) — регулярное мошенничество, совершаемое работниками (фальсификация рабочих табелей, оплата при отсутствии на работе) [8. С. 356].

Некоторые терминологические единицы отражают недоверчивое отношение англичан и американцев к чему-либо китайскому. Они представляют собой метафоры с прилагательным *Chinese* (китайский) в значении «сомнительный». Например, выражение *Chinese accounting/ Chinese bookkeeping* (фальшивая отчетность или фальшивая бухгалтерия), *Chinese copy* (контрафактное изделие), *Chinese paper* (амер. — ценная бумага с сомнительной стоимостью) [9. С. 120].

Даже термин *Chinese Wall* (Великая китайская стена), вызывающий образ древнейшего памятника китайской архитектуры как символа неприступности, имеет два значения. С одной стороны, этот термин обозначает «принцип функционального разграничения доступа к служебной информации (диктуется как соображениями коммерческой тайны, так и требованиями законодательства)» [9. С. 120—121]. Такой принцип организации работы компании не допускает утечки корпоративной внутренней информации. С другой стороны, выражение *Chinese wall* согласно Оксфордскому словарю эвфемизмов используется в значении «притворство, что секретная информация не будет использована советником или его сотрудниками для своей выгоды» [8. С. 120].

Становится очевидным, что причиной появления метафорических переносов является работа мышления, причем мышления, зависящего от национально-культурных особенностей восприятия и интерпретации окружающего мира. Как справедливо подчеркивает С.Г. Тер-Минасова, «культура определяет, а язык отражает (и поэтому тоже определяет) жизнь и поведение человека во всех сферах его деятельности» [10. С. 208].

Таким образом, анализ структурно-семантических черт рассмотренных специальных единиц указывает на наличие заложенного в них значимого культурно-исторического слоя информации. Выбранный способ метафорической номинации, основанный на уникальном национальном имени, создает прочную мотивационную базу. Характерным при этом явлением считается движение семантики таких терминов от первичного значения метафоры к специальному, отраслевому значению.

Метафоры с национальной символикой

Известно, что национальная символика уникальна — она передает важную информацию о культурных особенностях своей страны даже, когда слово становится частью другого, в данном случае английского языка. Наибо-

лее яркий национальный символ используется для номинации специального экономического понятия, связанного с представлениями англичан или американцев об определенной стране.

По мнению О.А. Корнилова, «при любых интеркультурных контактах трудно переоценить значение национальной символики. <...> Символика же самым тесным образом связана с коннотативной зоной языка, т.е. той частью НЯКМ (*научной языковой картины мира* — прим. Ю.К.), которая содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях, вызываемых в коллективном языковом сознании различными объектами окружающего мира» [11. С. 83—84].

Так, для экономических понятий, имеющих отношение к Японии, используются широко известные и за ее пределами символы: культовый японский воин *самурай* в выражении *Samurai bond* (*облигация самурай*) или девушка *гейша*, умеющая изыскано развлекать пением, танцем, разговором гостей, в словосочетании *Geisha bond* (*облигация гейша*) или *сегун* — японский правитель в выражении *Shogun bond* (*облигация сегун*). Такой способ номинации типичен для бивалютных облигаций *доллар — йена*.

Еще один пример — *Tengoku/ Jigoku bond* (буквально с яп. — облигации рай—ад), — облигации, появившиеся в середине 1980-х на токийском рынке, имеют семантический дублет или английский эквивалент *heaven and hell bond* (облигации *рай и ад*).

Практика под названием *open kimono* (*раскрыть кимоно*) или *opening (up) one's kimono* (*раскрытие кимоно*) предполагает, что компания делится важной внутренней информацией с иностранной компанией-партнером в ходе работы над совместным проектом для установления более прочных и доверительных отношений. Термин, обозначающий «раскрытие внутренней информации», вошел в деловую лексику в конце 80-х благодаря возросшему международному сотрудничеству, особенно между западными и японскими компаниями. Под этим выражением подразумевается, что национальное японское длиннополое одеяние *кимоно* дома ослабляется, так же как у европейцев может ослабляться галстук в менее формальной обстановке.

Иногда самобытность японской культуры находит отражение в английских выражениях и уходит корнями в прошлое, напоминая о заметных исторических событиях. Согласно Оксфордскому этимологическому словарю заимствованное слово *kamikaze* в значении «пилот-смертник» появилось в английском языке в 1945 году. Во второй мировой войне японские летчики-камикадзе намеренно совершали таран целей врага, обычно они взрывали корабли противников. Позднее, в 1963 году, у слова *kamikaze* появилось переносное значение *dangerous* (*опасный*) [11]. Это значение слова используется в специальном языке экономики в выражениях *kamikaze security*, которое означает «подрывное ценообразование в целях захвата рынка» и *kamikaze pricing* — «высокодоходная, но весьма рискованная ценная бумага» [9. С. 382].

Образ мужественного матадора — тореадора, наносящего быку смертельный удар шпагой в корриде, — взят из испанской культуры для выражения *Matador bond* (облигация матадор).

Крупнейшая природная зона России *тайга* — полоса густых диких лесов, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке — воспринимается как уникальная национальная особенность. Поэтому для профессиональных целей удобнее называть облигации Минфина России *taiga bond* (облигация тайга), а облигации, деноминированные в долларах США, — по известному прозвищу американцев *Yankee bond* (облигация янки).

Классический пример биржевого пузыря и последовавшего за этим краха получил название *Tulipmania* (тюльпаномания), по названию цветка, который до сих пор является национальным символом Голландии. И первый серьезный биржевой пузырь, имевший место в XVII веке в Нидерландах, был вызван спекулятивными сделками с цветами тюльпанов.

Национальные символы используются для названия золотых монет, составляющих золотой запас страны. Например, в Канаде золотые или платиновые монеты называются *Maple Leaf* («кленовый лист») [4. С. 430—431].

В основе наименований денежных единиц для тезаврационных целей (тезаврация от греч. сокровище) некоторых государств лежит метафора-зоосемизм: *American Eagles* (американские орлы) — вид американских золотых и серебряных монет; *Panda* (панда) — современная китайская золотая монета [4. С. 38, 517].

Национальные символы широко представлены для обозначения государственной валюты. Термин-зоосемизм *loonie* (производный от loon — *гагара*) используется для названия Канадского доллара, на котором изображена *гагара*. Национальным символом Новой Зеландии является нелетающая птица *киви* и одноименный термин *kiwi* (киви, бескрыл), обозначающий национальную валюту, который пользуется большой популярностью. Аналогично образ *киви бескрыла* используется в термине *kiwi bond* (облигация киви), *Kiwi loan* (кредит киви), указывая на то, что они деноминированы в новозеландских долларах.

В термине *bulldog bond* (облигации бульдог) используется английский символ — *бульдог*. Ценные бумаги под названием *kangaroo bond* (облигации кенгуру) рождают в сознании четкие ассоциации с Австралийским континентом, где обитают эти сумчатые млекопитающие — наиболее узнаваемый символ страны.

Тип экономики или тип народного хозяйства также зачастую может номинироваться с использованием различных метафор-зоосемизмов. Термин *kangaroo economy* (буквально: экономика кенгуру) используется для обозначения австралийской экономики.

Популярным зоосемизмом *tiger economy* (экономика тигра) в настоящее время принято характеризовать особенности экономической модели развития некоторых стран, символизирующий экономический прорыв.

Согласно Оксфордскому этимологическому словарю появление понятия *tiger economy* относится к 1981 году, “a nickname for any one of the more successful smaller economies of East Asia, esp. those of Hong Kong, Singapore, Taiwan, and South Korea” (*прозвище для любой из наиболее успешных небольшой экономики Восточной Азии, особенно экономики Гонконга, Сингапура, Тайваня и Южной Кореи — пер. Ю.Е.*) [11].

Благодаря мощному экономическому подъему потенциал этих стран сравнивается с популярным восточным символом *тигра* — сильного и стремительного животного, воплощающего жизненную энергию, могущество и удачу. Их также называют *Four Asian Tigers* (*четыре азиатских тигра*) или *East Asian Tigers* (*восточно-азиатские тигры*).

Для группы развивающихся стран юго-восточной Азии, таких как Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Вьетнам, употребляется термин *Tiger Cub Economies*. Слово *cub* (зоол. детеныш) в составе термина подразумевает их начальную ступень развития с последующей возможностью достижения уровня экономики тигров.

Модель терминологической номинации, создающая позитивный образ быстро растущей экономики, оказалась чрезвычайно продуктивной. В английском языке слово *тигр* имеет и переносное значение *сильный игрок*, стать которым в экономическом плане является важной целью любой страны.

Некоторые европейские страны, реализовавшие азиатский подход, основанный на либеральных экономических реформах и иностранных инвестициях, достигли определенных экономических успехов и стали называться по аналогии: *Baltic Tiger* (*балтийский тигр, т.е. Эстония*), *Celtic Tiger* (*кельтский тигр, Ирландия*), *Tatra Tiger* (*татрский тигр, по названию гор Татры в Словакии*), *Carpat tiger* (*карпатский тигр, по названию Карпатских гор в Румынии*). Для обозначения типов экономики быстро развивающихся африканских стран стал употребляться термин *African lion* (*африканский лев*).

Образование такого количества англоязычных метафор, связанных с зоологическими понятиями, является лексически закономерным, в силу очевидности признака, положенного в основу сравнения. К экстралингвистическим причинам относится любовь к животным, особенно животным, представляющим национальный символ, как одной из самых ярких черт английского характера.

Использование и других элементов национальной культуры в качестве одного из структурных элементов английского экономического термина совершенно оправдано. Как видно из примеров, в силу своей образности и мотивированности роль национального символа при создании термина неоспорима. Таким образом, терминологическая номинация задействует такие продуктивные модели словообразования, которые наиболее эффективно способствуют закреплению специальной единицы в профессиональном языке.

Глюттони́мы

Национальная кухня по праву считается наиболее интересной и неповторимой частью культуры общества, вызывающая безошибочные ассоциации и потому имеющая такую популярность при терминологической номинации.

Позволим себе несколько иллюстративных примеров национально-маркированных специальных единиц. Это отгастрономические термины, основанные на метафоре, использующей наименования продуктов питания:

– *macaroni defense* (от итал. *Maccheroni*) — «макаронная защита»: защитная тактика компании в случае попытки враждебного поглощения, заключающаяся в выпуске большого количества облигаций, которые погашаются по более высокой цене в случае поглощения компании и делают такое поглощение менее привлекательным (по аналогии с макаронами, которые при варке увеличиваются в размере) [4. С. 425];

– *Tequila crisis* (текила — кактусовая водка, которая производится в Мексике) — финансовый кризис 1994 года в Мексике;

– *three-martini launch* (ланч с тремя мартини, от названия итальянской фирмы-производителя вермута *Martini & Rossi*) — американский уничижительный разговорный термин для обозначения чрезмерных затрат на деловые ланчи, которые затем предъявляются для вычета из налогов как легитимные расходы на ведение бизнеса (впервые популяризирован Президентом Дж. Картером) [11].

Существуют и названия блюд, которые имеют специальное значение. Это такие метафоры, как *Michigan roll* или *Philadelphia bank roll* («кукла» — вид мошенничества, сверток с деньгами, расположенными только на поверхности) [9. С. 430, 510]. Использование американских географических названий подчеркивает факт того, что рецепт японских роллов, популярных в Соединенных Штатах, специально адаптирован под американские вкусы. Роллы приготавливаются в виде рулетов цилиндрической формы, что напоминает скрученные в трубочку бумажные купюры.

Кроме того, в составе финансово-экономической лексики можно встретить названия блюд ресторанов быстрого обслуживания, популярные не только в Америке, но и по всему миру, *Hamburger*, *Burger* или *Big Mac*. Это понятия *Burgernomics* (бургерномика), *Hamburger Economics* (экономика гамбургера) и *Big Mac Index* (индекс БигМака). Полученные результаты исследования *индекса бигмак*, впервые опубликованные в журнале *The Economist* в 1986 году, позволяли определить паритет покупательной способности в разных странах. Преимущество индекса Биг Мак в том, что корзина товаров в разных странах может сильно отличаться. Ингредиенты блюда Биг Мак всегда примерно одни и те же. Так, индекс Биг Мака стал международным стандартом по сравнению цен. *Стоимость гамбургера бигмак используется в качестве базовой величины, так как это блюдо по набору используемых продуктов может считаться корзиной товаров.*

Burgernomics (бургерномика) и *Hamburger Economics* (экономика гамбургера) используются для изучения разницы обменных курсов.

Аналогично на Украине используется индекс борща (*Borscht index*) или *борщевая корзина*, поскольку *борщ* — традиционное блюдо восточных славян.

Британский вклад в гастрономию, сделанный лордом Сэндвичем в 18 веке, привел к появлению термина Sandwich generation — относительно новое общественное явление, вызванное увеличением средней продолжительности жизни. Люди среднего возраста, называемые «поколение сэндвич», заботятся одновременно о своих пожилых родителях и несовершеннолетних детях, находясь между старшим и младшим поколением. «Фактически это поколение должно выполнять родительские обязанности по отношению к своим детям и в то же время стать в некотором смысле “родителями” для собственных родителей» [13. С. 570].

Г.Г. Молчанова считает, что «в целом кухня, особенности питания народа и его слоев лучше всего свидетельствуют о национальных склонностях и национальном характере народа. Еда и питье говорят о том, какие приоритеты ставят люди в жизни, ибо место еды определяет и место других ценностей или радостей жизни, демонстрирует их истинную роль в культуре того или иного народа» [14. С. 21].

Термины-глуттонимы, являясь частью общенационального языка, способны отражать особенности, как научной языковой картины мира, так и национальной языковой картины мира. За каждым из таких терминов стоит не только экономическое понятие, но и определенный факт национальной культуры или историческое событие.

Заключение

На фоне интенсивных интеграционных процессов во многих областях знаний, включая область экономики, происходит развитие и интернационализация специальной лексики как необходимого связующего звена между представителями разноязычных культур. Рассматриваемая терминология использует функционально-прагматический принцип при номинации специальных понятий и активно задействует метафорический способ образования и, как правило, осуществляется по имеющимся в языке моделям.

Уже больше века назад метафоры прочно вошли в арсенал образных средств номинации в английском финансово-экономическом языке. Сложившаяся в языке практика активного употребления метафор не меняется, несмотря на “*changing face of the world economy*” (*меняющееся лицо мировой экономики*), и многие единицы специальной лексики свидетельствуют о тех значительных изменениях, которые происходят в экономической и информационно-технологических областях на фоне глобализации международных отношений.

Анализ языковых единиц подъязыка экономики подтверждает мысль о том, что «роль метафоры в научно познании многогранна — она способствует качественным скачкам мышления ассоциативным переходам от одного понятия к другому при их определенной сходности. <...> С появлением метафорического способа образования терминов от общеупотребительных слов не только проявляется ассоциативность мышления, но и совершается перенос житейского опыта на специальную сферу деятельности вследствие предполагаемого подобия обыденного представления и специального понятия» [15. С. 101]. Несомненно, что при метафорическом способе терминообразования создается прочная мотивационная база для закрепления термина.

Особенности процесса терминологической номинации с привлечением национально-маркированных единиц языка обусловлены субъективным восприятием специалистами этнокультурной коннотации этих единиц и прагматикой его дальнейшего использования. Единицы языка для специальных целей, будучи частью общенационального языка, обладают способностью служить отражением культурного наследия сообщества и средством репрезентации национальной психологии. Учитывая тот факт, что потребности в международном научно-практическом общении неуклонно растут, актуальность многоаспектного изучения семантики как появляющихся, так и существующих подобных терминов, их правильного понимания и употребления особенно высока.

Библиографический список

1. *Гвишиани Н.Б.* Язык научного общения: Вопросы методологии. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. М.: Едиториал Урсс, 2004.
3. *Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
4. *Федоров Б.Г.* Новый англо-русский банковский и экономический словарь. СПб.: ООО «Лимбус Пресс», 2006.
5. *Сорокина Э.А.* Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения) [dissetation]. М., 2007.
6. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
7. *Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация [dissetation]. М., 1998.
8. *Holder R.W.* Oxford Dictionary of Euphemisms, 4th Edition. Oxford University Press, 2008.
9. *Факов В.Я.* Большой финансовый словарь. Т. 1. Англо-русский словарь. М.: Междунар. отношения, 2011.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. М.: «Издательство Астрель», 2007.
11. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
12. Oxford English Dictionary. Second Edition on CD-ROM (v. 4.0.0.3). Oxford University Press, 2009.
13. *Калмыкова Н.М.* «Поколение сэндвич» в контексте старения населения: необходимость междисциплинарного подхода. Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие. Седьмая международная научная конференция; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет; 16—18 апреля 2014 г. Сборник статей. Москва: Проспект, 2014. С. 567—571.

14. Молчанова Г.Г. Традиции гасстики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 20—26.
15. Гринева-Гринева С.В., Сорокина Э.А., Скопук Т.Г. Основы антропологической лингвистики: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008.

References

1. Gvishiani, N.B. (2008). *Language for academic communication: Methodology Issues*. Moscow: Publishing House LKI. (In Russ.).
2. Lakoff Jeorg, Jonson Mark (2004). *Metaphors we live by*. Trans. from Eng. — M: Editirial Urss. (In Russ.).
3. Maslova, V.A. (2008). *Modern trends in linguistics*. Moscow: Publishing House “Akademia”. (In Russ.).
4. Fedorov, B.G. (2006). *New English-Russian Banking and Economic Dictionary*. St. Petersburg: “Limbus Press”.
5. Sorokina, E.A. (2007). *Cognitive aspect of lexical design (to the basics of cognitive terminology)*. Author’s Abstract of Doctorate Thesis. Moscow. (In Russ.).
6. Shakhovsky, V.I. (2008). *Categorization of emotions in lexicological and semantic system of a language*. Moscow: Publishing House LKI. (In Russ.).
7. Volodina. M.N. (1998). *Cognitive and informational nature of a term and terminological nomination*. Doctorate Thesis. Moscow. (In Russ.).
8. R.W. Holder. *Oxford Dictionary of Euphemisms/ 4th Edition*. — Oxford University Press, 2008.
9. V. Faekov. (2011). *New Financial Dictionary. English-Russian Dictionary (Vol. 1) / 2nd Edition*. Moscow: International Relations Publishing House.
10. Ter-Minasova, S.G. (2007). *War and peace between languages and cultures*. Moscow: «Publishing House Astrel». (In Russ.).
11. Kornilov, O.A. (2003). *Linguistic world views as a function of national mind-sets*. Moscow: CeRo. (In Russ.).
12. Oxford English Dictionary. Second Edition on CD-ROM (v. 4.0.0.3). Oxford University Press, 2009.
13. Kalmykova, N. M. “Sandwich Generation” in the context of population aging: the need for an interdisciplinary approach // Innovative development of the Russian economy: Interdisciplinary interaction. The 7th International Scientific Conference; Moscow, Lomonosov Moscow State University, Department of Economics; April 16—18, 2014. Conference proceedings. Moscow: Prospect, 2014. pp. 567—571. (In Russ.).
14. Molchanova, G.G. (2013). *Traditions of Gastronomy as a reflection of ethnical and regional identities*. “Bulletin of Moscow State University. Series: Linguistics and cross-cultural communication”. 2013 / № 2. pp. 20—26. (In Russ.).
15. Grineva-Grineva, S.V., Sorokina, E.A., Skopuk, T.G. (2008). *Basis of Anthropological Linguistics*. Moscow: Publishing House “Akademia”. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Калугина Юлия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; сфера научных интересов: антропологическая лингвистика, когнитивное терминоведение, e-mail: jkalugina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6658-5433>; SPIN-code: 4291-7461.

Information about the author:

Julia E. Kalugina, Ph.D. in Linguistics, Assistant Professor, Department of Foreign Languages at Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, *Research interests*: Anthropologists, Cognitive terminology; e-mail: jkalugina@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6658-5433>; SPIN-code: 4291-7461.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-532-544

UDK: [811.111: 811.161.1]’276.6:341

Research article / Научная статья

Language Norms of International Treaties

Natalia V. Alontseva¹, Yury A. Ermoshin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
¹alontseva_nv@rudn.university

Abstract. This article discusses features of the implementation of linguistic norms in international treaties. The proposed study has a purpose to identify linguistic means present in international document texts, i.e. treaties that are to fix the agreement that parties achieve with a view to establishing relations and regulating them in future. The research material is 1000 texts of international treaties. The total amount of factual material analyzed is over 6000 pages. Our methodology is based on the works by domestic and foreign authors on general theory of speech activity, laws of perception and understanding of speech, and the peculiarities of the generation of a statement, translation theory, and international law. One of the most important means of expressing information in a text is its lexical composition. International treaties texts comprise different types of vocabulary (common, terminological, specialized, etc.) that performs text- and style forming functions. From the point of view of grammar, compiling international treaties involves using particular grammatical forms and categories, syntactic structures and types of phrases. The essence of international treaties texts implies the presence of special clichés of a business style. In the preparation and editing of international treaties, the adequate use of appropriate vocabulary and grammatical means leads to a reduction of ambiguities and discrepancies in the texts of these documents.

Key words: international treaty, language norm, terminological vocabulary, special vocabulary, syntax, phraseology, cliché, English, Russian

Article history:

Received: 20.05.2020

Accepted: 31.05.2020

For citation:

Alontseva, N.V. & Ermoshin, Y.A. (2020). Language Norms of International Treaties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 532–544. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-532-544

© Алонцева Н.В., Еромошин Ю.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК: [811.111: 811.161.1]276.6:341

Языковые нормы международных договоров

Н.В. Алонцева¹, Ю.А. Ермошин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, Российская Федерация, 117198

¹alontseva_nv@rudn.university

В предлагаемой статье обсуждаются особенности реализации языковых норм в международных договорах. Данная статья ставит цель — определить, какие лингвистические средства, присутствующие в текстах международной документации, т.е. в международных договорах, служат для того, чтобы зафиксировать заключаемые международные соглашения об установлении отношений и об их будущем регулировании. Материал исследования составили 1000 текстов международных договоров. Общий объем проанализированного фактического материала — свыше 6000 страниц. Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов по общей теории речевой деятельности, закономерностям восприятия и понимания речи и особенностям порождения высказывания, теории перевода, международному праву. Одним из важных способов предоставления информации в тексте является его лексическая композиция. Тексты международных договоров включают в себя различные виды лексики (общеупотребительная, терминологическая, специализированная и др.), которая выполняет тексто- и стилиобразующую функции. С точки зрения грамматики составление текстов международных договоров требует использования особых грамматических форм и категорий, синтаксических структур и видов словосочетаний. Природа текстов международных договоров подразумевает присутствие в них специализированных клише, присущих деловому стилю коммуникации. При подготовке и составлении текстов международных договоров адекватное использование соответствующей лексики и грамматических средств приводит к уменьшению неясностей и разночтений текстов этих документов.

Ключевые слова: международный договор, языковая норма, терминологическая лексика, специальная лексика, синтаксис, фразеология, клише, английский язык, русский язык

История статьи:

Дата поступления: 20.05.2020

Дата приема в печать: 31.05.2020

Для цитирования:

Alontseva N.V., Ermoshin Y.A. Language Norms of International Treaties // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. 532—544. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-532-544

Introduction

The sphere of official international communication implies using official business style, i.e. the style inherent to diplomatic, clerical and legislative documentation. Official international documents are characterized by their conciseness, standardization, accuracy and consistency. As a matter of fact, there are international standards to follow while compiling them. Official international documents include: business correspondence, agreement, contracts, decrees, legislative acts and many others.

Official business documents receive standardization and semantic accuracy though thoroughly selected acute words and phrases that in the majority do not require synonyms and fully express the meaning of the notion or phenomenon.

As it is widely known, international documents have a tendency to unification — to be presented in a single, recognized form. As N.Y. Shtreker states, «the unification of documents is to establish uniformity in composition and forms of documents fixing the implementation of functions of the same type. The standardization of documents is a form of legal consolidation of the unification and the level of their binding» [1. P. 92].

T.G. Vinokur, speaking of official business style and ways of its logical presentation, introduces a term ‘common usage-style complex’ [2. P. 21] and states that the structure of such texts and their composition are organized as aspects and parts of the text are important for textual norms; for language norms, it is typical to limit the possibility of using language units in the document context. At the same time, the links within these texts (lexical, morphological, syntactic) are also of great importance since «only in the interaction do language tools and means of connections make up the common usage-style complex, or expressing plan for the style in question» [3. P. 78].

E.F. Petrishcheva supposes that «international treaties are related to a certain area of social activity that «is in charge of interstate relations within the state» [4. P. 54]. Thus, international treaties are to perform the textual means required for the type of official documents.

The very purpose of official documents involves the correct orientation of the text content in the document, therefore, «the interpretation of the content is impossible without studying the internal and external form of the text in terms of its characteristic language means of use, that is, types of language units that reflect specific subject-object relations, spatial and temporal signs» [5].

According to V.V. Kalyuzhnaya, it is possible to emphasize several genres of international documents (their texts). The author proposes «to divide them into:

1) informative documents-genres: memoranda, notes, reports, messages, statements, reviews, working documents of sessions;

2) regulatory documents-genres: charters, constitutions, rules of procedures, conventions, agreements (letters-agreements, notes-agreements), acts, pacts, codes;

3) final documents-genres: resolutions, declarations; 4) summarizing documents-genres: minutes of meetings, summary of the debate» [6. P. 5].

E.F. Petrishcheva suggests that «it is unrealistic to believe that the text of each document should have only its proper, i.e., language-specific means for it» [4. P. 42]. Following her, we would like to accept the idea that only few particular patterns of vocabulary use exist. In the proposed article we suggest pondering on vocabulary and grammatical forms international treaties texts prefer and actively use.

Methodology

To conduct the following research with a view to identifying language means and grammar constructions widely used in international documents (treaties) we have selected 1000 texts for analysis, 700 of which belong to resolutions, others introduce conventions. The total amount of factual material analyzed is over 6 000 pages. All samples are authentic and were borrowed from Internet sites that have open access.

The methodological basis of the study was the work of domestic and foreign authors on:

a) the general theory of speech activity (A.A. Leontyev [7], T.V. Lipatova [8], A.S. Luria [9], L.V. Shcherba [10], L.S. Vygotsky [11], N.I. Zhinkin [12], I.A. Zimnyaya [13], etc.);

b) the laws of perception and understanding of speech (V.A. Artemov [14], G.A. Miller [15], T.M. Rogozhnikova [16], A.A. Zalevskaya [17], etc.) and the peculiarities of generation of a statement (V.P. Belyanin [18], A.A. Leontiev [7], G.A. Miller [15], N.I. Zhinkin [12], etc.);

c) translation theory (L.S. Barkhudarov [19], V.V. Breus [20], T.I. Guskova and G.M. Ziborova [21], I.A. Komissarov [22], R.K. Minyar-Beloruhev [21], A.F. Shiryaev [24], etc.);

d) international law (M.P. Druzhkov, V.I. Evintov [], S. Li [27], I.I. Lukashuk [28], L.N. Mataradze [29], I. Paenson [30], A.N. Talalaev [31], N.N. Ulyanova [32], E. De Vattel [33], etc.).

Language Analysis of International Treaties in the English and Russian Languages

As we have stated above, our research involved a thorough linguistic analysis, in the result of which we arrived at the conclusions described below.

Treaties introduce commonly used and emotionally coloured book vocabulary:

➤ commonly used vocabulary: *to take into account* ‘принять во внимание’, *with a view to* ‘с целью’, *in accordance with* ‘в соответствии с’, *a great deal of* ‘много’. It should be noted that commonly used vocabulary prevails over special and terminological vocabulary, the examples of which may be: *undersigned plenipotentiaries* ‘полномочные представители’, *equally authentic* ‘равно аутентичный’, *offer* ‘оферта’, *financial contribution* ‘финансовый вклад’, *immovable and movable property* ‘недвижимое и движимое имущество’;

➤ emotionally coloured book vocabulary: *Aware that the task of the United Nations to save future generations from the scourge of war requires transformations towards a culture of peace...* ‘Сознавая, что задача Организации Объединенных Наций избавить грядущие поколения от

бедствий войны требует перехода к культуре мира...’. Emotionally coloured vocabulary is not usually present in treaties, but may be found in some genres. Let us give another example derived from UN Charter: «*We the peoples of the United Nations determined to save succeeding generations from the scourge of war, which twice in our lifetime has brought untold sorrow to mankind, and to reaffirm faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equal rights of men and women and of nations large and small* ‘Мы, народы Объединенных Наций, преисполнены решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций...’» [37].

The official character of treaties can be reached by using special vocabulary, which leads to differentiation of treaties from other genres and brings in unambiguity to the document. Special vocabulary can be introduced in different groups:

➤ full and exact name of the document: *resolution* ‘резолуция’, *declaration* ‘декларация’, etc.;

➤ name of bodies accepting the international treaty: *General Assembly* ‘Генеральная Ассамблея’, *Security Council* ‘Совет Безопасности’, etc.;

➤ vocabulary related to the conclusion of the treaty, its signing, ratification, initiation, entry into force: *equally authentic* ‘равно аутентичные’, *enter into force* ‘вступать в силу’, etc.;

➤ introductory words introducing a logical context: *acknowledging* ‘отмечая’, *bearing in mind* ‘принимая во внимание’, *deeply regretting* ‘выражая глубокое сожаление’, etc.

Another type of vocabulary widely used in international treaties is terminological vocabulary. Terms are commonly found in conventions (to a greater extent) charters, resolutions and declarations (in a lesser degree). Terminological vocabulary is rich with scientific and technical terms which appear in international official texts due to numerous agreements in science, i.e. nuclear physics, cybernetics, medicine, environmental protection and others. For example: *legal proceedings* ‘судебное разбирательство’, *financial resources* ‘денежные ресурсы’, or: «*Welcoming also United Nations General Assembly Resolution 51/45 S of 10 December 1996 urging all States to pursue vigorously an effective, legally-binding international agreement to ban the use, stockpiling, production and transfer of anti-personnel landmines....* ‘Приветствуя также резолюцию 51/45 S Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1996 года, в которой ко всем государствам обращен настоятельный призыв активно работать над эффективным, имеющим обязательную юридическую силу международным соглашением о запрещении применения, накопления, производства и передачи противопехотных наземных мин...’» [38].

The tradition of concluding treaties originates from the Middle Ages, consequently, in modern text we observe the use of Latin and French borrowings, for example: *inter alia* ‘среди прочего’, *ipso jure* ‘по самому закону’, *chargé d'affaires* ‘поверенный в делах’, *compromis d'arbitrage* ‘арбитражное соглашение, etc. [34].

The compositional drawing of the resolution genre in English and Russian coincides as a result of the general principle of division, in which the text is divided into two parts: ascertaining and deciding. The existence of ascertaining and operative parts allows changing their correlation in terms of volume, i.e., the parties adopting the resolution may pay more attention to one of the parts than the other.

Let us consider an example of resolution in the English and Russian languages borrowed from an open access site of General Assembly of the United Nations:

53/5 Observer status for the Association of Caribbean States
in the General Assembly

Date: 15 October

Meeting: 38

Adopted without a vote

Draft: A/53/L.3 and Add. 1

The General Assembly,

Bearing in mind that the purposes of the Association of Caribbean States, as enunciated in the convention by which it was established, and which has been registered with the Secretariat, are consistent with those of the United Nations,

Considering that, accordingly, it is mutually advantageous to provide for cooperation between the United Nations and the Association of Caribbean States,

Taking note of the desire of the Association of Caribbean States for the establishment of such cooperation,

1. *Decides* to invite the Association of Caribbean States to participate in the sessions and the work of the General Assembly in the capacity of observer;

2. *Requests* the Secretary-General to take the necessary action to implement the present resolution.

53/5. Предоставление Ассоциации карибских государств
статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее

Генеральная Ассамблея,

принимая во внимание, что цели Ассоциации карибских государств, провозглашенные в конвенции, в соответствии с которой она была учреждена и которая была зарегистрирована в Секретариате, соответствуют целям Организации Объединенных Наций,

учитывая, что, таким образом, поддержание сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и Ассоциацией карибских государств отвечает их взаимным интересам,

принимая к сведению желание Ассоциации карибских государств наладить такое сотрудничество,

1) *постановляет* предложить Ассоциации карибских государств принимать участие в сессиях и работе Генеральной Ассамблеи в качестве наблюдателя;

2) *просит* Генерального секретаря принять необходимые меры для выполнения настоящей резолюции.

38-е пленарное заседание,

15 октября 1998 года

[39]

From the above example, it follows that the resolution is represented by one nominative sentence, the subject of which is at the beginning of the document. Each position of the ascertaining part begins with a new line and is introduced by the circumstance of the mode of action. Operative clauses also begin on a new line and are always introduced by homogeneous predicates. To enhance the reader's attention, it is common to resort to font selection, which facilitates the perception of the document. Usually the subject and first words are highlighted in the ascertaining and operative parts, that is, modifiers — in the ascertaining part and predicates — in the operative part.

Paragraph division is widely used in the drafting of resolutions. Characteristically, the paragraph is part of the whole (part of the sentence — participial construction or a homogeneous predicate with words adjacent to it) [6. P. 43]. Paragraphs are separated by a comma or semicolon. Paragraph division as well as font selection makes the text clearer and allows the recipient to selectively consider a particular position of the document.

In this type of documents, there are standard initial words established by many years of practice that perform a specific function inherent only to these documents. We can make a list of such words and phrases that each time, regardless of context, will have the same equivalent in another language, for example: *having examined* 'рассмотрев', *condemning* 'осуждая', *hoping* 'выражая надежду'. Sometimes a number of English synonyms has one option in Russian, or, conversely, a number of Russian synonyms corresponds to one English option, for example: *принимая во внимание* 'bearing in mind/having in mind/keeping in mind', *affirming* 'заявляя/ утверждая/ подтверждая /поддерживая'.

The following words are used in the role of the initial words of the ascertaining part: present participles (*affirming, appreciating, believing*); adjectives (*cognizant, conscious, desirous*); past participles with and without preposition (*alarmed by, concerned, convinced*); perfect participle construction (*having examined*).

After analyzing a number of authentic resolutions, we can conclude that all of these initial units correspond to the participles in the Russian text, in the syntactic plan — to modifiers of manner. For instance: *Совет Безопасности, подтверждая свои предыдущие резолюции по Афганистану, в частности,*

свои резолюции 1378 (2001) от 14 ноября 2001 года и 1383 (2001) от 6 декабря 2001 года, признавая, что ответственность за обеспечение безопасности и правопорядка на всей территории страны лежит на самих афганцах....

The initial words — present participles of active voice may also comprise the following groups:

➤ Participle I and Adverb: *Appreciating highly the important role that Nepal has played as the host nation of the headquarters of the Regional Centre...* ‘Высоко оценивая важную роль, которую играл Непал как государство, разместившее у себя штаб-квартиру Регионального центра...’

➤ Participle I and N and preposition: *Affirming also the illegality of the Israeli settlements in the territory occupied since 1967 and of Israeli actions aimed at changing the status of Jerusalem...* ‘Подтверждая также незаконный характер израильских поселений на территории, оккупированной с 1967 года, и израильских действий, направленных на изменение статуса Иерусалима...’

Sometimes the presence of an adverb, which is a modifier of manner, in front of the participle requires a different equivalent in Russian, for example: *Concerned about the threats posed by the proliferation of nuclear weapons to the security and stability of the Middle East region.* ‘Будучи встревожена угрозами, которые распространение ядерного оружия создает для безопасности и стабильности региона Ближнего Востока’.

The initial words — adjectives. English adjectives in the ascertaining part correspond to the Russian participles, and not the adjectives: *conscious* ‘сознавая’: *Conscious that the problem of ocean space are closely interrelated and need to be considered as a whole...* ‘Сознавая, что проблемы океанских акваторий тесно взаимосвязаны и их необходимо рассматривать как единое целое...’

The initial words — past participles. These initial words show the attitude of the body adopting the resolution to this state of affairs, which should be taken into account when drawing up resolutions and when translating them. It is important that in general past participles can have several correspondences, but in this type of documents only one type is used assigned to them: *concerned*, but not *being concerned*, in Russian *будучи встревожена*, but not *встревожена*: *Concerned about the threats posed by the proliferation of nuclear weapons to the security and stability of the Middle East region...* ‘Будучи встревожена угрозами, которые распространение ядерного оружия создает для безопасности и стабильности региона Ближнего Востока...’.

The initial words — constructions with perfect participles. The use of this construction designates an action that occurred in the past, and in the present it is stated as a fact: *Having considered the report of the Secretary — General on emergency economic assistance to the Comoros...* ‘Рассмотрев доклад Генерального секретаря о чрезвычайной экономической помощи Коморским Островам...’.

Each new thought in the operative part begins with a new line and is introduced by a verb in the third person singular (less often — plural). We have identified 100 stylistically neutral verbs used in operative part of resolutions (*decides* ‘постановляет’, *declares accordingly* ‘объявляет соответственно’), which either express approval (*welcomes* ‘приветствует, принимает’, *adopts* ‘одобряет’), or have a connotation tone (*condemns* ‘осуждает’). All verbs form initial groups in the text, and the number of these structural groups is limited. Let us list them:

1. Verb + noun + infinitive:

Invites the Chairman to keep the Council informed on developments in the peace process. ‘Просит Председателя информировать Совет о событиях в рамках мирного процесса’.

2. Verb + infinitive:

Decides to extend the mandate of UNPROFOR. ‘Постановляет продлить мандат СООНО’.

3. Verb + subordinate clause:

Demands that all sides refrain from laying mines, in particular in those areas now under their control, which under the Peace Agreement will be transferred to another party. ‘Требует, чтобы все стороны воздерживались от установки мин, в частности, в районах, находящихся в настоящее время под их контролем, которые по условиям Мирного соглашения будут переданы другой стороне’.

4. Verb + noun:

Welcomes the report of the Secretary-General of 24 November 1995 as a useful framework for his ongoing efforts aimed at accelerating and completing the identification process. ‘Приветствует доклад Генерального секретаря от 24 ноября 1995 года в качестве полезных рамок для предпринимаемых им в настоящее время усилий, направленных на ускорение и завершение процесса идентификации’.

International treaties style involves using certain specific words, phrases, and sentences inherent to this genre, e.g. *a party* ‘сторона’, *whereas* ‘принимая во внимание’, etc. V.M. Boguslavsky suggests regarding ‘business standards’ to trace their performance [35. P. 35]. Business standards vocabulary typical of international official communication comprises ‘ready-made word stamps’ [36. P. 106—114].

Key business standards may be classified as follows:

1. Nominative business standards represented by the following groups:

- a) Noun + Noun: *State Party* ‘государство-участник’;
- b) Noun + preposition + Noun: *instrument of accession* ‘акт о присоединении’, the date of deposit ‘в день сдачи’;
- c) Adjective + Noun: *human rights* ‘права человека’, *fundamental freedoms* ‘основные свободы’.

2. Verbal business standards represented as follows:

a) Verb + Noun: *to make reservation* ‘делать оговорки’, *to inform the Secretary-General* ‘уведомлять Генерального Секретаря’;

b) Verb + preposition + Noun: *to accede to a convention* ‘присоединиться к конвенции’.

3. Phrase business standards. Mainly used at the beginning of documents and in final articles, e.g. *have agreed as follows* ‘согласились о нижеследующем’, *the present Convention shall enter into force* ‘настоящая Конвенция вступает в силу’.

Analyzing the language of conventions, we can conclude that the number of business standards in them is limited, and their use relates mainly to the preambles and final articles of the conventions.

Conclusion

1. International treaties texts are strictly regulated by the nature and essence of the document and also the language means used to deliver information to international partners or parties. Official international documents including international treaties texts are characterized as concise, standardized, accurate and consistent.

2. A significant component of text organization international treaties use is their lexical composition, i.e. international treaties imply commonly used, terminological, special and emotionally coloured book (in a lesser degree) vocabulary.

3. Vocabulary performs text-forming and style-forming functions. The grammatical side of text formatting is noted by the consolidation of certain grammatical categories and forms, certain types of phrases and syntactic structures (voice, gerundial and participial forms and constructions, infinitives and infinitive constructions, etc.).

4. Texts of international treaties also involve phrases related to the border zone between syntax and phraseology and reflecting special clichés of a business style. The choice and use of vocabulary and grammatical means of official business style lead to a reduction of ambiguities and discrepancies in the texts of international treaties.

5. Certain types of international documents use business standards. Despite the fact that their number is limited, their use relates to preambles and final articles of the conventions, with makes them standardized and respond to the objective set.

References

1. Shtreker, N.Yu. (2003). *Russian language and culture of speech*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.).
2. Vinokur, T.G. (1987). The use of language as the main subject of stylistics In *Stylistics of the Russian language: Genre-communicative. aspect of the style of the text*, V.N. Vinogradova, T.G. Vinokur, L.I. Eremin and others; A.N. Kozhin (Ed.). Moscow: Nauka. pp. 18—27. (In Russ.).

3. Barlas, L.G. (1978). *Russian language. Stylistics*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.).
4. Petrishcheva, E.F. (1987). Functional and stylistic differentiation of speech In *Stylistics of Russian language*. Moscow. (In Russ.).
5. Yartseva, V.I. (1981). *Contrast grammar*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Kalyuzhnaya, V.V. (1982). *Style of English documents of international organizations*. Kiev: Naukova dumka. (In Russ.).
7. Leontyev, A.A. (1999). *Fundamentals of Psycholinguistics*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Lipatova, T.V. (2015). The formation of meaning and functional motivation of language units' semantics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 17—25. (In Russ.).
9. Luria, A.R. (1998). *Language and consciousness*. Moscow: Moscow Publishing House University. (In Russ.).
10. Shcherba, L.V. (1974). *Language system and language activity*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
11. Vygotsky, L.S. (1934). *Thinking and Speech*. Moscow—Leningrad: Sotsekgiz. (In Russ.).
12. Zhinkin, N.I. (1964). About code transitions in internal speech. *Topics in the study of language*, 6, 26—38. (In Russ.).
13. Zimnyaya, I.A. (2001). *Linguopsychology of speech activity*. Moscow—Voronezh: NPO MODEK. (In Russ.).
14. Artemov, V.A. (1969). *Psychology of teaching foreign languages*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.).
15. Miller, G.A. & Johnson-Laird, P.N. (1976). *Language and perception*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
16. Rogozhnikova, T.M. (1988). The mechanisms of the functioning of the word in the individual consciousness: their specificity and sequence of formation In *Psycholinguistic studies of the meaning of the word and understanding of the text: Interuniversity. topics Sat scientific tr. / Kalinin.gos. un-t; A.A. Zalevskaya (Ed.)*. Kalinin. pp. 15—22.
17. Zalevskaya, A.A. (1982). Psycholinguistic problems of the semantics of the word. Kalinin. (In Russ.).
18. Belyanin, V.P. (2001). *Introduction to Psycholinguistics*. Moscow: CheRo. (In Russ.).
19. Barkhudarov, L.S. (1975). *Language and translation: General and private translation theory*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).
20. Breus, E.V. (2002). *Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English*. Moscow: Publishing house of the University RAE. (In Russ.).
21. Guskova, T.I. & Ziborova, G.M. (2000). Difficulties in translating a socio-political text from English into Russian. Moscow: Rosspan. (In Russ.).
22. Komissarov, V.N. (1990). *Translation Theory: Linguistic aspects*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
23. Mınyar-Beloruhev, R.K. (1991). About the principles of teaching foreign languages In *General methodology of teaching foreign languages*, A.A. Leontiev (Introduc.). Moscow: Russkij jazyk. pp. 43—53. (In Russ.).
24. Shiryaev, A.F. *Simultaneous translation. The activities of the simultaneous translator and the methodology of teaching simultaneous translation* [Electronic resource]. URL: <http://sch-yuri.narod.ru/transltn/shir.htm> (accessed: 04.04.2020). (In Russ.).
25. Druzhkov, M.P. (1986). *The conclusion of international treaties within and under the auspices of international organizations*. Kiev: Naukova dumka. (In Russ.).
26. Evintov, V.I. (1981). *Multilingual treaties in modern international law*. Kiev: Naukova dumka. (In Russ.).
27. Shuangling, Li (2019). *Communicative significance of vague language: a diachronic corpus-based study of legislative texts. English for Specific Purposes*, 53, 104—117.
28. Lukashuk, I.I. (2001). *Form of international treaties*. Moscow: Spark, 2001. (In Russ.).
29. Mataradze, L.N. (1971). *Form of international treaty*. Tbilisi: Metzniereba. (In Russ.).
30. Paenson, I. (1983). *Manual of the Terminology of Public International Law (peace) and International Organizations*. Brussels.
31. Talalaev, A.N. (1980). *The law of international treaties*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).

32. Ulyanova, N.N. (1981). General multilateral treaties in modern international relations: Some issues. theories. Kiev: Naukova dumka. (In Russ.).
33. De Vattel, E. (1960). The law of peoples or the principles of natural law applicable to the conduct and affairs of nations and sovereigns. Moscow. (In Russ.).
34. Alontseva, N.V. & Tomashevich, S.B. (2012). Textual and linguistic norms of official documents. *Russian Journal of Linguistics*, 1, 33—38. (In Russ.).
35. Boguslavsky, V.M. (1968). In defense of the business stamp. *Russkaya Rech'*, 6, 33—38. (In Russ.).
36. Rosen, E.V. (1961). About some cliches of German spoken language. *Foreign language at school*, 4, 106—114. (In Russ.).
37. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/preamble/index.html> (accessed: 07.04.2020).
38. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml (accessed: 07.04.2020).
39. URL: <https://www.un.org/en/ga/74/resolutions.shtml> (accessed: 07.04.2020).

Библиографический список

1. *Штрекер Н.Ю.* Русский язык и культура речи: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
2. *Винокур Т.Г.* Употребление языка как основной предмет стилистики // *Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста* / В.Н. Виноградова, Т.Г. Винокур, Л.И. Еремина и др.; Отв. ред. А.Н. Кожин. М.: Наука, 1987. С. 18—27.
3. *Барлас Л.Г.* Русский язык. Стилистика: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1978.
4. *Петрищева Е.Ф.* Функциональная и стилистическая дифференциация речи // *Стилистика русского языка*. М., 1987.
5. *Ярцева В.И.* Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981.
6. *Калюжная В.В.* Стилль англоязычных документов международных организаций. Киев: Наук. думка, 1982.
7. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики: Учеб. для вузов по специальности «Психология». М.: Смысл, 1999.
8. *Липатова Т.В.* О приоритетах системной лингвистики // *Вестник Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2015. по 3. С. 17—25.
9. *Лурия А.Р.* Язык и сознание: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
10. *Щерба Л.В.* Языковая система и языковая деятельность. Л.: Наука, 1974.
11. *Выготский Л.С.* Мышление и речь: Психол. исслед. М.; Л.: Соцэргиз, 1934.
12. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // *Вопросы языкознания*. 1964. по 6. С. 26—38.
13. *Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001.
14. *Артемев В.А.* Психология обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1969.
15. *Miller G.A., Johnson-Laird P.N.* Language and perception. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1976.
16. *Рогожников Т.М.* Механизмы функционирования слова в индивидуальном сознании: их специфика и последовательность становления // *Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: Межвуз. темат. сб. научн. тр.* / Калинин. гос. ун-т; Отв. ред. А.А. Залевская. Калинин, 1988. С. 15—22.
17. *Залевская А.А.* Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.
18. *Белянин В.П.* Введение в психолингвистику. М.: ЧеРо, 2001.
19. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопр. общ. и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975.
20. *Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учеб. пособие. М.: Изд-во ун-та Рес. акад. образования, 2002.
21. *Гуськова Т.И., Зиборова Г.М.* Трудности перевода общественно-политического текста с английского языка на русский: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Росспэн, 2000.

22. Комиссаров В.Н. Теория перевода: Лингвист. аспекты: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
23. Миньяр-Белоручев Р.К. О принципах обучения иностранным языкам // Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Предисл. А.А. Леонтьева. М.: Рус. яз., 1991. С. 43—53.
24. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sch-yuri.narod.ru/transltn/shir.htm> (дата обращения: 07.04.2020).
25. Дружков М.П. Заключение международных договоров в рамках и под эгидой международных организаций. Киев: Наук. думка, 1986.
26. Евинтов В.И. Многоязычные договоры в современном международном праве. Киев: Наук. думка, 1981.
27. Shuangling Li Communicative significance of vague language: A diachronic corpus-based study of legislative texts // English for Specific Purposes. 2019. no 53. pp. 104—117.
28. Лукашук И.И. Форма международных договоров: Учеб.-практ. пособие. М.: Спарк, 2001.
29. Матарадзе Л.Н. Форма международного договора. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
30. Raenson I. Manual of the Terminology of Public International Law (peace) and International Organizations. Brussels, 1983.
31. Талалаев А.Н. Право международных договоров. М.: Междунар. отношения, 1980.
32. Ульянова Н.Н. Общие многосторонние договоры в современных международных отношениях: Некоторые вопр. теории. Киев: Наук. думка, 1981.
33. Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960.
34. Алонцева Н.В., Томашевич С.Б. Текстовые и языковые нормы официальных документов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. no 1. С. 33—38.
35. Богуславский В.М. В защиту делового штампа // Русская речь. 1968. no 6. С. 33—38.
36. Розен Е.В. О некоторых клише немецкой устной речи // Иностранный язык в школе. 1961. no 4. С. 106—114.
37. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/preamble/index.html> (дата общения: 07.04.2020).
38. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml (дата общения: 07.04.2020).
39. Режим доступа: <https://www.un.org/en/ga/74/resolutions.shtml> (дата общения: 07.04.2020).

Information about the authors:

Natalia V. Alontseva, Associate professor of the department of foreign languages, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages; *e-mail*: alontseva_nv@rudn.university.

Yury A. Ermoshin, Associate professor of the department of foreign languages, PhD in Pedagogy, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages; *e-mail*: ermoshin_yua@rudn.university.

Сведения об авторах:

Алонцева Наталья Владимировна, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: alontseva_nv@rudn.university.

Ермошин Юрий Анатольевич, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: ermoshin-yua@rudn.university.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559

UDK: 811.163:008:2:316.7(497.15)

Research article / Научная статья

Bosnia and Herzegovina as a Historical Balkan Bridge Between Cultures, Religions and Nations

Aleksandr V. Savchenko¹, Mikhail S. Khmelevskii²

¹National Chengchi University
no. 64, Sec. 2, Zhinan Rd., 116, Wenshan District, Taipei, Taiwan

¹savchenko75@mail.ru

²Saint-Petersburg State University
Universitetskaya Emb., 11, Saint-Petersburg, Russian Federation, 195249

²chmelevskij@mail.ru

Abstract. Given article presents an overview and analysis of the facts of the crossing of the Slavic, Oriental and European cultures in the very center of the Balkan Peninsula, as well as the connection of the Orthodox, Catholic and Muslim (Islamic) worlds and mentality in the historical retrospective of Bosnia and Herzegovina, its culture, ethnography and language. Special attention is paid to the specific moments of modern political life, socio-demographic problems, as well as to the peculiarities of the national mentality, traditions and customs of different peoples (formed as a result of confessional differences), living on the territory of modern Bosnia and Herzegovina. On this basis we try to present the specifics and uniqueness of this region: on the one hand, the Slavonic one, and on the other, not being such in the traditional and direct meaning of this word. Along with these questions, stereotyped views of the peoples of the former Yugoslavia on the Muslim part of the population of Bosnia and Herzegovina, their actual implementation in contemporary culture, literature and language, as well as their transformation as a result of the crucial political events of the 1990s, are also considered. In the article it is concluded for the first time that apart from the notions *Slavia Orthodoxa* and *Slavia Romana*, traditionally accepted in the science about the Slavs, from the XVI century, the third world — *Slavia Muslim* with its mentality, culture, religion and language has started to form in the Balkans.

Key words: Bosnia, the Balkan, the Balkan Peninsula, South Slavs, South Slavic languages, Multicultural and Multireligious Region, Ethnic Interaction, Yugoslavia

Article history:

Received: 20.04.2020

Accepted: 10.05.2020

For citation:

Savchenko, A.V. & Khmelevskii, M.S. (2020). Bosnia and Herzegovina as a Historical Balkan Bridge Between Cultures, Religions and Nations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 545—559. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559

© Савченко А.В., Хмелевский М.С., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК: 811.163:008:2:316.7(497.15)

Босния и Герцеговина — исторический мост между балканскими культурами, религиями и нациями

А.В. Савченко¹, М.С. Хмелевский²

¹Государственный университет Чжэнчжи
64/2, улица Джинань, 116, Вэньшань, г. Тайбэй, Тайвань, 195249
¹savchenko75@mail.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 11, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 195249
²chmelevskij@mail.ru

В статье представлены основные факты пересечения славянской, восточной и европейской культур в самом центре Балканского полуострова, в исторической ретроспективе рассматриваются их особенности и анализируются связи православного, католического и мусульманского миров, которые нашли отражение в менталитете жителей Боснии и Герцеговины: в культуре, этнографии и языке. Особое внимание уделяется конкретным аспектам современной жизни, а также социальным проблемам, особенностям национального менталитета, традициям и обычаям разных этносов (сформировавшихся в результате конфессиональных различий), проживающих на территории современной Боснии и Герцеговины. На основе проводимого в статье анализа показана специфика и уникальность данного балканского региона: с одной стороны, славянского, а с другой, — не являющегося таковым в культурологическом и мировоззренческом смысле этого слова. В работе также продемонстрированы стереотипные представления народов бывшей Югославии о мусульманской части населения Боснии и Герцеговины, которые нашли свое отражение в современной культуре, литературе и языке всех современных народов Южной Славии. В настоящем исследовании впервые делается вывод о том, что помимо традиционно принятых в науке понятий *Slavia Orthodoxa* («православная Славия») и *Slavia Romana* («католическая Славия»), на Балканах с XVI века начал формироваться третий мир — *Slavia Muslim* («мусульманская Славия») со своим особым своеобразным и локально ограниченным менталитетом, культурой, религией и языком.

Ключевые слова: Босния, Балканы, Балканский полуостров, Южные славяне, южнославянские языки, мультикультурный и мультирелигиозный регион, этническое взаимодействие, Югославия

История статьи:

Дата поступления: 20.04.2020

Дата приема в печать: 10.05.2020

Для цитирования:

Savchenko A.V., Khmelevskii M.S. Bosnia and Herzegovina as a Historical Balkan Bridge Between Cultures, Religions and Nations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. по 3. С. 545—559. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-545-559

Introduction

The Balkan Slavic Region is, from an historical and cultural point of view, one of the most interesting regions in Europe and in the whole world. In this region we recognize international and specific points, *space*, which illustrate different processes in history, culture and traditions of different Slavic nations:

their languages, customs, and religions. The Balkans are also a kind of bridge between Europe and Asia, as they connect Western and Eastern cultures [1].

Bosnia, which is situated in Southeastern Europe, i.e. in the west part of the Balkan Peninsula, is like a connecting link or bridge between the Orthodox East and Catholic West as well as the Muslim Orient on the border of two worlds — namely that of the former Ottoman and Austro-Hungarian Empires. Having combined these cultures, this region has developed a unique atmosphere, in which Orthodoxy and Catholicism, Islam and atheism, originally Slavic, Gypsy and Jewish cultures, Balkan mentality and modern European globalization merge. Slavic, Middle Eastern and European art, music, fashion, food etc. intricately intermingled here. Such kinds of connections can be really called the essence of the Bosnian World [2. P. 79].

Being situated on the crossroads of different cultures, Bosnia and Herzegovina have become a region, interesting and varied from the historical point of view: Bosnian kings and Turkish governors, Austro-Hungarian dukes (Herzegovina) and Serbian kings, Yugoslavian Communists and modern presidents ruled here, and the latter now rule the country jointly, i.e. one president from each national minority lives on this territory. All Slavic peoples living in the Balkan say of themselves ironically: “*Sagradili smo kuću na drumu*” (*We’ve built our house on a road, i.e. on a crossroad*). This phrase is usually used as a joke about different Slavic Balkan countries. This is the region, where also the First World War started. It began from the assassination of the archduke Franz Ferdinand by Gavrilo Princip in Sarajevo on the Latin Bridge.

Nowadays Bosnia-Herzegovina has become a multicultural, multireligious and multinational center of the entire Balkan Peninsula and its art, arising in such unique and diverse environment, goes far beyond the country’s borders: people listen to the music of Goran Bregović, watch the movies of Emir Kusturica, read the novels of the Nobel Prize laureate writer Ivo Andrić.

Sarajevo is one of the largest political, economic and cultural centers of the Balkans and the capital city of Bosnia-Herzegovina. The history of Sarajevo traces its roots back into the centuries: already since XIII century this city has been the center of various influences, which had been coming to the Balkans from all over the world, and in the course of time they were being changed and adjusted to the value system of the local Slavic population with its Balkan mentality; and step by step these influences and multicultural customs took roots here interweaving with indigenous customs and traditions that as a result have given the city its unique character. Thanks to the interconnection in the organic whole in one place of Oriental Islamic, Western Catholic, Orthodox Byzantine, Jewish and Gypsy cultures, Sarajevo has earned a second metaphorical name — *The European Jerusalem*.

It is seen in Sarajevo’s architecture: each stone in this city keeps its history — old Muslim center with Islamic architecture, a labyrinth of little streets and an amazing smell of Bosnian coffee surrounded by strict and majestic

buildings in the Austro-Hungarian style, but just a couple of steps away and you are already in pompous Stalin's-Tito's style districts of the former Yugoslavia.

Sarajevo is not only a bridge between the West and the East, but it has got the glory of the bohemian city: it is like Mecca for people of art, i.e. for various artists: writers and poets, painters and philosophers, composers and musician, filmmakers, producers and actors, who are nowadays well-known all over the world.

Here could be easily found the tracks of Slavonic, eastern and European cultures, Orthodox, Catholic and Muslim (Islamic) elements in the national mentality both in history and culture, history, ethnography and language. The given region is Slavic by its nature, but at the same time not quite Slavic in the conventional sense of the word.

Research Methodology

Our observations are based on empirical material collected in the course of field research in the sphere of linguoculturology conducted in the different regions of Bosnia and Herzegovina in the period from 2008 to 2019. In this article, we use an approach based on the theoretical works of such scientists as e.g. W. Browne, J.A. Fishman, R D. Greenberg, R. Bugarski, R. Katičić, H.D. Pohl, M. Mazower, A. Pramenković [3—12], and other researchers, both linguists and historians.

Important role during the conducting of given research plays popular concept in political sciences and sociology represented by B. Anderson [13] and in sociolinguistic by W. Labov [14].

Given study takes into account the main important factors that influence the history and culture of the Balkans: among them are (a) Ottoman cultural influences, (b) establishment of local national regimes at the beginning of the twentieth century and the rule of Austro-Hungarian Monarchy in certain parts of the region, (c) establishment of Communist regime in the aftermath of WWII (except for Greece), and (d) liberalization of state-religion relations encouraged by democratic processes [15. P. 3], historical aspects are analyzed taking into account such works as, in particular, F. Karčić [16], F. Friedman [17], some religious aspects we interpret on the base of S. H. Nasr [18], common linguoculturological facts also contain A. Smajić [19], J.W.Tollefson [20], I. Lovrenović [21], I.V. Kuznetsova [22].

Sociological and Multinational Aspect

The ethnic situation in this region is quite unique, because historically on these territories, i.e. the territory of Bosnia and Herzegovina, several nations live together, having formed from the same ethnic group, the Southern Slavs. As a result of acceptance by them different religions, this common ethnic group was divided into several ethnic groups. It should be noted that religion on the Balkan Peninsula in general is the most important and the most influential factor in the formation and development of nations. Here live Bosniaks, i.e. former Catholics

and Orthodox (Serbs and Croats), who converted to Islam in the XVI century when Bosnia became a part of the Ottoman Empire, and then they inherited Muslim (Islamic) culture together with local Bosnian features, as well as Croats, who are also Slavs, but the religion they practice is Catholicism, and Orthodox Serbs. As the professor of the Belgrade University R. Bugarski has remarked, alone among the Yugoslav republics, Bosnia-Herzegovina had no absolute national majority, being split three ways into Moslems (this last a national rather than confessional identification), Serbs and Croats [6. P. 74]. They do not differ from each other neither in appearance nor in language (although they call one common language differently, depending on their formal nationality: Serbian, Croatian, and Bosnian (even so called *Bosniac* that's the language of Bosniaks), but it's very important to underline the question of national identity: Bosnian Muslims, or *Bosniaks*, don't feel themselves as a Slavic nation, and ordinary Serbian people also don't feel them as a Slavic nation, although historical, ethnological and linguistics facts say the opposite. The acts of converting religions (i.e. nations) is relatively common phenomenon in the history of Slavic Balkan, that is why there is a commonly used phrase in the language: "*Ne zna čovjek u kojoj će vjeri umrijeti*" (*Nobody knows in which religion he will die*), which is often used about something in the meaning like "*no fence against a flail*" or "*one is never safe from misfortune and trouble*", i.e. this phrase isn't about religion, but destiny [23. P. 231].

Nevertheless, at the same time the difference between them lies in the mentality, which was formed by the religion chosen long time ago, as well as in their habits and in their looks. Thus, Bosnia and Herzegovina is a state association of three ethnic groups, or, officially "*constitutive peoples*": of Bosnia and Herzegovina (this term was created especially for the unique ethnic and social situation in modern Bosnia and Herzegovina), that is reflected on the coat of arms of the state: on the blue-colored background in the form of a map of the country with a number of white stars, symbolizing belongingness to Europe, a yellow triangle, symbolizing in its turn a peaceful coexistence of the two nations, is located. Besides, less than 10% of the total population identify themselves as "*Yugoslavians*" — some kind of a peculiar *quasi-ethnonym*, which allows freely to determine their national belonging, national identity, or, vice versa, non-identity, non-belonging — mostly it is children of mixed marriages or atheists.

Besides Slavs of different beliefs and confessions here from the immemorial time live Gypsies, whose culture has deeply penetrated into the consciousness of all the three Slavic Nations, and also a significant mark on this territory left Jews, who were expelled in the 15th century from Spain and found refuge in the Ottoman Empire (in Sarajevo there are 2 synagogues and the Jewish cemetery).

Political Aspect

Modern Bosnia-Herzegovina is a special state formation, which appeared on the political world map as a result of the signing of the Dayton Peace Agreement

(1995). It consists of the Muslim-Catholic *Federation of Bosnia and Herzegovina* and the *Republika Srpska* (with the capital in Banja Luka after the last Balkan war of 90-th and according to the Dayton Agreement) with the overwhelming majority of the Orthodox population altogether comprising two entities (Federation of Bosnia and Herzegovina (BiH) and Republika Srpska (RS)). In the north of the country also lies its other part — the so-called *The Brčko District*, having a special status as a buffer zone between the two parts of Republika Srpska. It unites both parts of Republika Srpska and it is a neutral, self-governed administrative unit: it does not formally belong to either the Federation of BiH or to the Republika Srpska. All these entities are self-governed without the right to secession, i.e. withdrawal from the unified state. In its political structure Bosnia-Herzegovina is unique in the world.

At the head of the state there are three presidents representing the three constituent peoples. Each of these three presidents every eight months successively takes the highest post in the country. On one hand, the Federation of BiH elects its president from the Muslims and Croats; the Republika Srpska in turn elects the president from the Orthodox part of the population (incidentally, the same rule applies to the elections of the Football Association of Bosnia and Herzegovina). Although by its nature the state of Bosnia and Herzegovina has the status of a republic, in practice it is not a real republic due to the complexity of its internal political structure. Thus the state has features both of federation and confederation. The borders between entities and cantons divide the whole territory not so much formally as mentally: a citizen of RS hardly recognizes the coexistence of one united state with the Muslim-Catholic Federation. In their turn, Muslim-Catholic residents normally do not cross the formally missing border of the Republika Srpska.

The political and social situation is complicated by the fact that inside of the Federation itself there could be found “mental” boundaries between Catholics and Muslims. A vivid and very illustrative example of this is the city of Mostar on the Neretva River: the bridge, which connects two banks, divides the city into Catholic and Muslim parts. Local people usually do not cross this bridge but stay in their own world and pray to their own gods. Moreover, in everyday life they buy goods made by “their own” manufacturers only: Croatian ones or from Sarajevo (in particular, chocolate, beer, mineral water, etc.).

A similar situation can be observed in many other cities of the country, including Sarajevo, in which, according to the Dayton Agreement, the border between BiH and RS runs through the city. The part of the city Sarajevo belonging to RS represents quite a different world, which differs from the rest of the city: with Orthodox churches, its inhabitants consider themselves as Serbs or Yugoslavians. They don't cross a notional boundary between BiH and RS. In this part of the city we could hardly find traces of Muslim or Catholic culture, to the extent that in this part of the city it's possible to buy only goods, produced in RS only or in nearby Serbia. Before the war in the 90's this suburban area of the city of Sarajevo was

called Pale, and until now in the spoken language this title was used for the name of a Serbian part of the city Sarajevo, whereas officially immediately after the war this part was called Srpsko Sarajevo (Serbian Sarajevo) and nowadays — Novo Sarajevo (New Sarajevo), or Istočno Sarajevo (The East Sarajevo).

The modern uneasy political situation in BiH is a result of the war of the 90's, which has become one of the largest, cruelest, and bloodiest war conflicts in Europe after the Second World War. As one of the causes of the war many “Yugoslavians” usually say, that it's connected with the controversial figure of the former Head of ex-Yugoslavia — Josip Broz Tito. In the 70's he announced that his biggest political merit was to make a country in which all these different nations lived peacefully together [24]. He had achieved great success in politics and had attained great popularity, which is why nowadays the cult of Tito is very popular among Serbians, Croats and especially Bosnians, even among young people who didn't live in Tito's Yugoslavia. The evidences of this cult we may find in the language: e.g. a common phrase *Tita mi*, which is used with meaning ‘Believe me’, ‘I'm telling the truth’, ‘I swear’ (with different variants, like: *Boga mi*, *života mi*, *majke mi*, i.e. ‘I swear to God, to my life, to my mother’) quite clearly illustrates this cult [25. P. 48].

On the other hand, Tito succeeding in making “happy” his multinational country until his death in 1980, but in the early 90-th all the national problems, which were hidden by Tito's ideology and dreams about multinational “happiness”, began to grow and immediatly exploded and resulted in fratricidal war. This historical fact can be illustrated by a phrase of a modern popular Balkan poet and singer *Bajaga*: “*Tu svako može biti dušman i brat*”, i.e. here everybody can be (at the same time) a brother and an enemy.

Postwar '90s Period

The mentality and consciousness of the citizens of Bosnia and Herzegovina were greatly influenced by the Civil War in the early 90s. This war (1992—95) has had a tremendous impact on the further history and social development of Bosnian society. As well-known Balkan writer *Ivo Andrić* wrote, the interethnic hatred that burst out during this cruel and bloody conflict had “a certain function in the social development“. On the one hand, it has given birth to the modern consciousness of alienation from each other; on the other hand, it has deeply rooted in contemporary consciousness, separating for decades people, which used to be at one time neighboring, and drawing boundaries in their minds [11. P. 38]. We are not expected to support any of those opposing sides, however, it should be emphasized, that “the rage” I. Andrić wrote about has formed the modern consciousness of the inhabitants of today's Bosnia and Herzegovina, as well as other neighboring people: Serbs, Croats, and Montenegrins. This “Rage” has created boundaries in the minds of ordinary inhabitants, a kind of a “Berlin wall”, that doesn't exist in reality and isn't marked on maps, but psychologically doesn't

allow a resident of East Sarajevo to take a trolleybus and get to the Muslims' part of the city. Moreover, Eastern Orthodox part of the city of Sarajevo is completely absent on the map, as if not existing, and for a Catholic Croat to cross the bridge over the River *Neretva* and find himself in the Muslim part of the city *Mostar* is even hard to imagine.

Nowadays the country lives and continues developing, but is constantly reminded about the recent fratricidal war by the firearms traces on the dwelling houses and administrative buildings in every town in Bosnia, by the signs with the inscription "*Danger — Mines!*", and endless cemeteries on the sites of the former parks, or half-ruined buildings with traces of the bombs. In the small city *Srebrenica* a memorial complex was built to remind the victims of genocide during this war. Sarajevo's suburb there is a museum on the spot, where under the *Sarajevo International Airport* a tunnel for food and weapon delivery was dug during the almost four-year siege of Sarajevo by the *Yugoslav People's Army* (YPA) and the *Army of Republika Srpska* [6. P. 75].

Cultural Aspect

An interesting fact is, that today all Balkan people: Serbs, Croats, Bosnian Muslims, Montenegrins often ironically say: "*Jebem zemlju koja Bosne nema*" (which more or less could be translated literally in this manner: "*I don't care about a country, which doesn't have Bosnia*"), which after the war conflict of the 90-th has been transformed in common language to *Jadna je zemlja koja Bosnu ima* (*Pure is a country, which has Bosnia*). On one hand, it is a good example of a very special and outstanding Balkan sense of humor, but on the other hand, under this "idiomatic expression" a great metaphorical meaning is hidden, because this country on the whole and, first of all, Sarajevo represents by itself a center of Balkan culture. It is the place where various artists live and create their works of art: writers, painters, musicians...

For sure, we should mention so-called Bosnian *bards* and especially their special Bosnian musical folk style *Sevdalinka* also known as *Sevdah* music. Almost every citizen of Sarajevo, dropping into a café for a glass of *Rakija* (a Balkan type of fruit brandy) or a cup of coffee in the *Ka(h)fana* (a little restaurant), like Ernest Hemingway, is used to writing poems on a serviette or think over something in his head, or discuss politics with a waiter, or just enjoy music of the trams, which are whizzing past, and at the same time, he internally considers himself as a *pjesnik*, i.e. a poet and a musician in the broad sense of the word. That is the Bosnia, where the Nobel Prize winner "*Yugoslav*" *Ivo Andrić* came from, it's the streets of the city Sarajevo, where, thinking over the plot of his novels, another great writer, also "*Yugoslav*" *Mehmed "Meša" Selimović* walked down. It is Sarajevo, where from all former Yugoslavia gathered dissidents, rock-musicians, unrecognized artists, and as a result of this process exactly here arose well-known in the Balkans and far beyond of their borders singers, writers, artists,

actors and filmmakers. It is Sarajevo, where a unique international film festival is held annually.

During the times of the former socialist “Tito’s” Yugoslavia to visit Sarajevo was like to visit Mecca: everyone from *Ljubljana* to *Skopje* (as it was sung in one very popular song that has become an almost unofficial anthem of Tito’s Yugoslavia *Od Vardara do Triglva*) felt obligated to come here to give honor to the city, which lies in his heart and is part of his inner world.

Unfortunately, the war has altered a lot on the map of Bosnia and Sarajevo, but the country has survived and continued living and developing; a normal life in the country has recovered and goes on, overcoming various difficulties, in particular, difficulties of multiethnic cohabitation. And the only thing that, with no doubts, continues connecting these three unfriendly to each other nations is their common culture, music and art: Muslims listen to Croatian musicians, Serbs are fond of singers from Bosnia and Sarajevo, Croats enthusiastically, heartily and eagerly welcome entertainers from Serbia, and the Nobel Prize Winner Ivo Andrić is commonly considered as “a Great Yugoslavian Writer”.

Multicultural Aspect

In Bosnia Muslim, Orthodox, Catholic, and Jewish cultures historically interconnected and coexisted, the real evidence of which is a number of architectural monuments, primarily of religious nature. Christian cemeteries are often situated next to Muslim and Jewish ones. As a significant and remarkable example one passage from Ivo Andrić Story *Letter from 1920* could be cited:

Whoever lies awake at night in Sarajevo hears the voices of the Sarajevo night. The clock on the Catholic cathedral strikes the hour with weighty confidence: 2 AM. More than a minute passes (to be exact, seventy-five seconds — I counted) and only then with a rather weaker, but piercing sound does the Orthodox church announce the hour, and chime its own 2 AM. A moment after it the tower clock on the Beys’ mosque strikes the hour in a hoarse, faraway voice, and that strikes 11, the ghostly Turkish hour, by the strange calculation of distant and alien parts of the world. The Jews have no clock to sound their hour, so God alone knows what time it is for them by the Sephardic reckoning or the Ashkenazy. Thus at night, while everyone is sleeping, division keeps vigil in the counting of the late, small hours, and separates these sleeping people who, awake, rejoice and mourn, feast and fast by four different and antagonistic calendars, and send all their prayers and wishes to one heaven in four different ecclesiastical languages. And this difference, sometimes visible and open, sometimes invisible and hidden, is always similar to hatred, and often completely identical with it. And one more important emphatic addition in the very next sentence that could become the motto of our article: “This uniquely Bosnian hatred should be studied and eradicated like some pernicious, deeply-rooted disease” [26].

In different historical periods people, living on the territory of Bosnia, experienced the influence of Venice, Austria-Hungary, Ottoman Empire, and through the latter they were influenced by the Arabian and Persian cultures (until XX century Turkish and Arab languages had in Bosnia an official status in the business sphere; Persian, in its turn, was an advanced language of poetry). Later, it had also experienced the influence of the ideas of pan-Balkan unity within the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, as well as the Communist ideology in the times of Tito's Yugoslavia, reactionary nationalist ideas during the Civil war of 1992—95 years and in the latest, modern period of Bosnia's history — the ideas of globalization and European unity and integration.

In summary we can once again mention Ivo Andrić and his words: “*Yes, Bosnia is a country of hatred. That is Bosnia*”. We dare not forget his important (unfortunately, very apt for all epochs of social development) statement from the above cited work: “I know that hatred, like anger, has its function in the development of society, because hatred gives strength, and anger provokes action”. In general, “The idea of peace and dialogue in the Balkans is of utmost importance because of the fact that almost the entire history of the Balkans may be seen as periods between wars or between peace treaties” [12. P. 116].

Language Question

The very complicated situation has developed as well in the language policy of modern Bosnia, where at the end of the '90s the following official languages were recognized Bosnian, Croatian and Serbian (with the exception of Republika Srpska, where in the Constitution only Serbian is declared an official national (*resp.* state) language) [27].

In this connection we should mention as well, that the language situation in former Yugoslavia also was multicultural, polylingual as well as complicated. Out of the twenty seven idioms only fourteen are used in official and public communication in their standard forms: Albanian, Bulgarian, Czech, Hungarian, Italian, Macedonian, Romany, Romanian, Rusyn, Serbo-Croatian, Slovak, Slovene, Turkish and Ukrainian: speakers of these languages constitute 98.6% of the Yugoslav population [28]. At the same time, the Serbian and Croatian languages so similar (though they use different scripts) that one could speak of Serbo-Croatian language, thus reducing the number of language to three. In fact government policy through the educational system was to promote the idea of a single Serbo-Croatian language” [29. P. 19].

This “Language question” is very essential both for linguists and native speakers. As it mentioned M. Kovačić, Serbian and Croatian languages are closely related but not identical. Similarities between them are superficial, while differences are found more deeply, and many of them are based on subtleties, preferences, semantic nuances, caused by discrepancies between what is attempting to be standard and what is colloquial and by the political instability

(which resulted in the emergence of languages such as Bosnian). They certainly deserve more attention and studying, instead of being ignored by considering the two languages as politically designated variants of one, thus maintaining the confusion among native speakers and foreigners alike or taken into account out of nothing more than tolerance [30. P. 203—204].

In general, the term “The Bosnian language” sporadically occurs in legal documents and fiction beginning with the XV century (in 1890 was published the first Grammar by Franko Vuletić «Gramatika bosanskoga jezika za srednje škole» (*Bosnian grammar for the Secondary school*), which was republished in 1908 under the title «Gramatika srpsko-hrvatskog jezika» (*Grammar of the Serbian-Croatian Language*)). More detailed the historical aspect of the development of the so called Bosnian language is described, in particular, in the scientific works of L. Staničić [31], D. Vujičić [32], A. Šehović and Đ. Haverić [33] and others.

The “Bosnian language” has been experiencing its greatest actualization since the '90s since the gaining of Bosnia's statehood. Since that time this has become an official linguistic term and at the same time the standardization of Bosnian has been sought. Despite the fact that there are a large number of disagreements over such a term in the modern Slavistic, e.g. Serbian and Russian Slavists don't recognize it as an independent language, having relegated it to the Serbian, resp. Serbo-Croatian, in world practice and among linguists it has been given the status of an officially recognized language (for instance in such organisations as International Organization for Standardization, United Nations, UNESCO). Moreover, this term is normally used on the state level (e.g. the Constitution of Montenegro defines the State languages as follows: Montenegrin, Serbian, Croatian, Bosnian and Albanian).

Pure linguistic differences between Bosnian from Serbian or Croatian are minimal and not so conspicuous, which is why nowadays in world practice official names of the language are often used such as Serbo-Croat-Bosnian (SCB), Bosnian-Croatian-Serbian (BCS), or Bosnian-Croatian-Montenegrin-Serbian (BCMS) [27].

As for the citizens of the Muslim part of Bosnia and their spoken “*bosanski jezik*” (*Bosnian language*), such expressions as “*naš jezik, maternji jezik*” (*our language, mother language*) can be heard [34]. The Macedonian language underwent a similar process in its historical development — as did the languages within Montenegro and even Serbia as well [7. P. 201]. As a rule, such “self-definitions” try to escape misunderstandings and mask inconveniences in the process of communication between speakers in different regions.

Apart from some phonetic differences that are typical for the whole territory of the BCMS, the Bosnian language has also absorbed and acquired a great number of words that are Turkish in origin (so-called “Turkisms”), which would normally have Slavic equivalents and could be replaced interchangeably with them [8. P. 84]. Such Turkisms are easily recognized both in Zagreb, and in Belgrade, but such words are very remarkable and correlated with the cultural and linguistic specifics of Bosnia. Besides Turkisms, an essential part of Bosnian

vocabulary comprise Persian and Arab words, which are normally used in the religious sphere [35. P. 68].

In any case, despite their being much debate in the modern Slavistics, the term “Bosnian language” has become customary in official political use, particularly in the sphere of international relations and translation (e.g., amongst accredited interpretation agencies and internet translation services). From the linguistic point of view, in relation to this linguistic phenomenon, it would be more appropriate / most accurate to use the term “ethnolect” i.e. a variety of a language associated with a certain ethnic or cultural (resp. religious) subgroup [35]. A highly important and most interesting problem remains the variant of an “ethnolect” and the religious affiliations of language speakers, but this would be a topic for another detailed research.

Conclusion

The Balkan Peninsula is one of the most complicated from the sides of history and culture, among this region, former Yugoslavia as a country perfectly represented how complex it is. There is a saying to describe this state, “Yugoslavia was popularly described as consisting of: seven frontiers, six republics, five nationalities, four languages, three religions, two alphabets and one boss” [36. P. 5]. This “boss”, the leader of Yugoslavia, Josip Broz Tito, expressed this idea almost the same words: “I am the leader of one country which has two alphabets, three languages, four religions, five nationalities, six republics, surrounded by seven neighbours, a country in which live eight ethnic minorities” [37. P. 238].

Thus, in the modern Bosnia and Herzegovina we can recognize three cultures at once, comprehend the history of different epochs and influences — Balkan, Austro-Hungarian, Orthodox, see with our own eyes the traces of Socialist, Tito’s Yugoslavia and the post-Yugoslavian war, and also observe its peaceful present.

References

1. Jelavich, B. (1983). *History of the Balkans*, Vol. 1: Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge University Press.
2. Khmelevskii, M.S. (2015). Otrazhenie istorii, kul'tury i tradicii Bosnii v yazyke i frazeologii. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 60 (1), 79—86. DOI: <https://doi.org/10.1556/060.2015.60.1.8>. (In Russ.).
3. Browne, W. (1993). Serbo-Croat. In: *The Slavonic languages*, Bernard Comrie and Greville G. Corbett (eds.). London—New York: Routledge. pp. 306—387.
4. Fishman, J.A. (1962). The Language Factor in National Development. *Anthropological Linguistics*, 4 (1), 23—27.
5. Greenberg, R.D. (2008). *Language and identity in the Balkans: Serbo-Croatian and its disintegration*. Oxford: Oxford University Press.
6. Bugarski, R. (2001). Language, nationalism and war in Yugoslavia. *International Journal of the Sociology of Language*, 151, 69—87. DOI: <https://doi.org/10.1515/ijsl.2001.048>.
7. Bugarski, R. (2004). Language policies in the successor states of former Yugoslavia. *Journal of Language and Politics*, 3 (2), 189—207. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.3.2.04bug>.
8. Bugarski, R. (2012). *Portret jednog jezika / Urednik Ivan Čolović*. Biblioteka XX vek, Knj. 201. Beograd: Knjižara krug. (In Serb.).

9. Katičić, R. (1997). Undoing a “Unified Language”: Bosnian, Croatian, Serbian In: *Undoing and Redoing Corpus Planning*. Clyne M. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. pp. 165—191.
10. Pohl, H.D. (1996). Serbokroatisch — Rückblick ind Ausblick In: *Wechselbeziehungen zwischen Slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Ingeborg Ohnheiser (ed). Innsbruck: Istitut für Sprachwissenschaft. pp. 205—221. (In Germ.).
11. Mazower, M. (2002). *The Balkans. Short History*. New York: Modern Library.
12. Pramenković, A. (2012). Muslims and Christians in the Balkans: Historical Aspect and Contemporary Challenges without Alternative. *Milel ve Nihal: Inanç, Kültür ve Mitoloji Araştırmaları*, 9 (2), 113—122.
13. Anderson, B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso, Revised edition.
14. Labov, W. (1972). *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
15. Isanović-Hadžimerović, A. (2018). Islamic Education in the Balkans. In: Daun H., Arjmand R. (eds.) *Handbook of Islamic Education. International Handbooks of Religion and Education*, 7. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-64683-1_47.
16. Karčić, F. (1999). *The Bosniaks and the challenges of modernity: Late Ottoman and Habsburg times*. Sarajevo: El-Kalem.
17. Friedman, F. (2006). *Bosnia and Herzegovina: A polity on the brink*. London and New York: Routledge. Taylor & Francis Group.
18. Nasr, S.H. (2009). *Islam: Religion, history, and culture*. New York: HarperCollins.
19. Smajić, A. (2014). Bosnia and Herzegovina. In: J.S. Nielsen et al. (eds.), *Yearbook of Muslims in Europe*, 6. Leiden: Brill. pp. 108—127.
20. Tollefson, J. W. (2002). The language debates: preparing for the war in Yugoslavia, 1980—1991. *International Journal of the Sociology of Language*, 154, 65—82.
21. Lovrenović, I. (2002). *Bosanski Hrvati. Esej o agoniji jedne evropsko-orijentalne mikrokulturne*. Zagreb: Durieux. (In Croat.).
22. Kuznetsova, I.V. (2017). Ustojchivye sravneniya s personazhami Biblii v yazykah byvshej Yugoslavii In: *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 62 (1). Budapest: Akadémiai Kiadó. pp. 77 — 90. DOI: <https://doi.org/10.1556/060.2017.62.1.7>. (In Russ.).
23. Khmelevskii, M.S. (2013). Osobennosti frazeologii goroda Sarajeva In: *Nacional'noye i internacional'noye v slavyanskoj frazeologii*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. pp. 227 —231. (In Russ.).
24. Fischer, B.J. (eds.). (2007). *Balkan Strongmen: Dictators and Authoritarian Rulers of South Eastern Europe*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press.
25. Halilović, S., Tanović, I. & Šehović, A. (2009). *Govor grada Sarajeva i razgovorni bosanski jezik*. Sarajevo: Slavistički komitet. (In Bosn.).
26. Andrić, I. (1946). Letter from the Year 1920. URL: https://ia801009.us.archive.org/32/items/LetterFromTheYear1920_201804/Letter from the Year 1920.pdf. (accessed: 17 February 2020).
27. Bursać, A. (2006). *Bosnian, Croatian, Serbian, a Grammar with Sociolinguistic Commentary*. Wisconsin: The University of Wisconsin Press.
28. Škiljan, D. (1992). Standard Languages in Yugoslavia In: *Language Planning in Yugoslavia*. Bugarski R. and Hawkesworth C. (eds.). Columbus: Slavica Publishers, Inc. pp. 27—42.
29. Crnobrnja, M. (1996). *The Yugoslav drama*. McGill-Queen’s University Press.
30. Kovačić, M. (2005). Serbian and Croatian: One language or languages? *Jezikoslovlje*, 6 (2), 195—204.
31. Staničić, L. (1991). Jezička politika i nominacija u Bosni i Hercegovini za vrijeme austrougarske uprave In: *Književni jezik u Bosni i Hercegovini od Vuka Karadžića do kraja austrougarske vladavine*. Slavica Verlag Kovač, Muenchen. pp. 99—119. (In Serb.-Croat.).
32. Vujčić, D. (1980). Naziv jezika i upotreba pisama u Bosni i Hercegovini u vrijeme austrougarske okupacije. *Naučini sastanak slavista u Vukove dane*, 9, 181—187. (In Serb.-Croat.).
33. Šehović, A. & Haverić, Đ. (2017). *Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika*. Sarajevo: Filozofski fakultet u Sarajevu. (In Bosn.).
34. Jahić Dž., Halilović S. & Palić I. (2000) *Gramatika bosanskog jezika*. Zenica: Dom štampe. (In Bosn.).

35. Škaljić, A. (1989). *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Svjetlost. (In Serb.-Croat.).
36. Roberts, W.R. (1973). *Tito, Mihailović, and the Allies, 1941—1945*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press.
37. Hunter, T.Sh. (2017). *God on Our Side: Religion in International Affairs*. Lanhan, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield Publishers. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1268124>.

Библиографический список

1. *Jelavich B.* History of the Balkans, Vol. 1: Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
2. *Хмелевский М.С.* Отражение истории, культуры и традиций Боснии в языке и фразеологии // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2015. no 60 (1). С. 79—86. DOI: <https://doi.org/10.1556/060.2015.60.1.8>.
3. *Browne W.* Serbo-Croat // *The Slavonic languages*, Bernard Comrie and Greville G. Corbett (eds.). London—New York: Routledge, 1993. P. 306—387.
4. *Fishman J.A.* The Language Factor in National Development // *Anthropological Linguistics*. 1962. no 4 (1). pp. 23—27.
5. *Greenberg R.D.* Language and identity in the Balkans: Serbo-Croatian and its disintegration. Oxford: Oxford University Press, 2008.
6. *Bugarski R.* Language, nationalism and war in Yugoslavia // *International Journal of the Sociology of Language*. 2001. no 151. pp. 69—87. DOI: <https://doi.org/10.1515/ijsl.2001.048>.
7. *Bugarski R.* Language policies in the successor states of former Yugoslavia // *Journal of Language and Politics*. 2004. no 3 (2). pp. 189—207. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.3.2.04bug>.
8. *Bugarski R.* Portret jednog jezika / Urednik Ivan Čolović. Biblioteka XX vek, Knj. 201. Beograd: Knjižara krug, 2012.
9. *Katičić R.* Undoing a “Unified Language”: Bosnian, Croatian, Serbian // *Undoing and Redoing Corpus Planning*. Clyne M. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. pp. 165—191.
10. *Pohl H.D.* Serbokroatisch — Rückblick ind Ausblick. In: *Wechselbeziehungen zwischen Slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Ingeborg Ohnheiser (ed). Innsbruck: Istitut für Sprachwissenschaft, 1996. pp. 205—221.
11. *Mazower M.* The Balkans. Short History. New York: Modern Library, 2002.
12. *Pramenković A.* Muslims and Christians in the Balkans: Historical Aspect and Contemporary Challenges Dialogue without Alternative // *Milel ve Nihal: Inanç, Kültür ve Mitoloji Araştırmaları*. 2012. no 9 (2). pp. 113—122.
13. *Anderson B.* *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso, Revised edition, 2006.
14. *Labov W.* *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972.
15. *Isanović-Hadžiomerović A.* Islamic Education in the Balkans // *Daun H., Arjmand R.* (eds.) *Handbook of Islamic Education. International Handbooks of Religion and Education*, 7. Springer, Cham, 2018. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-64683-1_47.
16. *Karčić F.* The Bosniaks and the challenges of modernity: Late Ottoman and Habsburg times. Sarajevo: El-Kalem, 1999.
17. *Friedman F.* *Bosnia and Herzegovina: A polity on the brink*. London and New York: Routledge. Taylor & Francis Group, 2006.
18. *Nasr S. H.* *Islam: Religion, history, and culture*. New York: HarperCollins, 2009.
19. *Smajić A.* Bosnia and Herzegovina // *J.S. Nielsen et al.* (eds.), *Yearbook of Muslims in Europe*, 6. Leiden: Brill, 2014. pp. 108—127.
20. *Tollefson J.W.* (2002). The language debates: preparing for the war in Yugoslavia, 1980—1991 // *International Journal of the Sociology of Language*. 2002. no 154. pp. 65—82.
21. *Lovrenović I.* *Bosanski Hrvati. Esej o agoniji jedne evropsko-orijentalne mikrokulture*. Zagreb: Durieux, 2002.
22. *Кузнецова И.В.* Устойчивые сравнения с персонажами Библии в языках бывшей Югославии // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. no 62 (1). pp. 77—90. DOI: <https://doi.org/10.1556/060.2017.62.1.7>.

23. *Хмелевский М.С.* Особенности фразеологии города Сараево // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии. Грайфсвальд: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2013. С. 227—231.
24. *Fischer B.J.* (eds.). *Balkan Strongmen: Dictators and Authoritarian Rulers of South Eastern Europe*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2007.
25. *Halilović S., Tanović I., Šehović A.* Govor grada Sarajeva i razgovorni bosanski jezik. Sarajevo: Slavistički komitet, 2009.
26. *Andrić I.* (1946). Letter from the Year 1920. Режим доступа: [https://ia801009.us.archive.org/32/items/LetterFromTheYear1920_201804/Letter from the Year 1920.pdf](https://ia801009.us.archive.org/32/items/LetterFromTheYear1920_201804/Letter%20from%20the%20Year%201920.pdf). (дата обращения: 17.02.2020).
27. *Bursać A.* *Bosnian, Croatian, Serbian, a Grammar with Sociolinguistic Commentary*. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2006.
28. *Škiljan D.* Standard Languages in Yugoslavia. In: *Language Planning in Yugoslavia*. Bugarški R. and Hawkesworth C. (eds.). Columbus: Slavica Publishers, Inc., 1992. pp. 27—42.
29. *Crnobrnja M.* *The Yugoslav drama*. McGill-Queen's University Press, 1996.
30. *Kovačić M.* Serbian and Croatian: One language or languages? // *Jezikoslovlje*. 2005. no 6 (2). pp. 195—204.
31. *Staničić L.* Jezička politika i nominacija u Bosni i Hercegovini za vrijeme austrougarske uprave. In: *Književni jezik u Bosni i Hercegovini od Vuka Karadžića do kraja austrougarske vladavine*. München: Slavica Verlag Kovač, München, 1991. pp. 99—119.
32. *Vujičić D.* Naziv jezika i upotreba pisama u Bosni i Hercegovini u vrijeme austrougarske okupacije // *Naučini sastanak slavista u Vukove dane*. 1980. no 9. pp. 181—187.
33. *Šehović A., Haverić Đ.* *Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika*. Sarajevo: Filozofski fakultet u Sarajevu, 2017.
34. *Jahić Dž., Halilović S., Palić I.* *Gramatika bosanskog jezika*. Zenica: Dom štampe, 2000.
35. *Škaljić A.* *Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku*. Sarajevo: Svjetlost, 1989.
36. *Roberts W.R.* *Tito, Mihailović, and the Allies, 1941—1945*. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1973.
37. *Hunter T.Sh.* *God on Our Side: Religion in International Affairs*. Lanhan, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield Publishers, 2017. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1268124>.

Information about the authors:

Alexandr V. Savchenko, Ph.D., Assistant Professor, Department of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University (Taiwan); *research interests*: phraseology; lexicography and semantics; comparative linguistics; problems of interaction of language and culture, historical roots of Slavic vocabulary and phraseology; *e-mail*: savchenko75@mail.ru

Mikhail S. Khmelevskii, Ph.D., Associate Professor, Faculty of Philology, St.-Petersburg State University (Russia); *research interests*: phraseology; comparative linguistics; problems of interaction of language and culture, historical roots of Slavic vocabulary and phraseology; *e-mail*: chmelevskij@mail.ru

Информация об авторах:

Савченко Александр Викторович, кандидат филологических наук, ассистент-профессор кафедры славянских языков и литератур Государственного университета Чжэнчжи (Тайвань); *научные интересы*: фразеология; лексикография и семантика; сравнительная лингвистика; проблемы взаимодействия языка и культуры, историческая лексикология и фразеология славянских языков; *e-mail*: savchenko75@mail.ru.

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Россия); *научные интересы*: фразеология; сравнительная лингвистика; проблемы взаимодействия языка и культуры, историческая лексикология и фразеология славянских языков; *e-mail*: chmelevskij@mail.ru.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571

УДК: 811.161.1'37:821.161.1

Научная статья / Research article

Метод текстового семантического поля как возможность системного подхода к изучению художественного текста: на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»

Ван На¹, Ярослав Кобылко^{1,2}

¹ Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 7, Москва, Российская Федерация, 117198

² Варшавский университет
ул. Krakowskie Przedmieście, 26/28, Варшава, Польша, 00-927

²jaroslaw.kobyлко@yandex.ru

Статья посвящена выявлению объяснительного потенциала метода текстового семантического поля как метода системного в понимании характера связей разных уровней художественного текста, что позволяет выйти на сверхкатегорию образа автора, выступающую как организирующее начало художественного текста. Таким образом, текстовое семантическое поле выступает и объектом, и методом проведенного исследования. Исследование проводилось на материале романа И.С. Тургенева. Сравнение полученных результатов с характером формирования текстовых семантических полей в текстах иной этиологии, представленном О.И. Валентиновой в исследованиях полифоничных текстов и в исследовании литургийной проповеди, проведенном М.Ю. Медведевым, позволило получить дополнительные результаты. Методом сравнительного анализа было установлено, что преодоление оппозиций естественного языка, имманентно свойственное художественному тексту, может проявляться в большей или меньшей степени: от ослабления семантических оппозиций общеупотребительного языка за счет усиленного семантического сближения неявно связанных семантических единиц, что можно наблюдать, как показывает проведенное исследование, в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», до совершенного разрушения оппозиций естественного языка, исходно присущего эстетике полифонии. Проведенное сравнение позволило уточнить, что принципы организации текстовых семантических полей в художественных текстах могут выполнять противоположные функции: способствовать повышению семиотической значимости категории образа, как это происходит в анализируемом нами романе И.С. Тургенева, или, напротив, свидетельствовать о снижении семиотической значимости категории образа, что является конститутивным свойством полифоничных текстов. Применение сравнительного метода позволило также показать, что преодоление оппозиций естественного языка, являясь механизмом образования текстовых семантических полей не только художественного текста, но и семиотически сложных текстов иной этиологии, выполняет разные функции. Сравнение характера образования текстовых семантических полей в художественных текстах с принципом образования текстовых полей в православной литургий-

© Ван Н., Кобылко Я., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ной проповеди позволило уточнить, что если разрушение оппозиций естественного языка в художественном тексте формирует окказиональные оппозиции, выводящие на «я» художника, то преодоление оппозиций естественного языка в литургийной проповеди выводит на онтологические смыслы, существующие вне воли и сознания проповедника.

Ключевые слова: текстовое семантическое поле, системный подход, художественный текст, контекст, семантическая оппозиция

История статья:

Дата поступления: 10.03.2020

Дата приема в печать: 10.04.2020

Для цитирования:

Ван Н., Кобылко Я. Метод текстового семантического поля как возможность системного подхода к изучению художественного текста: на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 560—571. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571

UDK: 811.161.1'37:821.161.1

Text Semantic Field Method as a Possibility of Systemic Approach to the Study of Literary Text: on the Material of the Novel “HOME OF THE GENTRY” by I.S. Turgenev

Van Na¹, Jaroslaw Kobylko^{1,2}

¹RUDN University

6, Miklukho-Maklaya, Moscow, Russian Federation, 117198

²University of Warsaw

26/28, Krakowskie Przedmieście, Warsaw, Poland, 00-927

²jaroslaw.kobylko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the explanatory potential of the text semantic field method as a system method in understanding the nature of connections between different levels of a literary text. It allows us to reach the super-category of the author's image, which acts as the organizing beginning of a literary text. Thus, the text semantic field is both the object and the method of the research. The method of comparative analysis revealed that the overcoming of natural language oppositions, inherent in the artistic text, can be manifested to a greater or lesser extent: from the weakening of semantic oppositions of natural language due to the enhanced semantic convergence of implicitly related semantic units, which can be observed, as shown by the study, in the novel by I.S. Turgenev “Home of the Gentry”, to the complete destruction of natural language oppositions, originally inherent, as it was proved in the works of O.I. Valentinova, in the aesthetics of polyphony. The comparison made possible to clarify that the principles of the organization of text semantic fields in artistic texts can perform opposite functions: to increase the semiotic significance of the image category, as it happens in the novel analyzed by I.S. Turgenev, or, on the contrary, as proved in the research of O.I. Valentinova, to indicate a decrease in the semiotic significance of the image category, which is a constitutive property of polyphonic texts. The use of the comparative method also allowed us to show that overcoming the oppositions of natural language, as a mechanism for the formation of text semantic fields not only of a literary text, but also semiotically

complex texts of a different etiology, performs different functions. A comparison of character education text semantic fields of literary texts with the study of E.Yu. Medvedev the principle of formation of the text fields in the Orthodox liturgical sermons have clarified that if the destruction of the oppositions of natural language in a literary text generates occasional oppositions, will appear on the 'me' of the artist, overcoming the oppositions of natural language in liturgical preaching brings to the ontological meanings that exist outside of the will and consciousness of the preacher.

Key words: text semantic field, systematic approach, literary text, context, semantic opposition

Article history:

Received: 10.03.2020

Accepted: 10.04.2020

For citation:

Van Na, Jaroslaw Kobylko (2020). Text Semantic Field Method as a Possibility of Systemic Approach to the Study of Literary Text: on the Material of the Novel "HOME OF THE GENTRY" by I.S. Turgenev. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 560—571. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-560-571

Введение

Понятие текстового семантического поля в филологическую науку вводит профессор Л.А. Новиков, раскрывая его содержание через соотнесение с понятием языкового семантического поля [1].

Текстовое семантическое поле в понимании Л.А. Новикова представляет собой систему окказиональных (в сравнении с языковым семантическим полем) группировок и оппозиций лексических единиц и их значений, которые в художественном тексте существуют в неявно выраженной форме и нуждаются в выведении. Текстовое семантическое поле в сравнении с языковым семантическим полем обладает большей размытостью, подвижностью, динамичностью и гибкостью и меньшей определенностью [2. С. 556], однако именно в текстовом семантическом поле обнаруживают себя творческие намерения автора, авторский замысел.

Особенности текстового семантического поля

В текстовом семантическом поле сложно определить ядро и периферию, в решении этого вопроса нельзя полагаться на принципы определения ядра в языковом семантическом поле.

Обычно считается, что критериями структурирования текстового поля выступают такие признаки лексических единиц, как идейно-художественная значимость, функционально-эстетическая нагрузка, смысловое наполнение, частота употребления в тексте. Действительно, если художественный текст представляет собой поток сознания, то повторяться и закрепляться будет именно то, что тревожит художника. Очевидно, однако, что большее закрепление того или иного элемента формируемого текстового поля далеко не всегда достигается лексическими повторами (что могло бы свидетельствовать о движении (устремлении) этого элемента в ядерную часть поля), а

обнаруживается крайне сложно. Кроме того, показателем высокой эстетической ценности того или иного элемента может быть и однократное резкое нарушение формирующихся регулярных (в том числе семантических) отношений в тексте. Поэтому каждый раз вопрос о выявлении актуализированного элемента через обнаружение способа его актуализации будет решаться исследователем только в отношении определенного художественного текста, иначе можно приписать тексту чуждые ему смыслы.

Затруднительным при реконструкции текстового семантического поля может оказаться и определение его центра, а значит, и определение названия, имени поля.

Именем языкового поля обычно служит слово, значение которого характеризуется однозначностью, отсутствием эмоциональной окраски и образности [3. С. 153]. В художественном же тексте значения слов, оказывающихся в эпицентре категории эстетически значимого, характеризуются высокой образностью [4. С. 357—358; 5. С. 625]. Поэтому имя, присваиваемое текстовому семантическому полю, может оказаться условным.

Сложность реконструкции текстового поля определяется и тем обстоятельством, что значения составляющих его единиц и семантические отношения между ними обуславливаются контекстом.

Разрабатывая системные принципы исследования семиотически сложных текстов, к которым, безусловно, относятся представляющие собой вторичную моделирующую систему художественные тексты, О.И. Валентинова вводит понятие смыслоформирующего контекста, подчеркивая — в свете предлагаемого ученым системного подхода — *методологическую необходимость* «понимания смыслоформирующего контекста как категории динамичной, меняющейся в разных точках текста и направление, и траекторию движения, и объем, склонной то к сужению, то к расширению, работающей при определенных условиях в пределах текста или выходящей за его пределы в культурно-историческую среду» [6. С. 408]. Чем сложнее семантическая структура художественного текста, тем сложнее определить границы смыслоформирующего контекста каждой отдельной единицы. Смыслоформирующий контекст может находиться в разных точках текста, может располагаться отдаленно от семантизируемого элемента, может быть равным всему тексту. Неверно установленные пределы контекста нарушат внутреннюю связь, присущую тексту, и создадут препятствия для его правильного истолкования: «Вопрос об установлении границ смыслоформирующего контекста является принципиальным в решении проблемы достоверного понимания» [там же]. Необходимо отметить, что понятие смыслоформирующего контекста в концепции О.И. Валентиновой значимо для определения смысловой, а значит и эстетической, ценности любого элемента текста любого уровня: смыслоформирующий контекст — «контекст, организующий и закрепляющий семантическую структуру слова, значение высказывания, функцию (предназначение) конструктивного элемента текста любого уровня» [там же].

Преодоление семантических оппозиций естественного языка

Художественный текст «может нейтрализовать различия единиц, принадлежащих в языке разным полям, и наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами» [7. С. 176], а значит, в основе организации текстового семантического поля лежит преодоление оппозиций естественного языка (см. О.И. Валентинова: 8; 9; 10; Е.Ю. Медведев: 11; 12).

Преодоление же оппозиций естественного языка, имманентно свойственное художественному тексту, может проявляться в большей или меньшей степени: *от ослабления семантических оппозиций естественного языка* за счет усиленного семантического сближения неявно связанных семантических единиц, что можно наблюдать, как мы покажем далее, в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», *до совершенного разрушения оппозиций естественного языка*, исходно присущего, как это было доказано в работах О.И. Валентиновой, эстетике полифонии, поскольку «в гипертрофированном полифоничном тексте **одно и то же высказывание может принадлежать разным субъектам, быть направленным на разные объекты и обладать сколь угодно обширным спектром значений без каких бы то ни было ограничений** (выделено нами. — В.Н., Я.К.). При этом все значения многозначного высказывания обнаруживают тенденцию к равномерной актуализации и склонны переходить с одного объекта речи на другой, независимо от того, какое именно значение связывалось с тем или иным образом в линейной реальности текста» [8. С. 145]. Наделение же высказывания «*сколь угодно обширным спектром значений без каких бы то ни было ограничений*» [там же] предполагает принципиальное разрушение оппозиций естественного языка.

Однако преодоление оппозиций естественного языка является конститутивным свойством не только художественного текста. Оно характерно и для семиотически сложных текстов иной этиологии, например, как показал М.Ю. Медведев [11; 12; 13], для православной литургийной проповеди, составленной на русском языке. И в эстетике полифонии, и в православной литургийной проповеди, составленной на русском языке, семантические оппозиции естественного языка разрушаются принципиально. Однако конечные функции преодоления семантических оппозиций естественного языка будут разными. В полифонии итогом разрушения будет создание «апокрифической этической картины мира» [8. С. 254]. И если формирование апокрифичной картины мира как общий вектор семантического развития полифоничных текстов, — типологически значимое свойство эстетики полифонии [8], а значит, может воспроизводиться в пространстве и во времени разными художниками, то внутренняя реализация этой семантической тенденции, наполнение определенными смыслами всегда будет сугубо индивидуальным, причем не только для каждого отдельного мастера, но и для каждого отдельно произведения.

Напротив, формирование семантических оппозиций православной литургийной проповеди, составленной на русском языке, за счет преодоления оппозиции естественного языка будет характеризоваться устойчивостью не только общего семантического вектора, но в значительной степени и его наполнения, поскольку задача составителя проповеди — не выразить свое «я», а выйти на онтологические достоверные смыслы, которые в русской культуре в ходе длительного взаимодействия духовного, церковнославянского и повседневного (сначала древнерусского, потом русского) исказились в семантической структуре современного русского языка. Поэтому «переустановление семантических оппозиций считается одним из принципов организации литургийной проповеди» [11. С. 654]. Иначе невозможно преодолеть иллюзию понимания у неподготовленных слушателей, ошибочно приписывающих концептуально значимым высказываниям литургийной проповеди, составленной на русском языке, значения омонимичных высказываний естественного языка. Между светской и богословской семиотическими системами наблюдается асимметричность, поэтому «точки отсчета установления противоположностей в каждой из систем не совпадают» [11. С. 659].

Преодоление оппозиций естественного языка в литургийной проповеди выводит на онтологические смыслы, существующие вне воли и сознания проповедника, разрушение оппозиций естественного языка в художественном тексте — выводит на «я» художника, ведь произведение искусства единично, и потому возникающие в эстетически организованном пространстве семантические оппозиции будут окказиональными.

Формирование семантических сгущений в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»

В романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» к усиленному семантическому сближению устремляются единицы, имеющие смысловые пересечения и в общеупотребительном языке. Например: *сплетничать*, *хитрить*, *сочинять*.

Уточним контекст. Гедеоновский приходит в дом Калитиных в гости и приносит всем новость о Лаврецком: Лаврецкий уже вернулся в Россию и выздоровел.

«Федя! — воскликнула Марфа Тимофеевна. — Да ты [Гедеоновский], полно, не сочиняешь ли, отец мой?»

Никак нет-с, я их (Федю) самолично видел. — Ну, это еще не доказательство.

Очень поздоровели, — продолжал Гедеоновский, показывая вид, будто не слышал замечания Марфы Тимофеевны...

Да-с, — возразил Гедеоновский, — другой на его месте и в свет-то показаться посовестился бы.

Это отчего? — перебила Марья Тимофеевна, — это что за вздор? Человек возвратился на родину — куда ж ему деться прикажете? И благо он в чем виноват был!

Марфа Тимофеевна быстро взглянула на него [Гедеоновского].

А тому назначается, — возразила она, — кто никогда не сплетничает, не хитрит и не сочиняет, если только есть на свете такой человек. ... — А ты [Гедеоновский] теперь, мой батюшка, на ком угодно зубки точи, хоть на мне [Марфе Тимофеевне] [14. С. 11—12].

Сплетничать означает ‘разносить сплетни’, то есть ‘недоброжелательные или порочащие слухи о ком-нибудь, распространяемые на основании неверных, неточных и измышленных сведений’ [15]; *хитрить* — ‘придумывать замысловатое, хитрое, искусное’, *сочинять* — ‘придумывать, вымышлять’, а *точить зубки на ком-то* — ‘пустословить, болтать вздор о ком-то’ [16]. Эти значения зафиксированы в толковых словарях, но в романе И.С. Тургенева они вступают в отношения взаимопредположения.

Все они характеризуют образ Гедеоновского: Гедеоновский — это ‘тот, кто сочиняет’, ‘тот, кто хитрит и сплетничает’, а также ‘тот, кто показывает вид, притворяется’, ‘тот, кто говорит вздор’, ‘тот, кто зубки точит на ком-то, то есть говорит о ком-то зло’, ‘тот, кто принужденно, то есть через силу, искусственно улыбается’.

Образуемые в романе И.С. Тургенева текстовые семантические сгущения, имеющие потенциальную возможность развиваться в текстовые семантические поля, тесно связаны с определенными образами Гедеоновского, Лаврецкого, Паншина и Варвары Павловны.

Содержательная структура образа Гедеоновского опирается на текстовое семантическое поле, компоненты которого тесно связаны, но логические отношения между ними можно обозначить только как взаимопредполагающие друг друга, без дальнейшего уточнения:

‘тот, кто повздыхал бы вместе с кем-то — кто соврал бы что-нибудь — тот, кого вытащили за уши из грязи — кто выглядит смиренным — кто солжет — кто насплетничает — кто все лижет ручки — попович — непотенный — неприятный’.

Одновременно формируется более слабое текстовое поле ‘почтенный — приятный — тихий — кто предан — о ком равнодушно нельзя вспомнить — не без греха, как все’:

Фрагмент разговора Марфы Тимофеевны с Марьей Дмитривной:

«Что это Гедеоновский нейдет? — проговорила Марфа Тимофеевна, проворно шевеля спицами. — Он бы повздыхал вместе с тобою, — не то соврал бы что-нибудь.

Как вы всегда строго о нем отзываетесь! Сергей Петрович — почтенный человек.

Почтенный! — повторила с укоризной старушка.

*И как он покойному мужу был **предан!** — проговорила Марья Дмитриевна, — до сих пор вспомнить о нем **равнодушно** не может.*

*Еще бы! Тот его за уши **из грязи вытащил**, — проворчала Марфа Тимофеевна, и спицы еще быстрее заходили в ее руках.*

*Глядит таким **смиренником**, — начала она снова, — голова вся седая, а что рот раскроет, то **солжет** или **насплетничает**. А еще **статский советник!** Ну, и то сказать: **попович!***

*Кто же без **греха**, тетушка? Эта **слабость** в нем есть, конечно. Сергей Петрович воспитания, конечно, не получил, по-французски не говорит; но он, воля ваша, **приятный** человек.*

*Да, он **ручки** у тебя все **лижет**. По-французски не говорит, — эка беда! Я сама не сильна во французском «диалекте». Лучшие бы он ни по-каковски не говорил: не **лгал** бы. Да вот он, кстати, **легок на помине**, — прибавила Марфа Тимофеевна, глянув на улицу. — **Вон он шагает, твой приятный человек**» [14. С. 10].*

Антонимичные текстовые поля, которые можно рассматривать и как полюса одного поля, отражают композиционную расстановку образов, проясняющую отношение к образу Гедеоновского: с одной стороны — Мария Дмитриевна, а с другой — Марфа Тимофеевна.

Крайне интересны текстовые антонимы: *попович* — *статский советник*.

Тестовые семантические поля формируются вокруг каждого образа. Еще пример: ‘знакомство водящая с *артистами, пианистами, львами, зверями* — стыд потерявшая совершенно — женщина, ведущая себя неосторожно — нрава непостоянного — которым правила с детства не внушены’

И снова формируемое поле не только характеризует образ-объект высказываний, но и субъектов этих высказываний, а значит, объективно проясняет композиционную расстановку образов, выводит на достоверное понимание особенностей образно-композиционного уровня художественного текста.

*«Да-с, да-с. Ведь она [Варвара Павловна], говорят, и с **артистами**, и с **пианистами**, и, как там по-ихнему, со **львами** да со **зверями** знакомство вела. **Стыд потеряла совершенно...**» [14. С. 12].*

*«— Ах, Сергей Петрович, как я [Марья Дмитриевна] подумаю, как нам, женищинам, нужно **осторожно вести себя!***

*— **Женщина** женищине розь, Марья Дмитриевна. Есть, к несчастью, такие — **нрава непостоянного...** ну, и лета; опять **правила не внушены** сызмала. Такие женищины, конечно, бывают. Но вообще говоря, если рассудить, то есть... **Пыль в горode необыкновенная**, — заключил он [там же].*

Еще пример.

*«**Простить!** — подхватил Лаврецкий. Простить эту женищину [Варвару Павловну], принять ее опять в свой дом, ее, это **пустое, бессердечное существо!** И кто вам сказал, что она хочет возвратиться ко мне? **Имя ее***

не должно быть произносимо вами. Вы слишком чисты, вы не в состоянии даже понять такое **существо**.

Зачем оскорблять! — с усилием проговорила Лиза. — Вы сами ее оставили, Федор Иванович.

*Но я же вам говорю, — возразил с невольным взрывом нетерпенья Лаврецкий, — вы не знаете, какое это **создание!*** [14. С. 72].

‘Кого невозможно простить, принять в свой дом — эта женщина — пу-стая — чье имя не должно быть произносимо чистым человеком — бессердечная — существо, создание’.

Условием для вхождения этих элементов в текстовое поле будет не только синтаксическая позиция, линейные условия их взаимодействия в тексте, но их связанность с характеризуемым ими образом.

Одновременно текстовые семантические поля выводят нас на «я» художника, проявляющееся в тексте в большей степени бессознательно, поскольку художественный текст представляет собой поток сознания:

‘холодный — хитрый — караулить — высматривать — никогда не забыть, не увлечься вполне — пленять — плут — прельстить’:

*В душе он [Панишин] был **холоден и хитр**, и во время самого буйного кутежа его умный карий глазок **все караулил и высматривал**; этот смелый, этот свободный юноша никогда **не мог забыть и увлечься вполне*** [14. С. 15]

Не нравится он [Панишин] вам [Марфе Тимофеевне]? — сказал Лаврецкий.

*Да, не всех же ему **пленять**. Будет с него и того, что вот Настасья Карповна в него [Панишина] влюблена. ...*

*И ведь знает, **плут**, — перебила ее [Марью Дмитриевну] Марфа Тимофеевна, — знает, чем ее **прельстит**: табакерку ей подарил* [14. С. 58].

На уровне естественного языка семантическое пересечение могло бы образоваться между лексемами *холодный* в значении ‘равнодушный, ничего не принимающий к сердцу’ и *хитрый*, а также *караулить* и *высматривать*. В текстовом семантическом поле сближаются все эти элементы, оказываясь в отношениях взаимопредположения.

Пленять — ‘покорить, подчинить своему очарованию’, *плут* — ‘хитрец, лукавец’, *прельстит* — ‘возбудить страсть, влечение’ [17].

Так текстовое поле закрепляется в разных точках линейного развития текста голосами разных героев.

Заключение

Реализуясь и закрепляясь на эстетико-языковом уровне художественного текста, текстовые семантические поля достоверно свидетельствуют об особенностях образно-композиционного уровня художественного текста. Однако характер соотношения текстовых семантических полей с образами

может свидетельствовать как о выполняемой текстовым семантическим полем функции повышения семиотической значимости категории образа (что мы наблюдали на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»), так и о функции снижения семиотической значимости категории образа (как это происходит в полифоничных текстах). Независимо от выполняемой функции текстовые семантические поля позволяют исследователю выйти на категорию образа автора, образ изобразителя, отраженный в изображенном.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Семантическое поле как текстовая структура // Теория поля в современном языкознании. Материалы научно-теоретического семинара. Ч. IV. Уфа, 1997. С. 3—6.
2. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля // Л.А. Новиков. Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 554—570.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976.
4. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Выш. шк., 1982.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1995.
6. Валентинова О.И. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Языки славянских культур, 2016. С. 171—301.
7. Новикова М.Л. Отстранение как основа языковой семантики и структуры художественного текста: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2005.
8. Валентинова О.И. Семиотика полифонии. М.: РУДН, 2005.
9. Валентинова О.И. «Братья Карамазовы»: семантическое расследование // Русская речь. 2006. no 3. С. 7—13.
10. Валентинова О.И. Ф.М. Достоевский: учимся понимать // Русский язык за рубежом. 2006. no 3. С. 80—85.
11. Медведев Е.Ю. Переустановление семантических оппозиций как один из принципов организации литургийной православной проповеди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. no 8 (3). С. 654—663.
12. Медведев Е.Ю. К вопросу о важности разграничения светской семиотической системы и религиозной семиотической системы при работе с богословскими текстами // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: международная конференция: V Бодуэновские чтения (Казанский федеральный университет, 12—15 октября 2015 года): труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. Т. 1. С. 227—229.
13. Медведев Е.Ю. Мера интерпретации библейского текста в литургийных проповедях разных составителей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. no 6 (4). С. 147—157.
14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); М.П. Алексеев (гл. ред.). М.: Наука, 1981. Т. 6.
15. Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1992.
16. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] В.И. Даля. Ч. 1—4. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863—1866.
17. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003.
18. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
19. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959.

20. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
21. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. М.: Едиториал УРСС, 2003.
22. Hoey M. Patterns of Lexis in Text [M]. Oxford: Oxford University Press, 1991.
23. Piaget J. Le structuralism. Paris, 1968.
24. Viet J. Les méthodes structuralistes dans les sciences sociales. Hague, 1965.
25. Zhu Yongsheng et al. Comparative Study of English Textual cohesive methods in English texts [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001.

References

1. Novikov, L.A. (1997). Semantic field as a text structure. Field Theory in Modern Linguistics In *Materials of the scientific and theoretical seminar. Part IV*. Ufa. pp. 3—6. (In Russ.).
2. Novikov, L.A. (2001). Sketch of the semantic field. In *L.A. Novikov. Selected Works. Vol. 2. Aesthetic aspects of the language. Miscellanea*. Moscow: RUDN University Press. pp. 554—570. (In Russ.).
3. Karaulov, Yu.N. (1976). *General and Russian ideography*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Novikov, L.A. (1982). *Semantics of the Russian language*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
5. Trubetskoy, N.S. (1995). History. Culture. Language. Moscow: Publishing group «Progress», «Univers». (In Russ.).
6. Valentinova, O.I. (2016). Systematic approach to the study of text and style: justification of the causal typology of texts In *O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhensky, M.A. Rybakov Systematic view as the basis of philological thought*. Moscow: Languages of Slavic cultures. pp. 171—301. (In Russ.).
7. Novikova, M.L. (2005). Detachment as the basis of language semantics and structure of a literary text: Monograph. Moscow: RUDN University Press. (In Russ.).
8. Valentinova, O.I. (2005). *Semiotics of Polyphony*. Moscow: RUDN University Press. (In Russ.).
9. Valentinova, O.I. (2006). “The Brothers Karamazov”: Semantic investigation. *Vestnik “Russkaya rech”*, 3, 7—13. (In Russ.).
10. Valentinova, O.I. (2006). F.M. Dostoevsky: learning to understand. *Russian Language Abroad*, 3, 80—85. (In Russ.).
11. Medvedev, E.Yu. (2017). Resetting semantic oppositions as one of the principles for organizing liturgical Orthodox sermons. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 654—663. (In Russ.).
12. Medvedev, E.Yu. (2015). On the issue of the importance of distinguishing the secular semiotic system and the religious semiotic system when working with theological texts. *I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics: international conference: V Baudouin readings* (Kazan Federal University, October 12—15, 2015): *works and materials*. 2015. — Т. 1, 227—229. (In Russ.).
13. Medvedev, E.Yu. (2015) Measure of interpretation of the biblical text in liturgical sermons of different authors. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 6 (4), 147—157. (In Russ.).
14. Turgenev, I.S. (1981). Complete works and letters: In 30 vols. Academician of Sciences of the USSR, Institute of Russian Literature (Pushkin House); M.P. Alekseev (Ed.). Moscow: Nauka, Vol. 6. The noble nest; The day before; First love: [Novels, short story], 1858—1860. [Prep. and note. M.P. Alekseeva et al.]. (In Russ.).
15. Ozhegov’s Explanatory dictionary. S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 1949—1992. (In Russ.).
16. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. [Op.] V.I. Dahl. Part 1—4. Moscow: The island of lovers of Russian literature, institution. at the Imperial Moscow University, 1863—1866 (4 t.). (In Russ.).
17. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by D.N. Ushakova. Moscow: State. Inst. “Sov. Encyclical”; OGIZ; Gos. State publishing house of foreign and national words, 1935—1940. (4 t.). (In Russ.).

18. Bakhtin, M.M. (1979). *Esthetics of verbal creativity*. Moscow. (In Russ.).
19. Vinogradov, V.V. (1959). *About the language of fiction*. Moscow: Goslitizdat. pp. 84—166. (In Russ.).
20. Lotman, Yu.M. (1970). *The structure of the literary text*. Moscow. (In Russ.).
21. Novikov, L.A. (2003). *Literary text and its analysis*. Second edition, corrected. Moscow: URSS editorial. (In Russ.).
22. Hoey, M. (1991). *Patterns of Lexis in Text* [M]. Oxford: Oxford University Press.
23. Piaget, J. (1968). *Le structuralism*. Paris.
24. Viet, J. (1965). *Les méthodes structuralistes dans les sciences sociales*. Hague.
25. Zhu, Yongsheng et al. (2001). *Comparative Study of English Textual cohesive methods in English texts* [M]. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.

Сведения об авторах:

Van Na, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва); *сфера научных интересов*: теория языка, семиотика, семантика; *e-mail*: helenvanna@yandex.ru.

Ярослав Кобылко, кандидат филологических наук, Варшавский университет (Польша, Варшава); приглашенный преподаватель, ассистент кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов (Россия, Москва); *сфера научных интересов*: терминоведение, лингвистическая семантика, системный подход к исследованию текстов; *e-mail*: jaroslaw.kobylko@yandex.ru.

Information about the authors:

Van Na, Post-graduate student of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *Research Interests*: language theory, semiotics, semantics; *e-mail*: ke6831@yandex.ru.

Jaroslaw Kobyлко, Ph.D., University of Warsaw (Poland, Warsaw), invited teacher, the Russian language Department № 2, Faculty of Russian language and General education, RUDN University (Russia, Moscow); *Research Interests*: terminology, linguistic semantics, system concept; *e-mail*: jaroslaw.kobylko@yandex.ru.

Функциональная грамматика Functional Grammar

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-572-584

УДК: [811.161.1:811.113.6]’36

Научная статья / Research article

Типичные грамматические особенности официально-деловых текстов в русском и шведском языках

И.В. Матыцина

МГУ им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, Москва, Российская Федерация, 119991

imatits@gmail.com

Данная статья посвящена сравнительному анализу параллельных текстов Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства (*Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott*) на шведском и русском языках. Шведский и русский тексты кардинально разнятся по своей лексике и грамматической структуре. Причина этих несовпадений кроется, во-первых, в типологических различиях, существующих между русским и шведским как языками, принадлежащими к разным группам, во-вторых, в тех процессах осознанного упрощения и регулирования, действию которых шведский язык официально-делового общения подвергался и подвергается в последние пятьдесят лет, в частности, в связи с политикой «доступного языка» (*klarspråk*). Русский язык официально-делового общения, несмотря на некоторые инновации, во многом продолжает оставаться достаточно традиционным. В статье рассматривается узкий спектр вопросов, связанных с различиями в грамматической структуре предложения и преобладанием именных структур в русском тексте по сравнению с вербально (=глагольно) ориентированным шведским. Сопоставление параллельных текстов и систематизация отличий между русским и шведским языками официально-делового общения — необходимый этап анализа для построения сравнительной характеристики этих функциональных стилей в России и Швеции. Исследование проводится методом сплошной выборки с применением метода лингвистического описания грамматической структуры высказываний. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по сравнительной типологии русского и шведского языков, стилистике, теории и практике перевода.

Ключевые слова: шведский язык официально-делового общения, русский язык официально-делового общения, сравнительный анализ, грамматические особенности, трансформации

© Матыцина И.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.04.2020

Дата приема в печать: 15.05.2020

Для цитирования:

Матыцина И.В. Типичные грамматические особенности официально-деловых текстов в русском и шведском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 572—584. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-572-584

UDK: [811.161.1:811.113.6]36

Typical Grammatical Peculiarities of Formal and Business Writing in the Russian and Swedish Languages

Irina V. Matytsina

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation, 119991
imatits@gmail.com

Abstract. The article deals with comparative analysis of the Russian-Swedish parallel texts of the Convention between the Government of the Russian Federation and the Government of the Kingdom of Sweden about mutual assistance in the fight against the violation of the tax legislation (*Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott*). The Swedish and Russian texts differ immensely in their lexical and grammatical structure. The reason for these discrepancies is rooted, firstly, in typological distinctions between Russian and Swedish as languages of different groups and, secondly, in those processes of conscious simplification and regulation that the Swedish Language of formal business communication have been affected by during the last fifty years particularly in relation to clear language policy (*klarspråk*). In spite of some innovations the Russian Language of formal business communication in many ways continues to be traditional enough. The article is focused on a narrow range of issues relating to differences in grammatical structure of a sentence and prevailing nominal structures in the Russian text as compared with the verb oriented Swedish one. The juxtaposition of parallel texts and further systematization of differences between the Russian and Swedish Languages of formal and business communication makes it possible to give a comparative characteristic of this functional style existing in Russia and Sweden. The research is carried out by means of the continuous sampling method using the method of linguistic description to characterize utterance structure in grammar. Research results can be used in courses on a comparative typology of Russian and Swedish, stylistics, the theory and practice of translation.

Key words: the Swedish Language, the language of formal and business communication, The comparative analysis, grammatical peculiarities, transformations

Article history:

Received: 01.04.2020

Accepted: 15.05.2020

For citation:

Matytsina, I.V. (2020). Typical Grammatical Peculiarities of Formal and Business Writing in the Russian and Swedish Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 572—584. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-572-584

Введение

Шведский язык официально-делового общения незаслуженно обойден вниманием российских лингвистов, несмотря на то, что он представляет собой очень интересный для исследования феномен. Трудно представить себе что-либо более далекое от русского языка официально-делового общения, чем его шведский функциональный аналог. Причина этих несовпадений кроется, во-первых, в типологических различиях, существующих между русским и шведским как языками, принадлежащими к разным группам, во-вторых, в тех процессах осознанного упрощения и регулирования, действию которых шведский язык официально-делового общения подвергался и подвергается в последние пятьдесят лет, в частности, в связи с политикой «доступного языка» (*klarspråk*) [1; 2]. В то же время русский язык официально-делового общения, несмотря на некоторые инновации, во многом продолжает оставаться достаточно традиционным [3. § 4; 4. С. 6, 8; 5. С. 182; 6. С. 3].

Сопоставление параллельных текстов договоров, написанных на русском и шведском языке, позволяет выделить грамматические и лексические особенности русского и шведского языка официально-делового общения, систематизировать их и на этой основе предложить характеристику данного функционального стиля в России и Швеции. В качестве материала для исследования в настоящей статье используется Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства [7] и *Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott* [8]. Исследование проводится методом сплошной выборки с применением метода лингвистического описания грамматической структуры высказываний. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по сравнительной типологии русского и шведского языков, стилистике, теории и практике перевода.

Анализ параллельных текстов свидетельствует о том, что шведский и русский варианты Соглашения отличаются структурой фраз, актуальным членением предложения, способами выражения модальности и некоторыми другими параметрами. Однако в данной статье мы остановимся только на синтаксических и морфологических особенностях шведского и русского текстов.

Анализ материала

1. Согласованные и несогласованные определения

А) Беспредложная генитивная конструкция в шведском — беспредложная генитивная конструкция в русском

(1) *Avtal mellan Konungariket Sveriges regering och Ryska Federationens regering* — Соглашение между Правительством Королевства Швеция и Правительством Российской Федерации ...

(2)... *vägleds av sina länders lagstiftning och internationella åtaganden* — ... руководствуясь законодательством и международными обязательствами **своих государств**

(3) *Om dessa myndigheters namn skulle ändras ...* — В случае изменения наименования **компетентных¹ органов** ...

Во всех приведенных примерах генитивный оборот выступает в роли несогласованного субстантивного определения к существительному и характеризует определяемое существительное по месту (1), (2) или по принадлежности (3).

Как видно из примеров, в роли несогласованного определения может выступать как имя собственное, так и имя нарицательное. В русском языке эти генитивные сочетания занимают позицию после определяемого существительного (правительство, законодательство, наименование), в шведском стоят в препозиции к нему.

Б) Предложная субстантивная конструкция в шведском — беспредложная генитивная конструкция в русском

Существительное с предлогом в составе таких конструкций является несогласованным субстантивным определением, которое может передавать целый ряд оттенков значения. Наиболее часто такие определения **раскрывают и уточняют содержание** абстрактного понятия, выраженного определяемым словом:

(4) с предлогом *mot*:

-brott mot tullagstiftningen liksom mot skattelagstiftningen — нарушения таможенного и налогового **законодательства**

В шведском постпозитивное несогласованное определение, выраженное субстантивным сочетанием с предлогом *mot*, в русском — беспредложное генитивное сочетание, стоящее в постпозиции к определяемому слову.

¹ В случае частичного ослабления семантики прилагательное «компетентный» в русском языке может употребляться в значении «соответствующий, данный» и сближаться по своей семантике с указательным местоимением. Как отмечает С.В. Соколова [9], в русском языке происходит процесс грамматикализации и превращения некоторых прилагательных и причастий в определенные и неопределенные детерминативы. Так, например, слова *настоящий, данный, подобный, последний, соответствующий, (выше) упомянутый* и др. сближаются по значению с указательным местоимением *этот*, а *известный, определенный* и некоторые другие — с неопределенным местоимением *некоторый*. Этот процесс сопровождается частичной десемантизацией упомянутых лексем и сдвигами в их семантике. Например, слово *настоящий* наряду со значением «происходящий в текущий момент времени» приобрело значение «именно этот, тот, о котором идет речь», это же значение развилось у лексемы *данный* наряду со значением «исходный, заданный», которое является основным в математических текстах. Однако, «несмотря на функциональное сходство этих единиц, в их семантике наблюдаются некоторые отличия. Детерминатив *настоящий* привязан к речевому акту и поэтому обычно связан с глаголом в настоящем времени» [9]. Это словоупотребление отражает принцип иконичности, характерный для научных и официальных текстов: «внешне усложняя номинацию, эти лексемы маркируют тексты особой важности. Можно сказать, что наряду с традиционной системой местоимений в русском языке формируется новая система, обслуживающая определенные типы текстов» [9].

(5) с предлогом *av*:

anordnande av personalutbildning — организация обучения кадров

... *utbyte av erfarenheter vad avser inrättande och drift av informationssystem* ... — обмен опытом по созданию и функционированию информационных систем

В шведском — субстантивное сочетание с предлогом *av*, в русском — беспредложное сочетание с существительным в форме родительного (обучения) или творительного (опытом) падежа.

(6) с предлогом *för*:

ersättning för kostnaderna — возмещение расходов

В шведском субстантивное сочетание с предлогом *för*, в русском — постпозитивное беспредложное генитивное сочетание.

Также несогласованные определения могут характеризовать определяемое по месту:

(7) *föreskrifterna i denna artikel* ... — положения настоящей статьи ...

... *behörig myndighet i en avtalsslutande part* — ... компетентный орган договаривающейся стороны

В шведском языке субстантивное сочетание с предлогом, в котором определяющий компонент (предлог *i* + местоимение/причастие I + существительное) стоит в постпозиции к определяемому слову и имеет локативное значение, в русском несогласованное определение выражено генитивным беспредложным сочетанием (местоименное слово/причастие I + сущ.), которое стоит после определяемого слова. Как видно из примеров, шведским предложным словосочетаниям в русском тексте последовательно соответствуют «цепочки существительных» с родительным (в редких случаях с другим косвенным) падежом:

В) Композит в шведском языке — существительное + согласованное определение, выраженное именем прилагательным, в русском

(8) *-brott mot tullagstiftningen liksom mot skattelagstiftningen* — нарушения таможенного и налогового законодательства

В шведском языке существует развитая система образования сложных слов [10. С. 221] различной морфологической структуры, которая является чрезвычайно продуктивной словообразовательной моделью. В условиях неразвитости класса относительных прилагательных окказиональные композиты (сложные слова) широко используются для передачи значений, которые в русском языке передаются при помощи сочетания существительного с относительным прилагательным.

Г) Композит в шведском языке — существительное + обособленное определение, выраженное прилагательным с зависимыми словами, в русском языке

(9) *Dessa myndigheter skall gemensamt komma överens om tillämpningsbestämmelser.*

Компетентные органы совместно договариваются о мероприятиях, необходимых для исполнения настоящего Соглашения

В шведском — композит с абстрактным, неспецифицированным значением (= применение + правила», *правила применения*), в русском — сочетание существительного и обособленного определения, причем определяемому слову *bestämmelser* «правила, условия» в русском тексте соответствует слово с максимально абстрактной семантикой *мероприятия*, которое уточняется за счет использования обособленного определения, в состав которого вводится модальное прилагательное *необходимый* и отглагольное существительное с предлогом (*для исполнения*), имеющее объектную валентность. Поэтому в состав обособленного определения также включается беспредложная генитивная конструкция с уточняющим значением (*настоящего Соглашения*).

Д) Причастие-компози́т в шведском языке — простое причастие в русском языке

(10) *De avtalsslutande parterna* — *Договаривающиеся стороны*

В шведском причастие-компози́т (*avtalsslutande* = заключающие договор, ср. *sluta avtal* — заключать договор), в русском — причастие от глагола несовершенного вида *договариваться*.

Русское соответствие имеет более общее значение, поскольку глагол *договариваться* является непереходным и обозначает действие, не направленное на конкретный объект.

II. Употребление предлогов и союзов

Е) Простой подчинительный союз в шведском — составной подчинительный союз в русском

(11) *Om en framställning om bistånd inte kan följas ...* — **В случае если** запрос об оказании помощи не может быть выполнен ...

Простому шведскому союзу *om* в русском варианте соответствует составной союз *в случае если*. Употребление отыменных предлогов и союзов, по мнению Н.С. Валгиной [11. С. 131], является характерной чертой официально-делового стиля.

Ж) Предложное сочетание в шведском — придаточное предложение в русском

(12) *Den ena avtalsslutande partens behöriga myndighet skall ... lämna den andra avtalsslutande partens behöriga myndighet alla upplysningar om brott mot lagstiftning ...* — Компетентный орган одной Договаривающейся Стороны предоставляет по запросу компетентного органа другой Договаривающейся Стороны всю информацию, которая ... имеет отношение к нарушениям законодательства ...

(13) ... *upplysningar om personer som är kända eller misstänkta för att begå brott ...* — информацию, которая касается лиц, подозреваемых в совершении преступлений ...

(14)... *upplyssningar om förfaringssätt vid import och export* — ... *информацию, которая касается импортно-экспортных операций* ...

Одним из распространенных способов передачи значений шведского предлога *om* (о) в текстах официально-делового стиля являются личные и неличные формы глагола *касаться*, а также глагольно-именного сочетания *иметь отношение*. В данном случае мы имеем дело с определительными придаточными предложениями, в которых сказуемое выражено личной формой этих глаголов (однако вместо придаточного здесь мог бы быть причастный оборот, см. след. пункт).

3) **Предложное сочетание в шведском — причастный оборот в русском** — *upplyssningar om brott mot lagstiftning* ... — *информацию, касающуюся нарушений законодательства* (перевод мой, И.М.).

Шведскому субстантивному сочетанию с предлогом *om* в русском языке соответствует постпозитивный причастный оборот с действительным причастием настоящего времени от глагола *касаться* с ослабленной семантикой.

(15)... *urkunder med alla tillgängliga upplyssningar om ... aktiviteter* ... — *документы, содержащие всю имеющуюся информацию, касающуюся действий* ...

В этом примере обе шведские предложные конструкции — с предлогами *med* и *om* — переданы на русский язык при помощи причастных оборотов. Причем значение предлога *med* передано при помощи действительного причастия настоящего времени от глагола *содержать* (*содержащие*), а предлога *om* — от глагола *касаться* (*касающиеся*) (ср. пункт Ж).

(16)... *tjänstemännen skall höras om fakta som de har inhämtat i tjänsten* — ... *сотрудники будут давать показания, относящиеся к фактам, выявленным ими в ходе исполнения своих служебных обязанностей*

Анализ материала свидетельствует о том, что данное соответствие (шв. предлог (чаще всего *med* или *om* — рус. личная или неличная форма глаголов *содержать*, *касаться*, *относиться/иметь отношение* к) является очень характерным для текстов официально делового стиля. Для русского языка такие выражения являются канцелярским клише, в котором глагол/причастие имеет размытое, неспецифицированное значение.

И) **Придаточное предложение в шведском — предложное сочетание в русском**

(17) *Avtalet träder i kraft ... dagar efter det att den sista underrättelsen tagits emot.* — *Настоящее Соглашение вступает в силу через ... дней после получения последнего уведомления.*

(18) *Detta avtal kan sägas upp skriftligen på diplomatisk väg och upphör att gälla ... månader efter det att en sådan uppsägning tagits emot av ...* — *Настоящее соглашение может быть прекращено путем письменного уведомления по дипломатическим каналам и утратит свою силу через ... месяцев с даты получения такого уведомления* ...

В шведском варианте в главном предложении используется обстоятельство времени ... *månader* и коррелият *efter det*, за которым следует изъяснительное придаточное предложение с союзом *att* и перфектом смыслового глагола (*tagits emot*), который обозначает законченное действие в будущем (букв. "... договор перестает действовать через ... месяцев после того, как такое решение [о его прекращении] будет принято"). В русском тексте мы видим простое предложение с однородными сказуемыми, осложненное несколькими обстоятельствами, в частности, двумя субстантивными предложными конструкциями с темпоральным значением: 1) предлог *через* + сущ. со значением отрезка времени (день, месяц) и 2) предлог *после/с* + субстантивная группа. Субстантивное сочетание с предлогом *с* (*даты*) точно указывает начало отсчета времени, а сочетание с предлогом *после* указывает на последовательность событий во времени.

(19) *Om dessa myndigheters namn skulle ändras ...* — **В случае** изменения наименования компетентных органов ...

Условному придаточному предложению с союзом *om* и субъектно-предикатной группой (*namn skulle ändras*) в шведском соответствует в русском языке субстантивное сочетание с отыменным предлогом *в случае* и цепочкой существительных в форме родительного падежа (*в случае изменения наименования*) [ср. 12. С. 24].

К) Субстантивное предложное сочетание в шведском — атрибутивное сочетание в русском

(20) ... *upplyssningar om förfaringssätt vid import och export* — ... информацию, которая касается импортно-экспортных операций ...

Неразвитость системы относительных прилагательных в шведском языке [10. С. 222] приводит к употреблению сложных слов (п.п. В и Г) и субстантивных предложных сочетаний на месте русских конструкций с относительными прилагательными. Шведским однородным обстоятельствам времени *vid import och (vid)export*, выраженным существительными с предлогом *vid*, соответствует в русском тексте сложное прилагательное импортно-экспортный.

Л) Конструкция с сложно-составным предложным сочетанием в шведском — конструкция с непроизводным предлогом в русском

(21) ... *utbyte av erfarenheter vad avser inrättande och drift av informationssystem* ... — обмен опытом по созданию и функционированию информационных систем

Данный пример представляет собой достаточно редкий случай, когда в шведском тексте употреблено сочетание с предложной конструкцией (*prepositionsliknande uttryck*) *vad avser* «в отношении» (букв. «что касается») [13. С. 31] с уточняющей атрибутивной семантикой, а в русском — субстантивное словосочетание с непроизводным предлогом *по*, являющееся несогласованным определением к существительному *опыт*.

М) Конструкция с простым производным предлогом в шведском — производным предлогом в русском

Гораздо чаще встречаются случаи, когда производному шведскому предлогу соответствует производный русский предлог, например:

(22) ... *information överförd på elektronisk väg* — ... материалы ... переданы **посредством** электронных средств передачи информации

Непроизводному шведскому предлогу *på*, выражающему обстоятельственные отношения образа действия, соответствует производный отыменный русский предлог *посредством*, выражающий инструментальные отношения.

(23) *undersökningar av förfaringssätt som strider mot den lagstiftning ...* — ... расследование **в отношении** действий, которые противоречат законодательству ...

Шведскому простому предлогу *av* соответствует в русском варианте отыменный сложно-составной предлог *в отношении*.

(24) *föreskrifterna i punkt 1 skall inte hindra användningen av upplysningar vid eventuella rättsliga eller administrativa förfaranden ...* — положения пункта 1 ... не препятствуют использованию информации **в случае** судебного или административного разбирательства ...

Значение сочетания с производным шведским предлогом *vid* с временной семантикой в русском языке передается при помощи сочетания с производным отыменным предлогом *в случае*, который выражает условно-темпоральные отношения (модальность потенциальности) [14] в шведском тексте передается лексически при помощи прилагательного *eventuell* «возможный»).

Н) Конструкция с простым производным предлогом в шведском — сложно-составным предлогом в русском

(25) *upplysningar som lämnats enligt detta avtal* — информация, переданная **на основании** настоящего Соглашения ...

(26) *meddelanden som erhållits enligt detta avtal ...* — материалы, полученные **в соответствии с** настоящим Соглашением ...

В шведских фразах мы видим предлог *enligt* наречного происхождения, выражающий абстрактные отношения соответствия, в русских фразах используются сложно-составные предлоги *в соответствии, на основании* со значением основания действия (= согласно).

Значительное преобладание в текстах официально-делового стиля производных и сложно-составных предлогов объясняется свойственной этому стилю клишированностью, а также стремлением к точности и однозначности формулировок. Как отмечает В.В. Виноградов, «Составные предложные сочетания имеют строго очерченный узкий круг значения и употребления. Напротив, значения простых, производных предлогов, особенно тех, которые являются наиболее формальными, абстрактными, настолько многочисленны и так разнородны, иногда даже противоречивы, что эти предлоги

вместе с простыми союзами, без сомнения, образуют наиболее многозначный тип слов-морфем в русском языке» [15].

Выводы

Сопоставление грамматических структур в двух параллельных текстах еще не дает достаточно материала для создания развернутой характеристики языка официально-делового общения в России и Швеции, однако наглядно демонстрирует особенности этих двух функциональных разновидностей языков и подтверждает нашу гипотезу об их принципиальном различии [16].

Безусловно, в основе этих различий лежат типологические характеристики рассматриваемых языков (например, в нашем материале это продуктивность словосложения как одного из наиболее эффективных способов образования новых слов в шведском языке), однако не менее важную роль в создании сегодняшнего облика языка официально-делового общения в России и Швеции играют позднейшие процессы нормирования и регулирования языка [17—25].

Реформа языка официально-делового общения и его сближение с другими разновидностями книжно-письменного языка, происходящая в Швеции в русле политики «доступного языка» с 80-х годов XX века, ведет к упрощению конструкций и стиранию некоторых черт, характерных для шведского канцелярита прошлых веков [26—30].

В целом можно сделать вывод о том, что для шведского текста Соглашения характерно наличие более четко выраженных пространственно-временных отношений за счет употребления предложных конструкций вместо цепочек генитивов в русском языке, употребление стилистически не маркированных простых неизменяемых предлогов вместо производных и составных предлогов в русском, использование сочетаний с предлогом там, где в соответствующей русской фразе употребляются субъектно-предикатные конструкции и обособленные обороты, в состав которых включены семантически ослабленные слова с широким неспецифицированным значением, использование глагольных форм вместо отглагольных абстрактных существительных. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на очевидную принадлежность шведского текста к официально-деловой функциональной разновидности литературного языка, степень его стилистической маркированности ниже, чем у его русского аналога, поскольку он имеет в своем составе много нейтральных языковых средств, характерных для любого шведского книжного стиля.

Библиографический список

1. *Wellander E.* Hur bör våra myndigheters språk utvecklas — tidsenligt eller stilenligt? // *Svensk Juristtidning*. Arg. 51. 1966. no 4. С. 241—295. (In Swedish).
2. *Wellander E.* Styrd språkutveckling // *Svensk Juristtidning*. Arg. 52. 1967. no 9. С. 617—629.

3. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014), § 4.
4. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания. 2013. no 5. С. 3—27.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Corpus, 2017.
6. Месеняшина Л.А. (ред.) Русский язык для делового общения. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1996.
7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Швеция о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства (ННЗ) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901722918> (дата обращения: 07.04.2020).
8. Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott (Соглашение между королевством Швеция и Правительством Российской Федерации о взаимной помощи в области борьбы с нарушениями налогового законодательства) (AvF) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.regeringen.se/49c82b/contentassets/2bce335acc484b549b3f606b23553b18/avtal-med-ryska-federationen-om-samarbete-inom-halsa-och-sociala-fragor> (дата обращения: 07.04.2020).
9. Соколова С.В. Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка, дис. ... канд. филол. наук, 2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/dinamicheskie-protsessy-v-sisteme-mestoimennykh-slov-sovremennogo-russkogo-yazyka> (дата обращения: 07.04.2020).
10. Маслова-Лауанская С.С. Учебник шведского языка. СПб: Петро-РИФ, 1995.
11. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
12. Родоман Н.В. Английский для магистрантов. Курс политического перевода: лексический аспект. М.: МГИМО, 2009.
13. Myndigheternas skrivregler. Режим доступа: <https://www.regeringen.se/49b6d1/contentassets/5b473488ef174cff9d6dc405f9da6f1b/myndigheternas-skrivregler> [Электронный ресурс] (дата обращения: 07.04.2020).
14. Тимофеева С.В. Система значений онтологической модальности // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования». Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2015/03/9427> (дата обращения: 07.04.2020).
15. Виноградов В.В. Русский язык [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=2> (дата обращения: 07.04.2020).
16. Матыцина И.В. Трансформации как средство переключения языкового кода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. Т. 161, кн. 5—6. С. 147—157.
17. Ehrenberg-Sundin B. Klarspråksarbetet i Sverige, Klart språk i Norden, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/ksn/article/viewFile/18303/15960> (дата обращения: 20.06.19).
18. Svarta listan — ord och fraser som kan ersättas i författningsspråk. PM 2011:1. [Электронный ресурс].
19. Режим доступа: <https://www.regeringen.se/rapporter/2011/10/pm-20111/> (дата обращения: 20.06.19).
20. Hedlund A. Klarspråk lönar sig: handbok för ett effektivt klarspråksarbete. Stockholm: Norstedts juridik, 2013.
21. Bendegard S. Klarspråksarbetets villkor i samband med EU:s rättsaktsöversättning [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.uio.no/> (дата обращения: 08.04.20).
22. Ny förvaltningslag. Betänkande av förvaltningsrättsutredningen//SOU 1983:73. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regina.kb.se/sou/> (дата обращения: 20.06.19).
23. Några riktlinjer för författningsspråket // Statsrådsberedningen PM 1994:4, rev. 1998.06.30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.regeringen.se/rapporter/1999/06/pm-19944/> (дата обращения: 20.06.19).

24. Mål i mun. Förslag till handlingsprogram för svenska språket//SOU 2002:27. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regina.kb.se/sou/> (дата обращения: 20.06.19).
25. *Матыцина И.В.* Основные тенденции развития шведского языка во второй половине XX века. Шведский язык сегодня и завтра // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. М.И. Стеблин-Каменского. Санкт-Петербург: Наука, 2003. С. 150—162.
26. *Чекалина Е.М.* Особенности языковой ситуации и языковая политика в современной Швеции // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. no 6. С. 9—22.
27. *Bergman G.* Kortfattad svensk språkhistoria. Stockholm: Prisma, 1970.
28. *Wellander E.* Kommittésvenska — en undersökning och ett försök till riktlinjer // SOU 1950:26. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regina.kb.se/sou/> (дата обращения: 20.06.19).
29. *Moberg L.* Svenskt och tyskt i det medeltida Stockholm//Svenskan i tusen år, red. Moberg L., Westman M. Stockholm: Norstedts Akademiska förlag, 2005. pp. 31—50.
30. *Матыцина И.В.* О возникновении и развитии канцелярского языка в Швеции (по материалам шведских исследований) // Синхрония. Диахрония. Текстология. К юбилею Е.М. Чекалиной. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 224—233.
31. *Матыцина И.В.* Шведский язык делового общения в XIV—XVIII вв. // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2016. no 2. С. 25—33.

References

1. Wellander, E. (1966). Hur bör våra myndigheters språk utvecklas — tidsenligt eller stilenligt? *Svensk Juristtidning. Arg.* 51 (4). pp. 241—295. (In Swedish).
2. Wellander, E. (1967). Styrd språkutveckling. *Svensk Juristtidning. Arg.* 52 (9), 617—629. (In Swedish).
3. *The Federal Law On the State Language of the Russian Federation.* 01.06.2005. § 4. (In Russ.).
4. Mustajoki, A. (2013). Varieties of Russian: Analysis and Classification. *Problems of Linguistics*, 3—27. (In Russ.).
5. *Krongaus, M.* (2017). *Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown.* M.: Corpus. (In Russ.).
6. Mesenyashina, L.A. (1996). *Russian Language for Business Communication.* Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russ.).
7. Convention between the Government of the Russian Federation and the Government of the Kingdom of Sweden about mutual assistance in the fight against the violation of the tax legislation. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901722918> (accessed: 07.04.2020).
8. Avtal mellan konungariket Sveriges regering och Ryska federationens regering om ömsesidigt bistånd vid bekämpning av vissa fiskala brott. URL: <https://www.regeringen.se/49c82b/contentassets/2bce335acc484b549b3f606b23553b18/avtal-med-ryska-federationen-om-samarbete-inom-halsa-och-sociala-fragor> (accessed: 07.04.2020). (In Swedish).
9. Sokolova, S.V. (2007). *Dynamic Processes in the System of Pronominal Words in Modern Russian: PhD in Philology.* URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamicheskie-protsessy-v-sisteme-mestoinnennykh-slov-sovremennogo-russkogo-yazyka> (accessed: 07.04.2020). (In Russ.).
10. Maslova-Lashanskaya, S.S. (1995). *Swedish Language Textbook.* Saint Petersburg: Petro-RIF. (In Russ.).
11. Valgina, N.S. *Theory of the Text.* Moscow: Logos. (In Russ.).
12. Rodoman, N.V. (2009). English for Master's Students. *A Course on Political Translation: Lexical Aspect.* Moscow: MGIMO. (In Russ.).
13. Myndigheternas skrivregler URL: <https://www.regeringen.se/49b6d1/contentassets/5b473488ef174cff9d6dc405f9da6f1b/myndigheternas-skrivregler>.
14. Timofeyeva, S.V. The System of Ontological Modal Meanings//Electronic scientific & practical journal *Humanities Scientific Researches*. URL: <http://human.snauka.ru/2015/03/9427>. (accessed: 07.04.2020). (In Russ.).

15. Vinogradov, V.V. The Russian Language. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=2> (accessed: 07.04.2020). (In Russ.).
16. Matytsina, I.V. (2019). Transformations as the Main Means of Code Switching. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 161 (5—6), 147—157. (In Russ.).
17. Ehrenberg-Sundin, B. (1999). Klarspråksarbetet i Sverige, Klart språk i Norden. [Электронный ресурс]. URL: <http://ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/ksn/article/viewFile/18303/15960> (accessed: 20.06.19). (In Swedish).
18. Svarta listan — ord och fraser som kan ersättas i författningsspråk. *PM* 2011:1. URL: <https://www.regeringen.se/rapporter/2011/10/pm-20111/> (accessed: 20.06.19). (In Swedish).
19. Hedlund, A. (2013). *Klarspråk lönar sig: handbok för ett effektivt klarspråksarbete*. Stockholm: Norstedts juridik. (In Swedish).
20. Bendegard, S. Klarspråksarbetets villkor i samband med EU:s rättsaktsöversättning. URL: <https://journals.uio.no/> (accessed: 08.04.20). (In Swedish).
21. Ny förvaltningslag. Betänkande av förvaltningsrättsutredningen//SOU 1983:73. URL: <http://regina.kb.se/sou/> (accessed: 20.06.19). (In Swedish).
22. Några riktlinjer för författningsspråket//Statsrådsberedningen PM 1994:4, rev. 1998.06.30. URL: <https://www.regeringen.se/rapporter/1999/06/pm-19944/> (accessed: 20.06.19). (In Swedish).
23. Mål i mun. Förslag till handlingsprogram för svenska språket//SOU 2002:27. URL: <http://regina.kb.se/sou/> (accessed: 20.06.19). (In Swedish).
24. Matytsina, I.V. (2003). *Trends in the Linguistic Development since 1945. The Swedish Language Today and Tomorrow* In *The Proceedings of the International Conference to Commemorate the 100th Anniversary of Prof. M.I. Stebli-Kamensky's Birth*. Saint-Peterburg: Nauka. pp. 150—162. (In Russ.).
25. Tchekalina, E.M. (2019). The Linguistic Situation and Language Policy in Modern Sweden. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. 9. Philology*, 6, 9—22. (In Russ.).
26. Bergman, G. (1970). *Kortfattad svensk språkhistoria*. Stockholm: Prisma. (In Swedish).
27. Wellander, E. Kommitte'svenska — en undersökning och ett försök till riktlinjer // SOU 1950:26. URL: <http://regina.kb.se/sou/> (accessed: 20.06.19). (In Swedish).
28. Moberg, L. (2005). Svenskt och tyskt i det medeltida Stockholm. *Svenskan i tusen år, red. Moberg L., Westman M.* Stockholm: Norstedts Akademiska förlag. pp. 31—50.
29. Matytsina, I.V. (2016). The Emergence and Development of the Officialse in Sweden (Based on Swedish Studies). *Synchrony. Dyachrony. Textology. Festschrift in Honor of Professor Elena Tchekalina's Anniversary*. Moscow: MAKS Press. pp. 224—233. (In Russ.).
30. Matytsina, I.V. (2016). The Language of the Law and Documents from the 14th to 18th Centuries. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Philology*, 2, 25—33. (In Russ.).

Сведения об авторе

Матыцина Ирина Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; *сфера научных исследований* включает грамматику и прагматику шведского языка, проблемы перевода и формального и делового шведского языка; *e-mail*: imatits@gmail.com.

Information about the author:

Irina V. Matytsina, PhD in Philology, Associate Professor of the German and Celtic philology Faculty of the Lomonosov Moscow State University; *the sphere of research* includes grammar and pragmatics of Swedish, the problems of translation and formal and business Swedish; *e-mail*: imatits@gmail.com.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-585-595

УДК: [811.161.1:811.222.1]367.322

Научная статья / Research article

Инфинитивные вопросительные предложения в русском и персидском языках: модальные значения потенциальности и оперативности

Амир Хосейни Алиасгар¹, Табассом Хакрах Кахнамун

Тегеранский университет
ул. Норс Каргар, 15/16, г. Тегеран, Иран, 1417466191
¹amhoseini@ut.ac.ir

Статья посвящена изучению инфинитивных вопросительных предложений со значениями потенциальности и оперативности в русском языке и рассмотрению способов их передачи на персидский язык. Как для русского, так и для персидского языков характерны вопросительные синтаксические конструкции и соответствующий круг их значений. В русском языке инфинитив является формой глагола, в персидском же языке он функционирует как имя существительное. Неопределенная форма глагола в русском языке способна передавать различные субъективные и объективные модальные значения, в частности, значения потенциальности и оперативности, что не характерно для персидского инфинитива, хотя он и передает значения желательности, возможности, необходимости, долженствования, неизбежности, сомнения, побуждения и др. В определенных контекстах совмещение модальных значений желания и возможности образует значение потенциальности, в выражении которой принимают участие различные языковые средства: интонация, лексические и грамматические единицы, семантические компоненты, участвующие в оформлении данного предложения, а в других контекстах при сочетании модальных значений желательности и побудительности проявляется так называемое модальное значение оперативности при использовании этих же языковых средств. Как таковые, названные значения не характерны для персидского инфинитива, который, прежде всего, по своим грамматическим характеристикам принадлежит к именам существительным, поэтому в персидском языке обозначенные смыслы могут передаваться и другими языковыми средствами. Настоящее исследование ищет ответ на вопрос о том, как или какие языковые средства оказываются языковыми аналогами в передаче семантики потенциальности и оперативности в персидском языке, что выражается в русских инфинитивных вопросительных предложениях или риторических вопросах. В ходе исследования, выполненного на материале русских драматургических произведений М.Ю. Лермонтова «Люди и страсти», А.П. Чехова «Вишневый сад» и романа А.Н. Толстого «Хожение по мукам», были рассмотрены вопросительные предложения разных типов: инфинитивные вопросительные предложения и риторические вопросы с инфинитивом-сказуемым, выражающим семантику потенциальности и оперативности. В процессе сопоставления были рассмотрены переводы этих произведений на персидский язык с целью выявления сходств и различий языковых средств, использованных для передачи семантики вопросительных инфинитивных предложений.

Ключевые слова: инфинитив, инфинитивные вопросительные предложения, значение потенциальности, значение оперативности, русский язык, персидский язык

© Хоссейни А.А., Табассом Хакрах Кахнамун, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2019

Дата приема в печать: 15.02.2020

Для цитирования:

Хоссейни А.А., Табассом Хакрах Кахнамуи Инфинитивные вопросительные предложения в русском и персидском языках: модальные значения потенциальности и оперативности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 3. С. 585—595. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-585-595

UDK: [811.161.1:811.222.1]367.322

Infinitive Interrogative Sentences in Russian and Persian: Modal Meanings of Potentiality and Efficiency

Amir A. Hoseini¹, Tabassom Khakrah Kahnamouei

Tehran University

15/16, North Kargar Street, Tehran, Iran, 1417466191

¹ amhoseini@ut.ac.ir

Abstract. The article is a study of infinitive interrogative sentences bearing meanings of potentiality and efficiency in Russian and the means to render those in Persian. Both for Russian and Persian, such interrogative syntactic constructions and the relevant range of meanings are typical. As is known, in Russian infinitive is a verbal form though in a sentence it can combine the noun-and-verb functions, while in Persian, infinitive functions as a noun. As a rule, so-called Russian ‘indefinite verbal form’ reflects various subjective and objective modal meanings, in particular, those of potentiality and efficiency which differs in Persian rather to reflect modal meanings of desirability, possibility, necessity, the must, inevitability, doubt, motive, etc. In relevant contexts the combination of modal meanings of desirability and possibility forms the potentiality meaning which is expressed by various linguistic means to form sentences: intonation, lexical and grammatical units, semantical components; other contexts of using such linguistic means to combine modal meanings of desirability and motive reveal the meaning of efficiency. The meanings themselves are not characteristic of Persian infinitive primarily due to their grammatical properties and belong to nouns therefore in Persian the mentioned above meanings and senses could be reflected by other linguistic means as well. The task of the study is to tackle the question of what are the means and manner they might make linguistic analogy to transmit semantics of potentiality and efficiency in Persian, while they are expressed in Russian infinitive interrogative sentences and rhetorical questions. The article treats infinitive interrogative sentences and rhetorical questions with infinitive as a predicate to render the semantics of potentiality and efficiency on the drama texts by M.Yu. Lermontov and A.P. Chekhov and the epic novel by A.N. Tolstoy. In course of comparative study, the translations into Persian of those texts were involved to find out similarities and differences of linguistic means used to reflect and reveal the semantics of infinitive interrogative sentences.

Key words: infinitive, infinitive interrogative sentences, meaning of potentiality, meaning of efficiency, Russian language, Persian language

Article history:

Received: 01.10.2019

Accepted: 15.02.2020

For citation:

Hosseini A.A., Tabassom Khakrah Kahnamouei (2020). Infinitive Interrogative Sentences in Russian and Persian: Modal Meanings of Potentiality and Efficiency. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 585—595. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-585-595

Введение

Активность независимого употребления инфинитива в предложениях различного типа в русском языке и многообразии передаваемых ими модальных значений находится в фокусе внимания лингвистов. Так, представляет интерес сравнительное описание модальных значений потенциальности и оперативности, передаваемых инфинитивом в односоставном вопросительном предложении, в русском и персидском языках. Вместе с тем синтаксический анализ этих конструкций вызывает трудности у пероговорящих, изучающих русский язык, так как инфинитив в персидском языке, в отличие от русского языка, никогда не выступает в роли самостоятельного сказуемого. Цель нашего исследования — рассмотрение модальных значений потенциальности и оперативности в односоставном вопросительном предложении и риторическом вопросе в русском языке и выявление языковых средств, используемых для передачи этих же значений в инфинитивных конструкциях в персидском языке в сопоставительном аспекте.

Односоставное инфинитивное вопросительное предложение со значениями оперативности и потенциальности

На первом этапе нашего анализа были рассмотрены вопросительные предложения различных типов с включением независимого инфинитива в функции простого глагольного сказуемого, выражающего модальные значения потенциальности и оперативности, на материале русских драматургических художественных произведений М.Ю. Лермонтова «Люди и страсти», А.П. Чехова «Вишневый сад» и романа А.Н. Толстого «Хождение по мукам». В результате было установлено, что инфинитив в вопросительных предложениях с помощью интонации, лексических единиц и их семантических характеристик передает совмещенные модальные значения потенциальности и оперативности и в то же время раскрывает их внутренние, скрытые семантические потенциалы в контексте.

Различие фундаментальных семантических и синтаксических особенностей инфинитива в отличие от спрягаемых форм глагола сводится к тому, что, имея статус «неопределенной формы» [1. С. 6], в составе односоставных инфинитивных предложений инфинитив как единственный независимый главный член предложения выполняет функцию простого глагольного сказуемого [2. С. 77, 228], [3. С. 301], [4. С. 103], [5. С. 9], [6. С. 77], [7. С. 297], [8. С. 152], [9. С. 100].

По мнению проф. В.В. Бабайцевой, основное значение односоставного инфинитивного предложения проверяется постановкой определенного вопроса: «что говорится о предмете речи?» [11. С. 80], и таким синтаксическим способом, часто контекстуально и невербально, или вербально дательным падежом субъекта [11. С. 208] и образуется односоставное инфинитивное предложение. В предложениях этого типа инфинитив как

главный член не способен характеризовать действие с точки зрения времени его протекания. [12. С. 120]. Таким образом, общими значениями инфинитивного односоставного предложения являются вневременность и потенциальность действия [12. С. 120].

Инфинитивное односоставное вопросительное предложение по цели высказывания, или собственно вопросительное предложение в зависимости от контекста, могут ожидать ответа и могут служить ответом на вопрос: *Сейчас пойти?*؟ همین الان بروم? *Картошка хотя бы есть у нас?* حتی سیب زمینی هم نداریم? или быть риторическим вопросом без ответа. Сравните:

За что им меня любить? اصلا چرا باید دوستم بدارند

А почему про меня не написать роман? چرا درباره من رمانی نوشته نشود؟

Риторические вопросы в отличие от других типов простых предложений оформляются особой интонацией, то есть повышением тона над словом, с которым соотносится содержание вопроса [3. С. 371], например: *Что же делать?*؟ چه باید کرد? Инфинитивные односоставные вопросительные предложения также обладают признаками других (неинфинитивных) вопросительных предложений, такими, например, как интонация, порядок слов, вопросительные слова, занимающие строго определенную синтаксическую позицию: это вопросительные местоимения, вопросительные частицы, характеризующиеся особыми синтаксическими и семантическими значениями [3. С. 372]. Исходя из коммуникативной функции, предложения данного типа делятся на:

- 1) собственно-вопросительные;
- 2) вопросительно-отрицательные;
- 3) вопросительно-утвердительные;
- 4) вопросительно-побудительные и
- 5) риторические вопросы, что, по существу, лежит в основе их классификации.

Инфинитивное односоставное предложение выступает либо как собственно вопросительное предложение, требующее ответа, либо в рамках риторического вопросительного предложения, не содержащего вопроса и не требующего ответа [13. С. 39], [14. С. 386]; эти предложения употребляются с целью сообщения об эмоциональных чувствах субъекта действия в синонимии с повествовательными предложениями интонационно и самой формой инфинитива, поэтому такие предложения функционируют как утверждение возможности, необходимости, долженствования или, напротив, отрицания, невозможности, отсутствия необходимости, нецелесообразности действия [14. С. 373].

По мнению проф. Н.Ю. Шведовой, модальными значениями «называются разные явления, объединяемые тем признаком, что все они, так или иначе — грамматически, лексически, интонационно — выражают отношение говорящего к сообщаемому» [14. С. 214]. По мнению акад. В.В. Виноградова, «каждое предложение имеет модальное значение, т.е. содержит в

себе указание на отношение к действительности» [15. С. 55] и находится «в тесной связи с эмоционально-экспрессивным содержанием речи» [15. С. 49]. По мнению Н.Ю. Шведовой, Г.А. Золотовой и др., модальное значение подразделяется на субъективное и объективное значения [16]; [17. С. 287]. Под субъективной модальностью инфинитивных предложений подразумевается оценка факта действительности со стороны говорящего как субъекта речи, объективная же модальность инфинитивных предложений указывает на события объективной действительности вне зависимости от намерения говорящего [18. С. 622].

В отдельных случаях различные модальные значения способны совмещаться в одном и том же слове или одной и той же форме; в результате образуется новое значение, как, например, значение повелительности и желательности образуют значение оперативности, значения желательности и возможности выступают как понятие потенциальности [19. С. 60, 126], [20. С. 6], [21. С. 119].

Объективно-модальное значение возможности в сочетании со значением потенциальности лексически, морфологически и синтаксически сообщает о мысли говорящего субъекта или субъекта предметной ситуации. Значение возможности указывает на ирреальное существование в момент речи, на реально существующие предпосылки для осуществления чего-либо в пределах определенного времени, что не мешает возникновению потенциальности [20. С. 6]; [21. С. 119]. В значении потенциальности намерение субъекта, в первую очередь, имеет отношение к его воле к выполнению возможного действия, которое проявляется в качестве побуждения к осуществлению ожидаемого действия. Следовательно, потенциальное значение, передаваемое инфинитивом в инфинитивных предложениях, в отдельных случаях открывает возможность осуществления факта реальной действительности [Там же]. Например:

Мы ничего не хотим и не можем помнить ماھيچ چيزی را نمی خواهيم به خاطر بسپاريم (т.е. Мы не хотим и не можем помнить);

Каким словом заклясть? Лечь в пыли и звать چگونه می توان افسونش کرد؟ باید روی خاک خوابید و فریاد برآورد (Каким словом можно заклясть?).

Значение побудительности понимается как волеизъявление субъекта действия к его осуществлению. Побудительность, по мнению Н.Ю. Шведовой, «объединяет в себе ряд более частных значений повеления со значением пожелания, требования, а также сложившиеся на основе побудительности переносные значения» [14. С. 110]. Значение побудительности непосредственно сообщает о намерении субъекта выполнить действие. Как уже было отмечено, это значение может выражаться лексически, морфологически и синтаксически, например: частица *бы* в вопросительных инфинитивных предложениях указывает на намерение говорящего по отношению к выполнению определенного действия (значение оперативности), как правило, в прошедшем или будущем времени, например:

چطور است با احتیاط جای کبریت را از داشا-پیرسم؟
Как бы так спросить осторожно, где у Даши спички? —

چطور است منصورف شوید؟ —
Так что же не отказаться ли вам? —

Односоставное инфинитивное вопросительное предложение со значениями потенциальности и оперативности в персидском языке

Охарактеризовав модальные значения потенциальности и оперативности, передаваемых русским инфинитивом в простом глагольном сказуемом в вопросительных инфинитивных предложениях, при сопоставительном анализе мы установили, что в персидском языке названные семантические значения, в отличие от русского языка, не реализуются инфинитивом-сказуемым, поскольку персидский инфинитив выполняет функции имени существительного [22. С. 25], [23. С. 183], [24. С.60].

В персидском языке инфинитив сближается с именем существительным, он называет потенциальное действие в отвлечении от времени и лица. Русский инфинитив лишен многих грамматических категорий спрягаемого глагола, однако основная его синтаксическая функция в предложениях — быть сказуемым; персидский инфинитив никогда не выполняет данную синтаксическую функцию глагола и в персидском языке он отнесен к классу имен существительных [25. С. 19—21], например:

Вот наняли музыкантов, а чем платить? —

ببین نوازنده هارا دعوت کرده اند، اما از کجا می خواهند پولش را بدهند؟

В обоих языках вопросительное предложение выполняет одинаковые функции; не возникает трудностей при переводе на персидский язык русских вопросительных инфинитивных предложений [26. С. 200]. Иранские исследователи утверждают, что в персидском языке, как и в русском, в зависимости от намерения говорящего субъекта и реакции адресата-собеседника существует два типа вопросительных предложений:

а) собственно вопросительные;

б) риторические вопросительные предложения.

В первом случае говорящий задает вопрос конкретному адресату-собеседнику, вопрос предполагает ответ со сказуемым в форме изъявительного наклонения. Иногда вопросительные предложения сопровождаются особыми графическими, интонационными и грамматическими средствами, среди которых наиболее важными являются:

а) вопросительный знак «?» в конце предложения;

б) повышение тона, сосредоточенное над словом, обозначающим объект вопроса;

в) употребление вопросительных местоимений *چی* что, *چطور* как, вопросительных наречий *چرا* почему, *کجا* где и вопросительных частиц *آیا* ли, *لی*, например:

چطور می شود کمک کرد؟ = *Как помочь?*..

چگونه میشود دخالت نکنم؟ = *Как же не касаться?*

Во втором типе вопросительных предложений — риторических вопросах — не предполагается ответа. Подобные средства используются для образования вопросительных предложений, как и в первом типе, но с иной коммуникативной целью — высказывания как утверждения или подчеркивания необходимости/отсутствия необходимости, возможности/невозможности, желательности/нежелательности, потенциальности и др., и/или они указывают на эмоциональное отношение субъекта к действию.

Предложения со значением потенциальности выполнения какого-либо действия в односоставных вопросительных инфинитивных предложениях обычно образуются с помощью независимого инфинитива, иногда и в сочетании с вопросительными словами. В персидском языке специальные средства выражения таких модальных значений, как потенциальность и оперативность, редко становились объектом изучения [27. С. 143]. Тем не менее, детальное рассмотрение этого вопроса в персидском языке приводит нас к заключению, что сослагательное и повелительное наклонения в персидском языке способны выражать значения побуждения, желания, ирреального условия и т.п. [28. С. 61], [29. С. 381], [30. С. 61]. Сослагательное наклонение в персидском языке, в отличие от русского, проявляется в особой спрягаемой форме глагола, в некоторых случаях дополняется определенным кругом лексических средств, дублирующих семантическое обозначение потенциальности и оперативности, сравните:

(1) *Но, где тебе знать?* (اما تو از کجا میتوانی بفهمی؟ (Но, где ты можешь и хочешь знать?));

(2) *Как ему было оторваться от нее?* (چطور می توانست جدا شود؟ (Как он мог и хотел от нее оторваться));

(3) *А как это можно соединить?* (اما این را چطور میشود ربط داد؟ (А как это можно соединить?));

(4) *Верно, барыня мне даст много денег. Куда ж она может и хочет их девать?*;

(4) *Долго ли вам, братишки, ходить дураками...? (Долго ли вы хотите, братишки, ходить дураками?)* (بچه ها تا کی می خواهید مثل احمق ها باشید؟ (Как вы можете долго ходить дураками?));

(5) *Зачем нам ссориться, это же чистое недоразумение.* (چرا بخاطر یک سو تفاهم دعوا کنیم؟ (Мы не можем и не хотим ссориться, это же чистое недоразумение));

(6) В приведенных выше примерах в качестве главного члена сказуемого самостоятельно выступает инфинитив; в персидском языке сказуемое оформляется личными спрягаемыми формами глагола. Первый и второй примеры вопросительных предложений являются собственно вопросительными предложениями, остальные — риторические вопросы — указывают на

потенциальность осуществления действия. Еще раз подчеркнем, что в русском языке они оформляются инфинитивом и вопросительными наречиями (*где, куда, как, ли, зачем*). Модальное значение в русских предложениях контекстуально указывает на значения внешней возможности и внутреннего намерения осуществления действия. В персидском языке данное значение передается с использованием модального глагола *توانستن شدن* *мочь* в личной (спрягаемой) форме; кроме того, в обоих языках, помимо значения потенциальности, выявляется модальное значение оперативности, т.е. намерения и побуждения по отношению к выполнению действия. В персидском языке это значение передается посредством сослагательного наклонения и спрягаемой формы модального глагола *خواستن* *хочет*. Одновременно значение потенциальности в русском языке в этих примерах контекстуально указывает дополнительные денотативные смыслы (см. пример 3): *где она сможет и захочет деньги देвать (Верно, барыня мне даст много денег. Куда ж ей их девать?)*; *А как это можно соединить? (А как это соединить?) Как он может и хочет от нее оторваться?* и др. Говорящий задает вопрос о потенциальности действия («*девать*», «*соединить*», «*оторваться*») и о намерении и побуждении к осуществлению названного действия. Необходимо также подчеркнуть, что вышеприведенные примеры во многом являются синонимами. Субъект действия во всех примерах (кроме второго предложения) вербализован в дательном падеже, который в персидском языке выражается личным окончанием глагольных форм.

Заключение

1) Односоставное инфинитивное предложение в русском и в персидском языках образуется на основе наличия лишь сказуемого как господствующего члена предложения.

2) Семантика инфинитивных односоставных вопросительных предложений в русском языке концентрируется вокруг неопределенной формы глагола, в персидском языке передается спрягаемыми формами глаголов, при этом для выражения данного значения используются и двусоставные, и односоставные предложения.

3) Инфинитив в русском языке можно отнести к одной из грамматических форм глагола, тогда как в персидском языке инфинитив выполняет синтаксические функции имени существительного и приобретает грамматические свойства существительных.

4) Модальные значения потенциальности и оперативности в русском языке в пределах инфинитивного односоставного вопросительного предложения передаются интонацией, вопросительными словами и частицами; в персидском языке эти значения формируются с помощью модальных слов, интонации, форм сослагательного наклонения, выражающих значения намерения и возможности.

Библиографический список

1. *Шелякин М.А.* Русский инфинитив: морфология и функции. М.: Флинта, Наука, 2011.
2. *Бабайцева В.В.* Синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2015.
3. Современный русский язык. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
4. Современный русский язык: Синтаксис словосочетания и простого предложения, Н.М. Пипченко. Минск: БГУ, 2008. 196 С.
5. Синтаксис русского языка. А.А. Шахматов. М.: Флинта, 2015.
6. *Стародумова Е.А.* Синтаксис современного русского языка. Владивосток: Дальневосточного университета, 2005.
7. *Войнова Е.И.* и др. Учебник русского языка. М.: Русский язык, 1981.
8. *Скобликова Е.С.* Современный русский язык: синтаксис простого предложения. М.: Наука, 2006.
9. *Байрамова Л.К., Сафиуллина Ф.С.* Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Казань: Казанский университет, 1989.
10. *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1987.
11. *Каразина В.И.* Современный русский язык: структурная организация простого предложения. Елец: Егу. 2007.
12. Синтаксис современного русского языка. Г.Н.Акимова, С.В. Вяткина и др. СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009.
13. *Мостовая Л.А.* Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 1999. по 4. С. 39—45.
14. *Шведова Н.Ю.* Русская грамматика, Т. II. М.: Наука, 1980.
15. *Виноградов В.В.* Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.
16. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса. М.: Наука, 1973.
17. *Ткаченко А.И.* Текстобразующая роль модальности в газетной статье // Ученые записки Казанского университета. 2011. по 153. С. 286—291.
18. *Хосейни А., Вализадех Х.* Инфинитивные предложения со значением объективной предопределенности в русском языке и средства их передачи в персидском языке // Молодой ученый. 2015. по 2. С. 621—625.
19. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
20. *Федорова И.Р.* Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). Калининград: Изд-во Калининград. ун-т., 2000.
21. *Зеленищев А.В.* Пропозиция и модальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
22. *Anvary H., Ahmady Givuy H.* Persian language grammar 2. Tehran: Fatemi Publishing, 2011.
23. *Farshidvard Kh.* (2003). Detailed modern grammar based on the new libguistic. Tehran: Sokhan publication, 2003.
24. *Вализадех Х., Хосейни А.* Инфинитивные предложения со значением субъективной предопределенности в русском языке в зеркале персидского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. по 9. С. 57—61.
25. *Hosseini A.* Investigating the grammatically syntactic features of infinitive in Russian language in comparison with the Persian language. *The journal of foreign language and literature of university of Tehran*. 2002. по 12. С. 19—32.
26. *Shafahi A.* Scientific principles of Persian grammar. Tehran: Novin publication, 1984.
27. *Тайебиантур Ф., Валитур А.* Средства выражения модального значения возможности в персидском языке // Litera. 2014. по 2. С. 129—143.
28. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М.: «Восточная литература» РАН. 2001.
29. *Arjang A.* The modern Persian grammar. Tehran: Ghatre publishing, 1994.

30. Мешкато Динм М. Персидская грамматика: на основе грамматической трансформации. Мешхед: Мешхедский университет по имени Фирдоуси, 1985.

References

1. Sheliakin, M.A. (2011). *Russian infinitive: morphology and functions*. Moscow: Flinta-Nauka. (In Russ.).
2. Babaytseva, V.V. (2015). *Russian syntax*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
3. Modern Russian language: Part 2 (2008). Y.I. Dibrova (Ed.) Moscow: Publishing center "Academy". (In Russ.).
4. Modern Russian language: Syntax of word-combination & simple sentence (2008). N.M. Pipchenko (Ed.). Minsk: Belarussian State university. (In Russ.).
5. Russian syntax (2015). A.A. Shakhmatov (Ed.). Moscow: Flinta. (In Russ.).
6. Staradoomova, E.I. (2005). *Syntax of Modern Russian language*. Vladivastok: Far-Eastern Federal university. (In Russ.).
7. Vaynova, E.I. (1981). *Russian language textbook*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
8. Skablikova, E.S. (2006). *Russian language: Syntax of the simple sentence*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
9. Bayramova, L.K. & Safioolina, F.S. (1989). *Comparative syntax of Russian and Tatar languages*. Kazan: Kazan Federal university. (In Russ.).
10. Babaytseva, V.V. & Maksimov, L.U. (1987). *Syntax. Punctuation*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.).
11. Karazina, V.I. (2007). *Modern Russian language: structural organization of the simple sentence*. Yelets: Yelets state university. (In Russ.).
12. Syntax of modern Russian language (2009). G.N. Akimova, C.V. Viatkina & all (Eds.). St. Petersburg: Saint Petersburg State university. Moscow: Academy. (In Russ.).
13. Mastovaya, L.A. (1999). Rhetorical question in groups of indirect speech acts. *Russian language studies*, 4, 39—45. (In Russ.).
14. Shvedova, N.Yu. (1980). *Russian grammar*. Vol. 2. Moscow: Nauka. (In Russ.).
15. Vinogradov, V.V. (1975). *Studies in Russian grammar*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
16. Zolatava, G.U. (1973). *Essay on functional syntax*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. Tekachenko, A.I. (2011). The text-forming role of modality in a article newspaper. *Scientific notes of the Kazan University*, 153, 286—291. (In Russ.).
18. Hosseini, A. (2015). Infinitive sentences with the objective meaning of predetermination in Russian language and methods of their expression in Persian language. *Young scientist*, 2, 621—625. (In Russ.).
19. Bondarko, A.B. (1990). *Theory of Functional grammar: Temporality, Modality*. St. Peterburg: Nauka. (In Russ.).
20. Fedorava, I.R. (2000). *The modality of possibility in Russian language (on the material of newspaper)*. Kaliningrad: University of Kaliningrad. (In Russ.).
21. Zeleshnikova, A.V. (2010). *Position and modality*. Moscow: Librokam. (In Russ.).
22. Anvary, H. & Ahmady Givy, H. (2011). *Persian language grammar 2*. Tehran: Fatemi Publishing. (In Iranian).
23. Farshidvard, Kh. (2003). *Detailed modern grammar based on the new libguistic*. Tehran: Sokhan publication. (In Iranian).
24. Valizadeh, Kh. & Hosseini, A. (2015). Infinitive sentences with the meaning of Subjective predetermination in the Russian language through the prism of Persian language. *Philological sciences. Theoretical & practical problems*, 9, 57—61 (In Russ.).
25. Hosseini, A. (2002). Investigating the grammatically syntactic features of infinitive in Russian language in comparison with the Persian language. *The journal of foreign language and literature of university of Tehran*, 12, 19—32. (In Iranian).

26. Shafahi, A. (1984). *Scientific principles of Persian grammar*. Tehran: Novin publication. (In Iranian).
27. Tayebniapour, F. & Valipour, A. (2014). Methods of expressing modal meaning of possibility in Persian language. *Litera*, 2, 129—143. (In Russ.).
28. Rubinchik, Yu.A. (2001). *The grammar of modern Persian literature*. Moscow: “Eastern literature” RAN. (In Russ.).
29. Arjang, (1994). A. *The modern Persian grammar*. Tehran: Ghatre publishing. (In Iranian).
30. Meshkatod Dini, M. (1985). *Persian grammar: Based on the Transformational grammar*. Mashhad: Ferdowsi university of Mashhad. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Амир Хосейни Алиасгар, доцент кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета, *e-mail*: amhoseini@ut.ac.ir.

Табассом Хакрах Кахнамуи, аспирант кафедры русского языка и литературы Тегеранского университета, *e-mail*: t.khakrah@gmail.com.

Information about the authors:

Amir Aliasghar Hosseini, Associate professor in Department of Russian language and literature, University of Tehran, *e-mail*: amhoseini@ut.ac.ir.

Tabassom Khakrah Kahnamouei, Phd student of the Department of Russian language and literature, University of Tehran, *e-mail*: t.khakrah@gmail.com.

Рецензии Reviews

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-596-603

УДК: 811.161.1:811.111:165:159

Рецензия / Review

Рецензия на книгу:

Крюкова О.П. Речемыслительная деятельность в лингвистической теории и образовательной практике (экспериментальное исследование когнитивной организации лингвистических знаний на материале английского и русского языков) [Электронный ресурс]: монография. Электронные текстовые данные (3,3 Мб). Москва: ИИУ МГОУ 2019 г. 1 электронный опт. диск (CD-ROM). Систем. требования: Intel Pentium или аналогичный процессор других производителей) 1 Гц; 512 Мб оперативной памяти; привод CD-ROM; операционная система Microsoft Windows XP SL 2 и выше; Adobe Reader 7,0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата pdf)

Е.А. Красина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Elena_krassina@mail.ru

История статьи:

Дата поступления: 10.05.2020

Дата приема к печати: 21.05.2020

Для цитирования:

Красина Е.А. Рецензия на книгу: Крюкова О.П. Речемыслительная деятельность в лингвистической теории и образовательной практике (экспериментальное исследование когнитивной организации лингвистических знаний на материале английского и русского языков) [Электронный ресурс]: монография. Электронные текстовые данные (3,3 Мб). Москва: ИИУ МГОУ 2019 г. 1 электронный опт. диск (CD-ROM). Систем. требования: Intel Pentium или аналогичный процессор других производителей) 1 Гц; 512 Мб оперативной памяти; привод CD-ROM; операционная система Microsoft Windows XP SL 2 и выше; Adobe Reader 7,0 (или аналогичный продукт для чтения файлов формата pdf) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 3. С. 596—603. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-596-603

© Красина Е.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK: 811.161.1:811.111:165:159

Review on the Book:

Kryukova O.P. Verbal-intellectual Activity in linguistic theory and teaching practice (Experimental study of cognitive structures of language acquisition in English and Russian): [Electronic resource]: monography. Text electronic data (3,3 Mb). Moscow: IIU MGOU, 2019 г. CD-ROM opt. disk. Systemic requirements: Intel Pentium or the analogues, 1 GGH; 512 Mb short term memory; CD-ROM drive; Microsoft Windows XP SL 2 or the next ones; Adobe Reader 7,0 (or the analogues to read pdf files)

Elena A. Krasina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation, 117198
Elena_krassina@mail.ru

Article history:

Received: 10.05.2020

Accepted: 21.05.2020

For citation:

Krasina, E.A. (2020). Review on the Book: Kryukova O.P. Verbal-intellectual Activity in linguistic theory and teaching practice (Experimental study of cognitive structures of language acquisition in English and Russian): [Electronic resource]: monography. Text electronic data (3.3 Mb). Moscow: IIU MGOU, 2019. CD-ROM opt. disk. Systemic requirements: Intel Pentium or the analogues, 1 GGH; 512 Mb short term memory; CD-ROM drive; Microsoft Windows XP SL 2 or the next ones; Adobe Reader 7.0 (or the analogues to read pdf files). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (3), 596—603. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-3-596-603

Современная парадигма гуманитарного знания все более и более опирается на междисциплинарные матрицы описания объектов и процессов познания и параллельно их реализации в прикладном аспекте. Эта тенденция обозначена уже в названии монографии О.П. Крюковой, объектом которой избрана речемыслительная деятельность, а предметом — средства и способы ее описания и использования в теории и практике. Познавательная функция языка как мегафункция обнаруживается в системе так называемых когнитивных наук (*cognitive sciences*) и одновременно в лингвистике, поскольку язык и его коммуникативная реализация — речь в неслиянном единстве и бытие обеспечивают категоризацию действительности и хранение полученной информации и знаний.

Особая актуальность настоящего исследования обусловлена привлечением ресурсов среды Интернет, которая, по мнению автора монографии, «дополняет книжный и медийный материал» и, по сути, представляет собой «ассоциативную вербальную сеть»¹.

¹ См.: Крюкова О.П. Речемыслительная деятельность в лингвистической теории и образовательной практике: (экспериментальное исследование когнитивной организации лингвистических знаний на материале английского и русского языков) размещена на сайте НЭБа : монография <https://elibrary.ru/item.asp?id=41137822>

Собственно интернет-общение — это новое пространство коммуникации, которое ставит задачи не только в теории, но им в процессе освоения и обучения языку. На наш взгляд, задачи вполне коррелируют с концепцией Т.В. Черниговской, понимающей язык как некую нейролингвистическую сеть, как своеобразный интерфейс когнитивной деятельности человека [1].

Проф. О.П. Крюкова не останавливается исключительно на теории, а проводит сложный эксперимент, принимая за отправную точку гипотезу Ч. Филлмора [3; 4; 5] об управляющей роли фрейма в процессе речепорождения. В настоящей монографии вместо фрейма разрабатывается и вводится уточняющее понятие фреймовой модели представления знаний (ФМПЗ) как модели, функционирующей в особой — интеллектуальной учебной среде, в процессе обучения (см. работы О.П. Крюковой) [6; 7]. С необходимостью привлекается и механизм «упреждающего речевого и мыслительного синтеза», по Н.И. Жинкину [8; 9; 10]. Согласно этой теории, выступая в качестве основы речевой деятельности, внутренняя речь и ее механизмы, прежде всего механизмы понимания, реализуются посредством универсального предметного кода (УПК), который имеет некую общую структуру для обработки вербальной и невербальной информации о действительности, поступающей по различным каналам, в том числе привлекая сенсорные средства и способы познания.

На этом фоне в качестве классификационной и интегрирующей единицы, положенной в основу ФМПЗ модели, фрейм получает новое определение — это сложный языковой знак, дополняющий уже известные знаковые образования в коммуникативном пространстве в диапазоне от слова до дискурса. Благодаря этому речемыслительная деятельность обретает новые механизмы и свойства, существенные как для отдельных когнитивных процессов, так и для человеческого познания в целом. Очевидно, что целевая аудитория не ограничивается лингвистами и филологами, а вовлекает широкий круг читателей, занимающихся другими гуманитарными и естественнонаучными исследованиями.

Нацеливая читателя на адекватное прочтение и восприятие монографии, автор уже во Введении формулирует полученные результаты как функции и области определения ФМПЗ (с. 8 монографии), при этом их отличает и теоретический, и прикладной характер. В итоге, в результате проведенного эксперимента стало очевидно, что ФМПЗ — это способ организации и управления фреймовой структурой познания; это механизм организации информационной базы памяти; это способ извлечения нового знания из дискурсов различной природы и типов (научного и делового дискурса в частности); это средство когнитивного картирования теоретических лекционных курсов гуманитарных дисциплин и разработки карты письменной речемыслительной деятельности на иностранном языке.

Отметим наиболее существенные достижения монографии, следуя за ее композицией, включающей четыре главы.

Глава 1. *Речемыслительная деятельность как новое научное направление в русле когнитивной лингвистики* представляет собой теоретическое обоснование нового междисциплинарного научного направления в рамках лингвистической парадигмы когнитивного знания, объединяющей теоретический и прикладной аспекты исследования речемыслительной деятельности и разработку фреймовой модели представления гуманитарных и лингвистических знаний.

Как отмечает О.П. Крюкова, наряду с уже сложившимися традициями в лингвистике возникают новые направления: интернет-лингвистика как таковая [11], опирающаяся на триаду объектов «текст — дискурс — гипертекст», и интернет-коммуникация, активно использующая язык как одну из семиотических систем. В свою очередь усложняется и задача лингвистики: построить собственную лингвистическую систему РМД, создать модель речемысли в качестве основы системы РМД с использованием широкого понимания семантики как таковой (с. 13) с опорой на «фреймовую семантику» (с. 15), которой, по мнению автора монографии, принадлежит ведущая роль в создании структуры РМД.

Исходя из понимания языка как одной из семиотических систем, по Л. Ельмслеву, самой универсальной, для ее описания и далее — интерпретации механизмов РМД, необходимо привлекать семиотические отношения: синтактику, семантику и прагматику, исходя из вектора познания: «от мира к слову» и/или «от слова к миру». Исходя из более конкретного понимания языка — язык — это когнитивный код (один из когнитивных кодов), автор монографии полагает, что необходимо задать алгоритм и создать некий аналог речемыслительного процесса, или ИУС — интеллектуальную учебную среду, которая объективирует когнитивное моделирование РМД.

Обработать и интерпретировать когнитивную информацию позволят когнитивные структуры в виде фреймов, семантических полей, пропозиций и концептов, все они, по природе, семантические конструкторы. Заметим, что мы бы исключили так наз. «древовидные структуры», поскольку, на наш взгляд, это одна из наглядных внешних форм представления зависимостей (ср. анализ по непосредственным составляющим в генеративной грамматике — «дерево НС» Н. Хомского), тем более что на с. 18 и сл. монографии разъясняется роль фрейма в организации вертикальной структуры как его собственной, имманентной структуры, а горизонтальные отношения оказываются обусловленными ассоциативными связями микрополей, вовлеченных фреймом-вершиной, фреймом-метапонятием.

Далее обсуждается понятие когнитивной матрицы РМД, которое избирается основным компонентом ИУС, обсуждаются ее структура и функции. Очевидно, что вертикальные и горизонтальные параметры КМ РМД и РМД в целом, так или иначе, опираются на взаимодействие родовидового и целочастного принципов. Эти же принципы отражаются и повторяются на разных уровнях КМ РМД и в единстве фреймов, семантических полей и их

фрагментов, пропозиций и концептов, варьируясь в зависимости от типа фрейма и его языкового наполнения. Более частные логические принципы — от простого к сложному, от конкретного к абстрактному, от индукции к дедукции и др. — раскрываются как дополнительные способы выявления содержания и структуры фреймовой модели знаний в ИУС, в том числе на примере «Наивной грамматики» английского языка (см. § 1.3).

Таким образом, Глава 1 исследования О.П. Карповой дает обоснование нового научного направления в исследовании РМД: она детально представляет его методологию и необходимые методические приемы и процедуры, характеризует его метаязык — понятийно-терминологический аппарат исследования, закладывает основы эксперимента, обсуждаемого в последующих главах и разделах монографии.

Глава 2. *Эксперимент исследования по применению когнитивного кодирования для получения новых знаний о языке из языка* четко делится на две части, в которых обсуждается аппарат исследования и стратегии применения когнитивных продуктов в интеллектуальных учебных средах. Параллельно автор пытается выйти за пределы неразрешимого вопроса о соотношении языка и метаязыка, поскольку исследование языка, описание и обобщение анализа и его результатов идет на одном и том же языке, реже двух или нескольких языках. Весь эксперимент подчинен двум исходным гипотезам (п. 2.1.3, с. 45), в рамках фреймовой организации РМД и ее моделей, сопряженных с антагонизмом языка и речи, и внешними факторами ИУС. Глава 2 задает установки практического применения обозначенных стратегий, которые описаны в следующей Главе 3. Наиболее удачным нам представляется раздел 2.1.5 *Основные понятия*, в котором представлен глоссарий терминов, отражающих необходимые понятия для решения поставленных задач и раскрытия цели исследования. Тем не менее, отметим, что, на наш взгляд, раздел 2.1 *Аппарат исследования* композиционно выглядел бы более последовательным и логичным при следующем изменении последовательности его подразделов: *Основные положения* → *Основные понятия* (метаязык исследования. — Е.К.) → *Гипотеза исследования* → *Цели и задачи исследования* → *Методы исследования РМД*, что обеспечило бы плавный переход от методов к стратегиям. В свою очередь, полагаем, что и выводы к Главе 2 были бы более содержательными и объемными.

Прикладной характер Главы 3 *Решение задач на материале различных типов дискурса* очевиден и закономерен. На фоне онтологической проблемы «язык и мышление/мышление и язык» раскрывается грамматический и лексико-семантический потенциал языка, семиотическая обусловленность глубинных когнитивных структур, динамика развития когнитивных процессов в денотативном и референциальном планах, в пропозитивном содержании именных и глагольных групп, наконец, во взаимодействии лексики и грамматики в пределах событийной пропозиции предложения-высказывания.

В итоге предлагается типология фреймов и сценариев (проанализированы маркетологический, научный и деловой дискурс), типология стратегий, обусловленная внутренними интралингвистическими и внешними, экстралингвистическими факторами. Особо отметим богатый материал, который объективирует и постановку и проведение эксперимента, подбор методов анализа, его убедительность и результативность. Полагаем, что основной итог Главы 3 — это экспериментальное обоснование новых когнитивных свойств фрейма при условии гармонизации или ситуации конфликтности в процессе комментирования лингвистических объектов, в первую очередь текстов и их фрагментов.

Глава 4. *Примеры структурных моделей знаний и компонентов интеллектуальных когнитивных средств и экспериментальной практики обучения языку автора* продолжает развитие прикладного аспекта исследования, проверяя и обобщая опыт автора монографии О.П. Крюковой в процессе обучения иностранному (английскому) языку, ориентированного на идеи и модели ФМПЗ. Различая учебные и практические задачи овладения иностранным языком, автор охватывает все лингвометодические аспекты обучения иностранному языку: фонетические — на уровне чтения и письма; лексико-синтаксические и лексико-грамматические — на уровне конструирования именной группы в единстве синтаксических структур и их лексического наполнения в соответствии с фреймовой категоризацией (см. Глава 3, п. 3, 3.1).

В этой главе включен сопоставительный англо-русский регистр описания, который позволяет учащемуся наиболее осознанно сочетать и использовать лингвистические и экстралингвистические знания, т.е. осознанно гармонизировать образцы и модели РМД в пределах ИУС. Типы упражнений и языковые примеры многочисленны и разнообразны: они формируют когнитивно-лингвистические навыки в обоих направлениях — «от мира к слову» и «от слова к миру», что подтверждает достоверность полученных результатов. Один фрагмент монографии, не включенный ни в ее Содержание, ни в какой-либо раздел или выводы по главам, размещен после Списка использованной литературы на с. 179—185. Он содержит полезные обобщения и имеет общее название «Именование предметов», хотя далее включаются схемы с названиями «Количество», «Время», «Состояние» и др. Возможно, было бы предпочтительным компромиссное решение сделать этот материал Приложением к монографии.

Заключение монографии обобщает итоги эксперимента в теоретическом, методическом и прикладном аспектах. Сочетая эти аспекты, выстраивая логику анализа, обобщая его результаты, Заключение свидетельствует о так называемой «закольцованной композиции» научного труда проф. О.П. Крюковой. Используя метафорическую оценку В.Г. Белинского в отношении романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как «картины с несколькими рамами», позволим себе подобным образом охарактеризовать

рецензируемую монографию проф. О.П. Крюковой: она подобна нескольким картинам в одной огромной раме; это как будто множество кадров, одновременно появляющихся на одном экране.

Библиографический список

1. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.
2. Fillmore Ch.J. Topics in lexical semantics // Current issues in Linguistic Theory, Ed. R.W. Cole. Bloomington & London: Indiana University Press. 1977. С. 76—138.
3. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. Пер. на русск. язык В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 74 — 122.
4. Fillmore Ch.J. Frame semantics and the nature of language // Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech. ICSI Research Group. AI. ICSI Publication, 1976. Vol. 280. С. 20—32.
5. Fillmore Ch.J. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. С. 111—137.
6. Крюкова О.П. Использование фрейма как матрицы для анализа и синтеза научного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. no 19 (730). С. 19—29.
7. Крюкова О.П. Когнитивные лингвистические знания: моделирование, управление речепорождение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. no 10 (803). С. 85—96.
8. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М.: АПН СССР, 1958.
9. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. no 6. 1964. С. 26—38.
10. Жинкин Н.И. Язык — Речь — Творчество. Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998.
11. Ахренова Н.А. Введение в интернет-лингвистику. М.: Международные отношения, 2017.

References

1. Chernigovskaya, T.V. (2013). *Cheshire Cat smile of Schrödinger: language and consciousness*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
2. Fillmore, Ch.J. (1977). Topics in lexical semantics *In Current issues in Linguistic Theory*, R.W. Cole (Ed.). Bloomington & London: Indiana University Press. pp. 76—138.
3. Fillmore, Ch.J. (1983). Main problems of lexical semantics, V.A. Zvegintsev (Trans.) *In New in foreign linguistics*. Vol. XII. Applied Linguistics. Moscow: Raduga. pp. 74—122. (In Russ.).
4. Fillmore, Ch.J. (1976). Frame semantics and the nature of language. *Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the Origin and Development of Language and Speech*. ICSI Research Group. AI ICSI Publication, 280, 20—32.
5. Fillmore, Ch.J. (1982). Frame semantics *In Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin Publishing Co. pp. 111—137.
6. Kryukova, O.P. (2015). Using a frame as a matrix for analysis and synthesis of scientific discours. *Bulletin of Moscow State Linguistic University*, 19 (730), 19—29. (In Russ.).
7. Kryukova, O.P. (2018). Cognitive linguistic knowledge: modeling, management of speech production. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*, 10 (803), 85—96. (In Russ.).
8. Zhinkin, N.I. (1958). The mechanisms of speech. Moscow: APN USSR. (In Russ.).

9. Zhinkin, N.I. (1964). About code transitions in internal speech. *Topics in the study of language*, 6, 26—38. (In Russ.).
10. Zhinkin, N.I. (1998). *Language — Speech — Creativity. Selected Works*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
11. Akhrenova, N.A. (2017). *Introduction to Internet Linguistics*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов; *e-mail*: elena_krassina@mail.ru.

Information about the author:

Elena A. Krasina, Dr in Philology, Professor, Professor of the General and Russian Linguistics Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); *e-mail*: elena_krassina@mail.ru.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
